

Вестник 2023

Балтийского федерального
университета
им. И. Канта

Серия
Гуманитарные
и общественные науки
№ 4

ISSN 2500-3216

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№4

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2023

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневецкий, д-р юр. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юр. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юр. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юр. наук, проф., Башкирский государственный университет;
С. М. Маркедонов, канд. ист. наук, доц., МГИМО; *А. О. Машовец*, д-р юр. наук,
проф., Уральский государственный юридический университет
им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милюков*, д-р юр. наук, проф., Российский
государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*,
д-р юр. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет;
О. В. Попова, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный
университет; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., Московская государственная
юридическая академия им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф.,
РАНХиГС при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф., Саратовский
государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 16.02.2024 г.



СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

- Новикова Ю. О.* Правовое регулирование сельскохозяйственной кооперации в период Временного правительства и в первые годы советской власти 5
- Эксархопуло А. А., Панькина И. Ю.* Процессуальное и криминалистическое обеспечение достоверности результатов опознания 22
- Лучинкин Ф. М.* Проблемы использования в доказывании по уголовному делу результатов оперативного эксперимента и проверочной закупки 32

История. Исторические науки

- Коско Д. А.* Январское восстание в воззрениях варшавских позитивистов 42
- Трусов В. А.* Старообрядцы в Северо-Западном крае Российской империи в XIX — начале XX века: проводники русской идеи или религиозные изгои 50
- Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Подготовка научных кадров по истории русского права в русском зарубежье (1920 — 1930-е годы): Харбин и Прага 62
- Дементьев И. О.* Профессор Фридрих Мюнцер в Кёнигсберге 73

Общество и политика

- Манкевич Д. В., Мегем М. Е., Филёв М. В.* Иммануил Кант в культурной памяти калининградцев (постсоветский период) 83
- Радонежская О. Н.* Международно-политический статус государства — наблюдателя при ЕАЭС: проблемы и перспективы институционализации 96

Рецензии

- Лонская С. В.* Рец. на кн.: *Кожевина М. А., Яцук Т. Ф.* Эволюция науки истории права и государства России (XVIII — XX вв.). — М.: Норма, 2023. — 576 с. 114

CONTENTS

State and law

<i>Novikova Yu. O.</i> The legal regulation of agricultural cooperation during the period of the Provisional Government and Soviet Russia	5
<i>Exarkhopulo A. A., Pankina I. Yu.</i> Procedural and forensic ensuring the reliability of identification results	22
<i>Luchinkin F. M.</i> Problems of using the results of an operational experiment and test purchase in proving a criminal case	32

History. Historical sciences

<i>Kosko D. A.</i> The January uprising in the worldview of the Warsaw positivists	42
<i>Trusov V. A.</i> Old Believers in the Northwestern krai of the Russian empire in the 19 th – early 20 th century: guides of the Russian idea or religious outcasts	50
<i>Mikhalchenko S. I., Tkachenko E. V.</i> Training of scientific personnel in the history of Russian law in the Russia Abroad (1920 – 1930s): Harbin and Prague	62
<i>Dementev I. O.</i> Professor Friedrich Münzer in Königsberg	73

Society and politics

<i>Mankevich D. V., Megem M. E., Filev M. V.</i> Immanuel Kant in the cultural memory of Kaliningrad residents (post-Soviet period)	83
<i>Radonezhskaja O. N.</i> International political status of an observer state to the EAEU: problems and prospects of institutionalization	96

Reviews

<i>Lonskaya S. V.</i> Rev.: Kozhevina M. A., Yashchuk T. F. Evolution of the science of history of law and state of Russia (18 th – 20 th centuries). – Moscow : Norma, 2023. – 576 p.	114
---	-----

УДК 347 (091)

Ю. О. Новикова

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
КООПЕРАЦИИ В ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

5

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Владимирский филиал), Россия

Поступила в редакцию 23.05.2023 г.

Принята к публикации 25.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-1

Для цитирования: Новикова Ю.О. Правовое регулирование сельскохозяйственной кооперации в период Временного правительства и в первые годы советской власти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 5–21. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-1.

Рассмотрена трансформация юридического статуса сельскохозяйственных кооперативов в России с момента прихода к власти Временного правительства до 1929 г., времени ликвидации этого вида кооперации. Исследование демонстрирует изменения кооперативного законодательства после Февральской революции 1917 г. вплоть до конца 1920-х гг. – от расширения демократических основ деятельности кооперативных товариществ до полного упразднения сельскохозяйственной кооперации как отдельного вида данного социально-экономического движения. Законодательство Временного правительства о кооперации, в том числе о сельскохозяйственной, расширило права сельскохозяйственных товариществ, закрепило единый юридический статус всех видов кооперативов, впервые ввело в правовой оборот понятие «кооперативное товарищество», разрешило кооперативам объединяться в союзы, а также сформировало четкий алгоритм организации деятельности товариществ. Этап «военного коммунизма» отмечен крайне жесткими мерами в отношении огосударствления кооперации. В период новой экономической политики законодатель реципировал имперское кооперативное законодательство, дав кооперации демократические права и свободы. Это было обусловлено тяжелым финансовым положением населения, прежде всего крестьян, а также острым дефицитом продовольственных товаров. Политика построения социалистического государства определила дальнейшую судьбу сельскохозяйственной кооперации, как и кооперации в целом, реорганизовав ее из частноправового в публично-правовой институт и лишив ее тем самым основных принципов, на которых она жила несколько десятилетий.

Ключевые слова: кооперация, кооперативные товарищества, сельскохозяйственная кооперация, кооперативное движение, кооперативное законодательство, потребительская коммуна, кооперативное строительство



Введение

В настоящее время вопросам интенсификации сельского хозяйства, развитию сельских территорий и построению развитой сельской инфраструктуры придают огромное значение на самом высоком уровне государственного управления. Кооперация считается одной из основных и органичных форм ведения сельского хозяйства, с одной стороны, и является эффективным механизмом для развития рынка труда на селе и социальной инфраструктуры — с другой. В этой связи следует обратиться к опыту такого многогранного и мощного социально-экономического движения, каковым была российская сельскохозяйственная кооперация.

6

Проблемами правового регулирования и практикой реализации сельскохозяйственной кооперации занимались многие ученые (историки, юристы), теоретики и практики кооперативного движения — В.Г. Тюкавкин, А.П. Корелин, А.О. Бунин, Е.Ю. Болотова, Ю.О. Петрова, И.Н. Коновалов, Н.С. Жданова, М.В. Панова, Т.А. Селиверстов, М.В. Пеленицына и др. [1; 2; 4–8; 24–26; 27; 31–33].

Некоторые исследователи рассматривали сельскохозяйственную кооперацию, не выделяя ее в отдельный вид, а применяя данное понятие исключительно с точки зрения оседлости и называя сельскохозяйственной кредитную, потребительскую и иные виды кооперации. Другие исследователи посвятили свои труды отдельному виду — сельскохозяйственной кооперации, обладающей особым правовым статусом.

В данной статье мы рассматриваем сельскохозяйственную кооперацию как отдельный вид кооперативного движения, период правового регулирования которой охватывает 1917–1929 гг.

Кооперативное движение в России, возникшее в 1860-х гг., к началу XX в. преобразовалось в многогранную социально-экономическую силу, способную мобилизовать огромные массы населения с целью улучшения финансового и духовного благосостояния. Данное движение состояло из различных видов кооперативных объединений, отличавшихся не по сути вышеуказанного стратегического целеполагания, а по направлениям и характеру деятельности. Единая кооперационная система начала XX в. состояла из отдельных подсистем, которые имели специфические закономерности развития, организацию и строение.

Сельскохозяйственная кооперация в России, как и другие подсистемы кооперативного движения, возникла еще в конце XIX в. Первым правоустанавливающим нормативным правовым актом, регулировавшим деятельность сельскохозяйственных товариществ, был Нормальный устав сельскохозяйственного товарищества, утвержденный в 1897 г. Министерством земледелия и государственных имуществ [11]. Это был типовый устав, форма и содержание которого должны были быть четко отражены в уставе каждого конкретного кооперативного товарищества сельскохозяйственной кооперации. Данным нормативным правовым актом, действие которого распространялось на всю территорию Российской империи, законодатель урегулировал сельскохозяйственную кооперацию и не вносил в него изменений и дополнений вплоть до 1917 г.



Кооперативное законодательство Временного правительства

Придя к власти после революционных событий 1917 г., Временное правительство спустя три месяца своего правления разработало и утвердило три общекооперативных положения: от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах» [15]; от 21 июня 1917 г. «О регистрации товариществ, обществ и союзов» [20]; от 01 августа 1917 г. «О съездах представителей кооперативных учреждений» [23].

Эти нормативные правовые акты можно отождествлять с ответом на долгожданные запросы кооператоров. Так, например, закон от 20 марта 1917 г. в ст. 1–6 не только впервые определил понятие «кооперативное товарищество», но и закрепил основные цели, принципы, направления деятельности кооперативных товариществ всех видов кооперации. Это законодательство стало своего рода отражением того отношения государственной власти к кооперации, которая к тому моменту уже превратилась в мощное социально-экономическое движение, обладающее потенциалом к мобилизации огромных сил. К 1917 г. кооперативное движение доказало, что способно существенно влиять на повышение благосостояния не только каждого отдельного домохозяйства, но и многих отраслей в целом. На кооперацию возлагалось множество надежд, которые она оправдывала, в деле снабжения фронта различными продовольственными продуктами.

Царское правительство достаточно настороженно относилось к кооперативному движению, видя в нем, с одной стороны, возможность повышения уровня жизни населения как на селе, так и в городе, с другой — угрозу в виде мобилизации общественных сил общества. В силу этого кооперативное законодательство имперской России опиралось на либеральные западные идеи в деле построения кооперации на основе демократических принципов самоорганизации, самоуправления, самодеятельности и в то же время жесткого «полицейского» надзора и контроля со стороны государства. Напротив, политика Временного правительства в отношении правового регулирования кооперации в 1917 г. отразила чаяния кооператоров по организации и деятельности кооперативных товариществ в частности и кооперативного движения в целом.

Кооперативный закон от 20 марта 1917 г. объединил все виды кооперативных товариществ, определив их юридический статус. Отныне деятельность кооперативных кредитных, ссудо-сберегательных, потребительских, сельскохозяйственных, производственных, промысловых и иных видов товариществ была урегулирована именно данным законом. Это не означало, что Временное правительство упраздняло эти виды, объединив их в один, как это было впоследствии в период «военного коммунизма». Данным нормативным правовым актом правительство впервые структурировало и упорядочило все разрозненное, бессистемное имперское кооперативное законодательство, ввело единообразие в понимании юридического статуса товариществ, дало широкую свободу правотворчества кооператоров в каждом частном случае путем составления уставных документов, отвечающих потребностям и задачам конкретного кооператива.



По сути, кооперативный закон от 20 марта 1917 г. отменил и заменил все имперское законодательство о кооперации, в том числе о сельскохозяйственной, закрепив требование перехода в течение двух лет всех ранее созданных кооперативных товариществ на уставы, которые соответствовали бы новым требованиям [15].

Можно выделить следующие основные достоинства кооперативного законодательства Временного правительства 1917 г., регулировавшего, в частности, сельскохозяйственную кооперацию:

1) в качестве признака сельскохозяйственного кооперативного товарищества, отражающего его сущность, закреплена двоякая цель деятельности, заключающаяся в улучшении материального и духовного благосостояния его членов (ст. 1 положения от 20 марта 1917 г.). Данная черта соответствовала современным теоретическим учениям о кооперации, ее идейному движению [15, с. 13];

2) положение признавало кооперативным товариществом товарищество с переменным составом и капиталом, которое «действует под особую фирмой, имеет целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов» [Там же]. Законодатель закрепил основные признаки данного юридического лица: 1) добровольно возникающее объединение физических и юридических лиц; 2) переменный состав лиц, участвующих в деятельности товарищества; 3) переменный капитал юридического лица; 4) объединение материальных, духовных, физических сил членов товарищества для удовлетворения их потребностей. Данные положения были урегулированы законодателем впервые. Именно благодаря этому нормативному правовому акту кооперативные товарищества различных видов кооперации получили один основной кооперативный закон, четко закрепивший юридический статус последних;

3) учреждение кооперативного товарищества не требовало согласования и подачи предварительного заявления в соответствующее министерство, а, в отличие от имперского кооперативного законодательства, проходило в явочном порядке (ст. 4 положения от 20 марта 1917 г.);

4) правоспособность кооперативного товарищества начиналась после обязательной регистрации уставного документа в окружном суде, который проверял его на формальное соответствие законодательству и по результатам положительного заключения публиковал данное решение в газете «Сенатские Объявления» (ст. 8 положения от 20 марта 1917 г.). Данное нововведение было крайне важно, поскольку устанавливало лишь формальную процедуру проверки, что в значительной степени упрощало организацию товарищества. Имперское законодательство предполагало не только формальную проверку на соответствие типовым уставам, утвержденным соответствующими министерствами, но и проверку политической благонадежности, причем последним полномочием были наделены губернаторы, генерал-губернаторы, которые могли как не разрешить учредить, так и закрыть уже учрежденные кооперативные товарищества в случае усмотрения в их деятельности или их составе опасности для государственного строя, общественной безопасности и нравственности [3];



5) содержание уставного документа товарищества не было так точно регламентировано, как в нормальных уставах имперского законодательства. Положение от 20 марта 1917 г. ст. 9 закрепило 14 общих пунктов содержания Устава товарищества, не детализировав их содержание;

6) капиталы товариществ могли образовываться любыми законными способами: членские и паевые взносы, займы, прибыли от коммерческой деятельности и пр. (ст. 11);

7) ответственность кооперативного товарищества была ограниченная (размером пая) и неограниченная (всем имуществом членов товарищества). Данная новелла расширяла права членов кооперативного товарищества относительно формы ответственности, определяемой исключительно уставным документом юридического лица (ст. 13).

Таким образом, российская сельскохозяйственная кооперация в 1917 г. обрела права и свободы, на которых зиждилась общая кооперативная идея с момента заимствования ее из европейского кооперативного опыта с конца XIX в. Независимая и демократичная по своей природе российская кооперация начала XX столетия, которая хорошо приспособилась к рынку и свободной конкуренции, с момента введения нового кооперативного законодательства 1917 г. получила желанный простор для саморазвития. С этого времени кооператоры строили свою деятельность на основании нормативных правовых актов общего характера, регламентировавших деятельность всех видов кооперативных товариществ.

Правовое регулирование кооперативных отношений в первые годы советской власти

С момента прихода к власти большевиков кооперация как хорошо налаженная система встретила противоречивое к себе отношение. С одной стороны, кооперативное движение во всех многообразных формах и видах было одной из немногих хозяйственных структур, которая не была разрушена в первые годы советской власти, с другой — принципы построения экономики в период «военного коммунизма», предполагавшие не развитие товарно-денежных отношений, а прямой товарообмен между городом и деревней, разрушали основные принципы построения имперской кооперации — паевое начало и распределение прибыли.

Государственная власть, обращая внимание на развитое социально-экономическое движение, численность которого достигла к 1 января 1918 г. более 50 тыс. кооперативов в целом и 16,5 тыс. сельскохозяйственных товариществ в частности [8, с. 155—156], видела в нем основу перехода к социалистическому обществу, однако полностью искажала его экономическую сущность.

Октябрьский переворот внес значительные изменения в правовое положение кооперации. Поскольку сельскохозяйственная кооперация не имела специального закона, регулировавшего деятельность сельскохозяйственных товариществ, ее судьба в годы «военного коммунизма» определялась теми трансформационными витками, которые касались и иных видов кооперации.



Дальнейшее отношение к кооперации и ее законодательному оформлению было обусловлено идеологическими установками, которыми руководствовалась центральная власть. Так, например, народный комиссар земледелия В.П. Милпотин отмечал неизбежность создания новых форм общественной жизни, которые бы работали «...на новый социалистический лад»; «подобные изменения должны произойти во всех организациях и в том числе профессиональных и кооперативных...» [30, с. 7]. Иными словами, государственная власть рассматривала кооперацию не как инструмент развития капиталистических товарно-денежных отношений, который организует свою деятельность на демократических началах, а как государственный механизм товарообмена.

Более того, резолюция о кооперации, которую принял 1-й Всероссийский съезд Советов народного хозяйства (далее – СНХ), прошедший 26 мая – 4 июня 1918 г., наметила следующие основные положения отношения государственной власти к кооперации:

1) деятельность кооперативных организаций должна была быть согласована и поставлена под руководство и контроль советских органов, регулирующих хозяйственную жизнь страны (СНХ), а также должна была отвечать задачам построения социалистического общества;

2) в деятельность советских органов вовлекались кооперативные товарищества всех без исключения видов, в том числе сельскохозяйственные;

3) обеспечивалась реорганизация кооперации;

4) организовывались специальные структурные подразделения при СНХ, в компетенцию которых входили вопросы развития кооперации;

5) СНХ была поручена разработка правил и положений, касавшихся урегулирования взаимоотношений кредитной и сельскохозяйственной коопераций и контроля над ними;

6) всесторонний контроль над кооперативными организациями должен был осуществляться местными СНХ, областными СНХ и Высшим СНХ, но не служащими кооперативов [29].

Так кооперация из частнопроводимого института трансформировалась в публично-правовую. Государственная власть поставила задачу реорганизовать кооперацию в государственный распределительный механизм, отказавшись от тех принципов деятельности, на которых она строилась с начала ее зарождения: самоорганизация, самоуправление, самодеятельность и пр. Все виды товариществ лишались отдельного правового регулирования и фактического существования, преобразовываясь в потребительскую кооперацию.

Юридическое закрепление данных положений произошло 10 апреля 1918 г. декретом Совета народных комиссаров «О потребительских кооперативных организациях» [19]. Анализируя нормы означенного документа, следует отметить, что сельскохозяйственная кооперация как отдельный вид кооперации не был выделен из потребительской. Однако, исходя из основных тенденций трансформации общественно-экономических отношений, данный нормативный правовой акт можно рассматривать как один из первых шагов на пути к ликвидации сельскохозяйственной кооперации как самостоятельного вида. Пунктом 1 этого декрета законодатель все торговые предприятия, которые снабжали население предметами потребления, в том числе сельскохозяйственными,



определил как потребительские. Более того, согласно п. 7 государственная власть запретила руководителям и владельцам частных предприятий выступать членами правлений потребительских обществ, тем самым отразив свое отношение к частному капиталу и еще раз подчеркнув необходимость перевода всех социально-экономических отношений на социалистические рельсы.

Еще одна особенность данного нормативного правового акта, иллюстрирующая отношение государственной власти к кооперации, заключалась в том, что те кооперативные организации, которые объединили в месте своей деятельности все население, имели право на налоговые преимущества [19], тогда как кооперативные товарищества имперского периода, основываясь на нормах уставных документов, принимали в свои ряды членов исключительно на добровольной основе. В новом документе наметилась тенденция к всеобщему привлечению населения в кооперативные организации.

Структура управления кооперацией тоже менялась в духе времени. Положение об отделе кооперации при ВСНХ (п. 1–2) создавало отдел по кооперации, в который входили представители Комиссариата продовольствия, Комиссариата финансов, Центросоюза, Совета рабочей кооперации и управляющий делами кооперативного отдела ВСНХ. Они были наделены рядом полномочий: 1) выработка законопроектов по вопросам кооперации; 2) контрольно-надзорная функция за деятельностью всех кооперативных учреждений; 3) издание инструкций по созданию новой кооперативной сети и пр. [28].

Деятельность власти по вопросам кооперативного строительства осуществлялась и на местах. С середины 1918 г. партийно-советские органы целенаправленно занимались созданием коллективных хозяйств — материальным содействием, идейно-пропагандистским воздействием и организационно-методическим руководством этим процессом. Организаторами коллективного хозяйства непосредственно выступали Народный комиссариат земледелия СССР, его местные органы, партийные ячейки, комитеты бедноты, продовольственные отряды. По подсчетам З. Р. Кочкаровой, к 15 ноября 1918 г. по 41 губернии было учтено 1380 коллективов, а к концу года их насчитывалось уже 1600 [8, с. 169].

Трансформация законодательства в сторону полной утраты самостоятельности сельскохозяйственной кооперацией, а также превращения данного социально-экономического явления в государственный распределительный механизм продовольствия и предметов первой необходимости среди населения проявилась и в нормах следующего закона, регулировавшего вопросы кооперации различных видов, изданного 20 марта 1919 г. [18]. Декрет Совета Народных Комиссаров «О потребительских коммунах» преобразовал всю систему кооперативных товариществ в городской и сельской местности в единый распределительный орган — потребительскую коммуну, тем самым окончательно ликвидировав сельскохозяйственную кооперацию как самостоятельный вид кооперации с определенным юридическим статусом.

С этого времени законодатель определил категорию «сельская кооперация» не по направлению деятельности и целевым установкам ко-



оператива, как это было в имперском законодательстве, а по району реализации деятельности — «сельская потребительская кооперация» [Там же].

Можно указать следующие особенности правового статуса социалистической кооперации как нового социально-экономического явления в соответствии с декретом 20 марта 1919 г.:

1) создавался единый распределительный аппарат путем объединения всех видов кооперативных объединений с общей сетью Наркомпрода;

2) гражданин был обязан стать членом единой потребительской коммуны и приписаться к конкретному распределительному пункту, из которого получать все снабжение;

3) органами управления потребительской коммуны являлись Правление и Контрольный совет, членами которых имели право стать все граждане, имевшие пассивное и активное право согласно Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г.;

4) Губсоюзам, Центросоюзу и их автономным секциям передавалась задача выполнения государственных планов, распределения продуктов питания и предметов первой необходимости между отдельными потребительскими коммунами, по заданиям и под контролем соответствующих продовольственных органов;

5) все имущество, принадлежавшее потребительским товариществам, передавалось потребительским коммунам, то есть национализировалось [18].

Если декретом от 10 апреля 1918 г. законодатель отнес сельскохозяйственную кооперацию к потребительской, сделав тем самым первый шаг на пути к ликвидации ее как самостоятельного вида, то после принятия декрета от 20 марта 1919 г. эта ликвидация осуществлялась не только формально-юридически, но и фактически. Кооперативное законодательство 1919 г. отражало те задачи, которые ставила государственная власть. Одной из первоочередных задач определялось установление прямого товарообмена между городом и деревней, в процессе которого главным было аккумулировать продовольствие в государственных фондах для обеспечения армии и рабочих. О развитии отдельных домохозяйств за счет предпринимательской деятельности, то есть о развитии товарно-денежных отношений, на основе которых развивалась дореволюционная кооперация, речь уже не шла.

Став первоначально на путь объединения всех видов кооперации и придав им статус потребительской, Совет народных комиссаров издал 27 января 1920 г. следующий декрет — «Об объединении всех видов кооперативных организаций» [12]. В нем законодатель прямо обозначил суть своих планов относительно построения социалистической кооперации. Согласно п. 1 кооперативные организации, включавшие в себя широкие массы населения, обеспечивались наилучшим техническим аппаратом «для осуществления государственных задач в области распределения и отчасти заготовок как продовольственных, так и прочих продуктов сельского хозяйства» [12, с. 35]. Более того, согласно п. 3 законодатель поручал главному комитету по кооперативным делам, организуемому при Наркомпроде, объединить главный Всероссийский



центр сельскохозяйственной кооперации с Центральным союзом потребительских обществ, выделив этот вид кооперации лишь в отдельную секцию.

Одновременно с декретом от 27 января 1920 г. был издан декрет Совнаркома [17], которым законодатель упразднил Всероссийский и губернские советы кооперативных съездов, передав их полномочия и имущество Центросоюзу и Губсоюзу (п. 1). Итак, с 1918 по 1920 г. произошло огосударствление всех видов кооперации, в том числе сельскохозяйственной.

Правовое регулирование сельскохозяйственной кооперации в период новой экономической политики

13

Новая экономическая политика советского государства, пришедшая на смену политике «военного коммунизма» в результате осознания государственной властью бедственного положения населения, катастрофического положения крупной промышленности, товарного голода, сокращения посевной площади, поставила задачи пересмотра и замены основ общеэкономического законодательства и, в частности, законодательства о кооперации.

Поворот в законодательстве о кооперации, изначально намечавшийся в резолюциях партийных съездов и конференций, вылился в нормативные правовые акты сначала декларативного характера, а впоследствии конкретно-правового содержания [27, с. 39].

Экономическая политика перехода от государственной разверстки к натуральному налогу определила судьбу российской сельскохозяйственной, как и иных видов, кооперации [14, с. 564]. Так, например, резолюция X съезда «О кооперации» декларировала необходимость выработки норм права, которые бы улучшали положение и стимулировали развитие деятельности кооперативов применительно к политике замены продразверстки натуральным налогом [16].

Законодательные акты, регулировавшие деятельность сельскохозяйственных кооперативных товариществ периода нэпа, можно разделить на две группы:

- 1) законодательные акты, определявшие общее отношение законодателя к кооперации;
- 2) законодательные акты, определявшие положение сельскохозяйственной кооперации как отдельного вида.

К первой группе можно отнести: 1) декрет Совета народных комиссаров от 17 мая 1921 г. «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации» [21]; 2) декрет Совета народных комиссаров от 9 августа 1921 г. «Наказ Совета народных комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики» [10].

Ко второй — декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации» [22].

Закон от 17 мая 1921 г. содержал следующие положения о сельскохозяйственной кооперации:



1) предписывал местным властям предпринимать все необходимые меры к развитию кустарной и мелкой промышленности как в форме частных предприятий, так и в кооперативной форме, а также к всемерному развитию сельскохозяйственной кооперации;

2) признавал необходимым кооперирование кустарей исключительно на основах добровольного их вхождения в состав кооперативов и свободного, то есть без участия органов власти, избрания правлений и других руководящих органов;

3) устанавливал явочный характер образования кооперативных товариществ;

4) поощрял все виды сельскохозяйственной кооперации, в особенности образование машинных товариществ, получающих от государства орудия на сдачу продуктов сельского хозяйства, товариществ по семеноводству, животноводству и мелиорации;

5) предоставлял право свободного распоряжения (прежде всего сбыта) их изделиями, за исключением выделенных из государственного сырья, во исполнение особых с государством договоров.

Наказ Совнаркома о проведении в жизнь начал новой экономической политики 1921 г. имеет особое значение с точки зрения конкретизации основных положений новой экономической политики. Отношение к сельскохозяйственной и кустарной кооперации законодателя выражено в п. 7 документа, предписывавшем «определенно и твердо идти по пути кооперирования мелких производителей, комбинируя там, где это хозяйственно-технически целесообразно, кооперативно-организованную кустарную промышленность с крупными промышленными предприятиями» [10, с. 110].

Таким образом, данные законы общего характера, регулировавшие вопросы кооперации, дали начало трансформации законодательства и переосмыслению роли кооперации в деле развития народного хозяйства. При этом основные положения данных нормативных правовых актов отражали принципы дореволюционной кооперации, по-видимому, в силу того, что они считались наиболее эффективными с точки зрения развития кооперативного движения как одного из механизмов развития экономики страны.

Основным же законом, регулировавшим деятельность сельскохозяйственной кооперации в период новой экономической политики, стал декрет ВЦИК и Совнаркома от 16 августа 1921 г., цель которого заключалась в повышении производительности крестьянского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации [22]. Этот декрет был скорее вынужденной мерой и ответом государственной власти на бедственное положение крестьянского населения. Разверстка не дала ожидаемых результатов, продовольственный фронт был непосредственным продолжением фронта Гражданской войны. Необходимо было принимать меры, которые бы в скором времени смогли изменить ситуацию в сторону улучшения положения населения (прежде всего, крестьянского), а также интенсификации сельского хозяйства. Такой механизм в социально-экономической жизни России уже существовал, однако, к 1920-м гг. он был существенно трансформирован. Российская кооперация, как



отмечено выше, была лишена тех принципиальных основ, на которых она строилась и развивалась в Российской империи, где показала свою состоятельность.

Декрет ВЦИК и СНК 1921 г. содержал 6 статей, которые принципиально отличались от основ кооперативного законодательства периода «военного коммунизма». Пункт 1 наделил трудящееся население правом на добровольной основе создавать сельскохозяйственные товарищества для организации производства и для организации труда своих членов, снабжения их необходимыми сельскому хозяйству орудиями, семенами, удобрениями и другими средствами производства, а также для переработки и сбыта продуктов земледельческого производства и, наконец, для других мероприятий, направленных на увеличение количества и улучшение качества производимых их членами сельскохозяйственных продуктов. Из данной нормы видно, что законодатель почти полностью отразил подход к сути «сельскохозяйственного кооперативного товарищества», характерный для кооперативных законов Российской империи и Временного правительства.

Численный состав товарищества был ограничен, по ст. 1, лишь нижним пределом — не менее пяти человек. Эта норма принципиально отличала отношение государственной власти к кооперации относительно декрета 1919 г., в котором каждому гражданину вменялось в обязанность стать членом единой потребительской коммуны.

В ст. 2 декрета 1921 г. законодатель вновь разрешил сельскохозяйственным кооперативам объединяться в союзы как по территориальному, так и по производственному принципу. Эта норма не была новеллой, поскольку имперское законодательство отражало тот же принцип кооперации. Еще одной гарантией свободной работы кооперативных товариществ как юридических лиц с вытекающим из этого юридическим статусом стал запрет национализировать и муниципализировать принадлежащую им собственность, а также конфисковывать и подвергать ревизии продукты собственного производства [22].

Таким образом, декретом 1921 г. государственная власть раннесоветской России почти полностью реципировала нормы кооперативного законодательства Российской империи:

- 1) цель сельскохозяйственного кооперативного товарищества — улучшение материального и духовного благосостояния членов кооператива (ст. 1);
- 2) явочный характер регистрации сельскохозяйственного товарищества (п. «ж» ст. 6);
- 3) добровольность вступления и выхода из кооперативного товарищества их членов (ст. 1);
- 4) паевое начало вступления (п. «г» ст. 6);
- 5) самостоятельное руководство и организация деятельности сельскохозяйственного кооперативного товарищества, осуществляемые общим собранием, собранием уполномоченных и правлением (п. «е» ст. 6);
- 6) гарантия имущества кооперативного товарищества (ст. 5);
- 7) финансовая (кредитование) и методическая помощь кооперативным товариществам со стороны государства (п. «б» и «в» ст. 6);



8) полная / ограниченная ответственность сельскохозяйственного кооперативного товарищества по своим обязательствам, утвержденная уставным документом (п. «е» ст. 6);

9) право объединения сельскохозяйственных кооперативных товариществ в союзы (ст. 2).

Были заимствованы из имперского кооперативного законодательства и нормы, касавшиеся контроля и надзора за деятельностью кооперативных объединений. Так, всероссийские и областные союзные объединения сельскохозяйственных кооперативов по-прежнему были под жестким контролем государственной власти. В п. «з» ст. 6 законодатель обязал кооператоров исключительно в разрешительном порядке организовывать такого уровня сельскохозяйственные объединения, причем утверждать эти решения надлежало на самом высоком уровне. Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета по предварительному заключению Наркомата земледелия был наделен правом удовлетворения или отклонения просьбы заявителя на организацию всероссийского или областного сельского хозяйственного союза.

Так государственная власть раннесоветской России внимательно отнеслась к тому историческому опыту построения кооперативного законодательства, который реализовал в своей практике законодатель Российской империи. Заимствование кооперативного права 1920-х гг. из предшествующей исторической эпохи было связано с необходимостью преодоления прежде всего продовольственного кризиса, наступившего Россию весной 1921 г. Коммунистическая политика советской власти за счет разверстки в городе мешала подъему производительных сил и стала основной причиной глубокого экономического и политического кризиса [9, с. 298]. Именно тяжелое положение крестьянского хозяйства вынудило партию и советскую власть внедрять экономические механизмы, способствовавшие увеличению материального благосостояния, прежде всего «бедняцко-средняцкого» крестьянства. Таким механизмом на протяжении нескольких десятилетий была российская кооперация.

Окончательную точку в ликвидации сельскохозяйственной кооперации данного периода законодатель поставил постановлением ЦК ВКП(б) от 29 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» [13], которое определяло задачей кооперации повсеместное перерастание простейших производственных объединений в более сложные формы производственного кооперирования и организацию на этой основе крупного коллективного производства. Производственные товарищества, накапливая и усиливая элементы обобщественного хозяйства, должны были стать базой для массового строительства крупных колхозов (п. 1).

Таким образом, российская сельскохозяйственная кооперация, которая возникла еще в конце XIX в., достигла к началу XX в. огромных масштабов и стала мощным социально-экономическим движением. Сельскохозяйственная кооперация, которая к началу XX в. объединяла в кооперативных товариществах население сел и деревень с целью не только увеличения их материального и духовного благосостояния, но и интенсификации сельскохозяйственной отрасли в целом, с момента



своего образования и до полной ликвидации прошла сложный и долгий путь, который включал несколько трансформационных витков в своем правовом регулировании.

К началу XX в. сельскохозяйственная кооперация организовалась в отдельный вид кооперации, правовое регулирование которой основывалось на утвержденном в 1897 г. Министерством земледелия и государственных имуществ типовым уставом. Данный правоустанавливающий документ отразил почти все принципы, на которых зиждилась российская кооперация конца XIX в., такие как самоорганизация, самоуправление, добровольность, самостоятельность и пр. Эти принципы были восприняты российскими кооператорами из европейского кооперативного опыта и положены в основу сельскохозяйственной кооперации. Демократические принципы были отражены законодателем в типовом уставе, который имел общеобязательный к применению характер.

Особенностью правового регулирования сельскохозяйственной кооперации дореволюционного периода, в отличие, например, от кредитной, было то, что она не имела своего специального закона, который бы урегулировал ее правовой статус: до 1917 г. деятельность сельскохозяйственных товариществ реализовывалась на основе правоустанавливающих документов. Данный факт можно объяснить тем, что наибольшее внимание государственной властью было уделено кредитной кооперации, поскольку именно данный вид кооперативного движения в период сложного финансового положения населения (прежде всего, крестьянского) давал населению, с одной стороны, финансовый капитал, а с другой — возможность приобретать различные продукты потребления. Это отразилось и на времени утверждения первого типового устава сельскохозяйственного товарищества в 1897 г., тогда как кредитный устав был утвержден в 1865 г. [34].

Изменившаяся в 1917 г. политическая система обусловила введение нового кооперативного законодательства в российское правовое поле. Три основных кооперативных закона Временного правительства расширили права кооперации в целом и сельскохозяйственной в частности. Последняя получила такие права, которых до того времени не имела. Кооперативное законодательство Временного правительства соединило все виды кооперации в едином нормативном правовом акте, утвердило единый юридический статус для всех кооперативных товариществ, ввело единообразие в определение понятия «кооперативное товарищество», дало широкую свободу кооператорам в деле определения основ деятельности каждого конкретного кооператива. Постановления Временного правительства 1917 г., касавшиеся вопросов кооперации, стали своего рода откликом на запрос кооператоров, звучавший несколько десятилетий.

Следующим важным этапом трансформации кооперативного законодательства можно обозначить период «военного коммунизма», когда Совнарком декретом от 20 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» определил совершенно иное направление развития сельскохозяйственной кооперации. Именно с этого нормативного правового акта сельскохозяйственная кооперация потеряла свой самостоятельный вид: кооперативы трансформировались в единый распределительный орган — потребительскую коммуну.



Однако экономическая политика разверстки не принесла населению ожидаемого благосостояния, вынудив тем самым государственную власть искать новые механизмы развития народного хозяйства. В результате был принят декрет ВЦИК и СНК от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации», который практически полностью заимствовал нормы кооперативного законодательства имперского периода.

Государственная политика построения социализма определила судьбу сельскохозяйственной кооперации и ликвидировала товарищества, которые строились на демократических началах и основывали свою деятельность на капиталистических принципах.

Список источников и литературы

1. *Болотова Е. Ю.* Потребительская кооперация в России в конце XIX — начале XX в.: Опыт общественного регулирования : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.
2. *Бунин А. О.* Сельскохозяйственная кредитная кооперация в системе советского хозяйства, октябрь 1917 — 1930 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1998.
3. *Высочайшее* утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 года. П. 1, 16 // Полное собрание законов Российской империи. 1881. Собр. 3. Т. 1, №350. С. 261 — 266.
4. *Жданова Н. С.* Сельскохозяйственная кредитная кооперация на Алтае в 1920-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015.
5. *Карелина С. А.* Проблемы развития кооперативного законодательства: историко-правовое и сравнительно-правовое исследование роли кооперации в предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.
6. *Коновалов И. Н.* Сельскохозяйственная кооперация в России в конце XIX — начале XX вв.: На материалах губерний Северного, Приуральского и Поволжского районов : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1999.
7. *Корелин А. П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX века. М., 1988.
8. *Кочкарова З. Р.* Эволюция отечественной кооперации и ее социально-экономическая трансформация в условиях модернизации российского общества: на материалах Дона, Кубани и Ставрополья : дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2011.
9. *Ленин В. И.* Соч. М. ; Л., 1930. Т. 26.
10. *Наказ* Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики : декрет Совета народных комиссаров от 9 августа 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 109 — 111.
11. *Нормальный устав* сельскохозяйственных товариществ. Одесса, 1897.
12. *Об объединении* всех видов кооперативных организаций : декрет Совета народных комиссаров от 27 января 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 35 — 36.
13. *Об организационном* построении сельскохозяйственной кооперации : постановление ЦК ВКП(б) от 29 июня 1929 г. М., 1929.
14. *О замене* разверстки натуральным налогом : резолюция X съезда РКП(б) // Протоколы X Съезда РКП(б). М., 1919. С. 564 — 566.



15. *О кооперативных товариществах и их союзах* : постановление Временного правительства от 20 марта 1917 г. // Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М., 1917. С. 3–16.

16. *О кооперации* : резолюция X Съезда РКП(б) // Протоколы X Съезда РКП(б). М., 1933. С. 566.

17. *О ликвидации советов кооперативных съездов* : декрет Совета народных комиссаров // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 36.

18. *О потребительских коммунах* : декрет Совета народных комиссаров // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 279–281.

19. *О потребительских кооперативных организациях* : декрет Совета народных комиссаров // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 435–436.

20. *О регистрации товариществ, обществ и союзов* : постановление Временного правительства от 21 июня 1917 г. // Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М., 1917. С. 17–24.

21. *О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации* : декрет Совета народных комиссаров от 17 мая 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 463–464.

22. *О сельскохозяйственной кооперации* : декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от 16 августа 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 735–737.

23. *О съездах представителей кооперативных учреждений* : постановление Временного правительства от 01 августа 1917 г. // Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М., 1917. С. 26–29.

24. *Панова М. В.* Сельская кооперация Западной Сибири в период Первой мировой войны и революции, 1914–1918 гг. М., 2001.

25. *Пеленицына М. В.* Законодательство России о кооперации: Историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004.

26. *Петрова Ю. О.* Становление и развитие кредитной кооперации во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX века. Владимир, 2011.

27. *Поволоцкий Л. И.* Русское кооперативное законодательство. Пг., 1923.

28. *Положение об отделе кооперации при ВСНХ.* П. 1–2 // Сборник декретов, постановлений, инструкций Высшего Совета Народного Хозяйства по кооперации. М., 1918. С. 16–17.

29. *Резолюция о кооперации, принятая первым Всероссийским Съездом Советов народного хозяйства* // Сборник декретов, постановлений, инструкций Высшего совета народного хозяйства по кооперации. М., 1918. С. 10–11.

30. *Сборник декретов, постановлений, инструкций Высшего совета народного хозяйства по кооперации.* М., 1918.

31. *Селиверстов Т. А.* Правовое регулирование кооперации в России в 1865–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

32. *Солодовникова Т. Н.* История сельского кооперативного движения в центрально-черноземных губерниях России в конце XIX – начале XX веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996.



33. Тюкавкин В. Г., Болотова Е. Ю. Отношение царского правительства к сельской потребкооперации в конце XIX — начале XX в. // Межвузовская научная программа: русский язык, культура, история : сб. матер. II науч. конф. лингвистов, литературоведов, фольклористов. М., 1997. Ч. 2. С. 188—213.

34. Устав Рождественского ссудо-сберегательного товарищества от 22 октября 1865 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1865. 10 дек. №108.

Об авторе

Юлия Олеговна Новикова — канд. ист. наук, доц., доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Владимирский филиал), Владимир, Россия.

E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0004-5722-4141>

Yu. O. Novikova

THE LEGAL REGULATION OF AGRICULTURAL COOPERATION DURING THE PERIOD OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT AND SOVIET RUSSIA

The branch of RANEPa in Vladimir, Russia

Received 23 May 2023

Accepted 25 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-1

To cite this article: Novikova Yu. O. 2023, The legal regulation of agricultural cooperation during the period of the Provisional Government and Soviet Russia, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 5—21. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-1.

The study examines the transformation of the legal status of agricultural cooperatives in Russia from the period when the Provisional Government came to power to 1929, the period when this type of cooperation was liquidated as a separate entity. The study demonstrates changes in cooperative legislation after the February Revolution of 1917 until the late 1920s — from expanding the democratic foundations of cooperative societies to the complete abolition of agricultural cooperation as a separate type of this socio-economic movement. The legislation of the Provisional Government on cooperation, including agricultural, expanded the rights of agricultural societies, established a unified legal status for all types of cooperatives, introduced the concept of a “cooperative society” into legal circulation for the first time, allowed cooperatives to form unions, and outlined a clear algorithm for the organization of cooperative activities. The period of “war communism” was characterized by extremely harsh measures regarding the state control of cooperatives. During the New Economic Policy, the legislator adopted imperial cooperative legislation, granting democratic rights and freedoms to cooperatives. This was driven by the difficult financial situation of the population, especially peasants, and the acute shortage of food products. The policy of building a socialist state determined the



further fate of agricultural cooperation, as well as cooperation in general, transforming it from a private-law institution into a public-law one and thereby depriving it of the fundamental principles on which it had been built for several decades.

Keywords: cooperation, cooperative partnerships, agricultural cooperation, cooperative movement, cooperative legislation, consumer commune, cooperative construction

The author

Dr Yulia O. Novikova, Associate Professor, Associate Professor, The branch of RANEPА in Vladimir, Russia.

E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0004-5722-4141>

А. А. Эксархопуло¹, И. Ю. Панькина²

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПОЗНАНИЯ

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 16.10.2023 г.

Принята к публикации 23.11.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-2

22

Для цитирования: Эксархопуло А. А., Панькина И. Ю. Процессуальное и криминалистическое обеспечение достоверности результатов опознания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 22 – 31. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-2.

Проанализированы наиболее значимые вопросы правового регулирования и криминалистического обеспечения предъявления живых лиц для опознания, проводимого в рамках досудебного производства. Приведены эмпирические материалы, которые иллюстрируют типичные ошибки, допускаемые при проведении данного действия. Также авторы раскрывают необходимость работы с понятыми лицами при проведении опознания. Рассмотрены примеры процессуальных и криминалистических ошибок при производстве предъявления для опознания людей в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Определена сущность предъявления для опознания как самостоятельного следственного действия, порядок производства которого регламентируется ст. 193 УПК РФ. Выделен главный признак опознания – отождествление (идентификация) предъявляемого объекта. Обоснован вывод, что именно это отождествление является процессуальной формой криминалистической идентификации.

Ключевые слова: следственное действие, предъявление для опознания, криминалистическая идентификация, доказывание, доказательство

Как самостоятельное следственное действие предъявление для опознания хорошо известно и практике, и уголовно-процессуальному законодательству. Представляя собой одну из правовых форм отождествления материальных объектов по их мысленному образу, оно позволяет установить связь обнаруженных в ходе расследования уголовных дел материальных объектов и лиц с событием преступления, в чем и заключается суть процессуального доказывания. В целях обеспечения достоверности результатов опознания лиц, предметов или их материальных комплексов криминалистикой выработаны специальные правила, соблюдение которых признается обязательным. Некоторые из таких правил нашли закрепление в уголовно-процессуальном законе, и если не-



соблюдение процессуальных правил проведения опознания влечет за собой признание результатов данного следственного действия недопустимым доказательством, то нарушение правил, выработанных криминалистикой и ее теорией, дает основание усомниться в их достоверности.

Как процессуальные правила, так и криминалистические рекомендации проведения опознания в настоящее время сформулированы в полном объеме и не вызывают дискуссий, однако некоторые вопросы к особенностям подготовки, производства этого следственного действия и оценки его результатов до сих пор требуют обсуждения.

Так, согласно ч. 3 ст. 193 УПК РФ, «не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам». Криминалистические правила в решении аналогичного вопроса еще более категоричны: недопустимо проведение опознания, если опознающий узнал опознаваемый объект в иных условиях до начала опознания. Например, если свидетель, привлеченный к негласному наблюдению за местами возможного появления преступника, узнает его среди прохожих, то после такого «узнавания» проведение процессуального опознания в порядке ст. 193 УПК становится бессмысленным, ибо его результат будет predetermined.

С криминалистической точки зрения нецелесообразно проводить данное следственное действие и в иных случаях, когда опознающее лицо узнало опознаваемый объект до официального его предъявления — например, увидев в коридоре следственного управления. Для «гарантированного» узнавания лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, недобросовестные следователи или оперативные работники, готовясь к проведению опознания, иногда заранее демонстрируют потерпевшим или очевидцам преступления фотоизображения либо видеозаписи следственных действий, проведенных с участием задержанных лиц. Последующее опознание уже узнанных лиц, специально организуемое для получения процессуально значимого результата, не только говорит о мотивации некоторых следователей, готовых любыми незаконными способами подтвердить версию о виновности задержанного ими человека, но и весьма красноречиво свидетельствует о сознательном игнорировании недобросовестными практическими работниками рекомендаций криминалистики. Несмотря на то что практика демонстрации опознаваемых лиц или предметов до начала проведения процессуального опознания осуждается всеми авторами [1], работники правоохранительных органов, прекрасно осведомленные о недопустимости подобного опознания, широко пользуются противозаконными по своей сути методами. Между тем подобные методы представляют собой не что иное, как один из способов фальсификации результатов данного следственного действия, и должны квалифицироваться как преступления против правосудия.

Важно также соблюдать и иные правила процессуального и криминалистического обеспечения подготовки, проведения и надлежащей фиксации данного следственного действия, гарантирующие достоверность результатов предъявления для опознания. Эти правила выработаны именно для того, чтобы предотвратить возможные ошибки, которые нельзя исключать, имея в виду, что любое опознание по мыс-



ленному образу может быть основано только на субъективном восприятии участниками расследуемого события объектов, предъявляемых им для отождествления. И это восприятие вполне может оказаться неполным, искаженным или просто ошибочным. Не следует поэтому проводить опознание, если опознающий сам заявит, что он не в состоянии узнать тот или иной объект, который ранее видел или иным образом воспринимал.

Кроме того, следовательно, принимающему решение о проведении опознания, важно убедиться в отсутствии тех обстоятельств, которые могут воспрепятствовать получению достоверных результатов. Как уже говорилось выше, следует отказаться от проведения опознания, результат которого заранее predetermined. В таких случаях можно провести иное процессуальное действие, заменяющее опознание без ущерба для решаемых следствием задач. Например, освидетельствование с целью обнаружения особых примет задержанного лица, на которые ранее указали свидетели или потерпевшие.

Опознание не рекомендуется проводить и в некоторых других случаях. Например, когда невозможно определить признаки, по которым объект может быть опознан, так как не было личного запоминания данных признаков. То же относится и к случаям, когда невозможно подобрать сходные с опознаваемыми объекты, которые закон требует предъявлять вместе с ними (ч. 4–6 ст. 193 УПК РФ). Таковыми являются уникальные вещи, например произведения искусства [2, с. 325]. Следует отказаться от проведения опознания и в случае, если опознанию подлежит вещь, обладающая явно выраженными индивидуальными признаками, о которых становится известно следователю. В этих случаях целесообразнее провести следственный осмотр, в том числе с привлечением специалиста, или назначать экспертизу. Для идентификации предметов, обладающих такими признаками, этого будет достаточно.

Кроме того, криминалистика считает недопустимым проводить опознание нескольких лиц или предметов одним опознающим одновременно. Каждый опознаваемый объект должен предъявляться каждому опознающему лицу отдельно, с оформлением отдельного протокола. В противном случае мы столкнемся с объединением нескольких следственных действий в одно, что противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Между тем на практике случается, что следователь проводит серию опознаний, объединяя их в одно следственное действие. Характерен в этом отношении следующий пример. По делу о разбойном нападении, расследованному в 1995 г., потерпевшему С. были предъявлены для опознания фотоснимки подозреваемых в совершении преступления лиц. При этом девять фотоснимков данных лиц были включены в криминалистическую фототаблицу, среди которых были и подозреваемые, которых на момент опознания правоохранительные органы смогли задержать. Безусловно, уголовно-процессуальный закон не разрешал предъявлять для опознания сразу несколько объектов опознания. В данном случае следователь включил в одну фототаблицу сразу всех подозреваемых. Избранный следователем метод однозначно противоречил закону. Смысл же показа сразу трех объектов (подозреваемых



лиц в совершении преступления) приводил к мысли, что это наводящее действие, такое же, как наводящий вопрос при допросе, который также недопустим.

Кроме того, в психологии действует «закон миллеровской семерки», который раскрывается как способность лица обращать свое внимание на 7 разных предметов, но объединенных одними признаками. И знание психологии следователь обязан был применить. В данном случае этого не случилось. То есть предъявление одновременно большего количества вполне могло привести к ошибке опознающего лица даже при идеальных условиях восприятия [9].

С принятия следователем решения о проведении опознания начинается подготовка к данному следственному действию. Суть наиболее важных мероприятий, проводимых следователем на этапе подготовки, вытекает из требований, предусмотренных ст. 193 УПК РФ. Во-первых, это требование предварительно допросить опознающее лицо. Закон определяет и содержание тех вопросов, которые следователю надлежит выяснить в процессе предварительного допроса опознающего: при каких обстоятельствах допрашиваемый видел лицо или предмет, которые планируется предъявить ему для опознания? по каким признакам и особенностям он может их опознать?

Этими двумя вопросами, однако, не исчерпываются все задачи, решаемые в ходе и по результатам проведения предварительного допроса опознающего лица. Такой допрос позволяет получить и криминалистически не менее значимую информацию. Следователи порой забывают о ней либо безответственно относятся к возможности ее получения до начала проведения непосредственно самого опознания. В частности, сопоставляя показания опознающего, полученные на предварительном допросе, с собранными по делу доказательствами, следователь может обнаружить в них противоречия, нестыковки и иные признаки, свидетельствующие о даче опознающим ложных показаний. Планировать в таких случаях опознание — значит вести расследование по ошибочному пути [10]. Пример подготовки и проведения опознания лица, задержанного по подозрению в краже автомобиля [12], который мы приводим ниже, может оказаться весьма поучительным.

В ходе предварительного следствия была установлена свидетель Б., которая на допросе 28 апреля 2011 г. заявила, что видела преступника и может его опознать. Решение провести опознание задержанного П. следователь принял, однако лишь спустя год. Предварительный допрос Б., как того требовал закон, не проводился. Следователь посчитал достаточным состоявшийся ранее допрос свидетеля, несмотря на то что этот допрос не был связан с предстоящим опознанием. И этот отказ от выполнения требований ч. 2 ст. 193 УПК РФ, где речь идет о допросе именно «опознающего», а не свидетеля, потерпевшего или иного участника уголовного процесса, стал первой ошибкой следователя, которая должна была повлечь за собой непризнание доказательственного значения за результатами проведенного с нарушением закона опознания. Данная позиция сформировалась не только в юридической науке, но и в судебной практике. Так, авторы научно-практического комментария к УПК РФ, подготовленного под общей редакцией председателя ВС РФ



В. М. Лебедева, особо отметили, что Верховный суд РФ «рассматривает как грубое нарушение норм уголовно-процессуального закона упущения следователя, предварительно подробно не допросившего потерпевшего о приметах и особенностях лиц, предъявляемых для опознания» [7, с. 579].

Практика тем не менее иногда допускает возможность ограничиться ранее проведенным допросом лица, которое не стало еще опознающим, а выступало в своем процессуальном качестве. Но это возможно только, если, с одной стороны, все требуемые законом обстоятельства были в ходе такого допроса установлены с максимальной полнотой и достоверностью и, с другой, время проведения такого допроса не превышает того срока, в течение которого память человека сохраняет образы ранее воспринимавшихся им явлений, объектов, лиц.

Однако, и это важно, опознание П., задержанного по делу о краже автомобиля, проводилось, как было сказано выше, по прошествии более года после получения от свидетеля Б. соответствующих показаний. Естественно, они вряд ли могли заменить предварительный допрос опознающей, который надлежало провести накануне опознания, чтобы убедиться в готовности свидетеля узнать опознаваемое лицо на основе сохранившегося к тому времени в ее памяти образа. В таких случаях обязателен повторный допрос опознающего лица. Многие авторы указывали на тот факт, что, если допрос состоялся давно до момента предъявления для опознания, обязательно нужно провести дополнительный допрос для воссоздания в памяти тех элементов, которые и послужат главным образом в процессе опознания [3, с. 154]. С другой стороны, такой повторный допрос может выступить сравнительным элементом для следователя, который имеет возможность сопоставить предыдущие показания лица с последующими. А в данном случае следователь решит, действительно ли лицо может опознать подозреваемого или нет. Аналогичное мнение высказывали и другие авторитетные ученые [4, с. 12; 5, с. 28].

Следствием отказа от проведения предварительного допроса стало множество противоречий, а порой и откровенно лживых утверждений свидетеля, касающихся условий восприятия ею событий более чем годичной давности, которые возникли в более поздних показаниях свидетеля, в том числе данных ею в суде, и которые можно было обнаружить в материалах уголовного дела.

Прежде всего следует отметить противоречия в показаниях Б. по поводу условий восприятия ею событий, свидетелем которых она стала. Так, во время допроса от 28 апреля 2011 г. Б., описывая обстановку совершенной П. кражи, называла одно место («около детской площадки»), откуда она наблюдала за происходящим, а в суде описала совершенно иное место: «Я стояла около аптеки... с торца дома». Никому, однако, не пришло в голову попытаться устранить эти противоречия.

В этом же порядке может происходить описание иных событий и в том числе внешности преступника. Например, свидетель Х. на предварительном следствии утверждал, что видел, как женщина, в которой он позже узнал оказавшегося мужчиной П., вышла из автобуса и встала от него на расстоянии не более 2 м через дорогу, рядом с которой находился уличный фонарь и все было ярко освещено.



Между тем на представленных в деле распечатках видеозаписей с камер наружного наблюдения видно, что к 8 часам 36 минутам, то есть в момент кражи, уличное освещение было уже выключено. Поэтому восприятие событий, в том числе и того, как преступник подошел к магазину, могло происходить только при естественном освещении. Признаки уличного освещения легко просматриваются только на распечатках с камер, где таймер зафиксировал время 7 часов 35 минут, то есть минимум за полчаса до приезда Х. к месту совершения преступления.

Можно говорить о противоречиях и в показаниях свидетеля, касающихся признаков внешности преступника, которые Б. описала во время ее допроса следователем. В судебном заседании сомнения в достоверности этих показаний еще больше усилились, став более чем обоснованными.

Во-первых, как могла Б. в условиях сумерек рассмотреть в подробностях внешность троих предполагаемых преступников, учитывая, что по данным метеослужбы солнце в день совершения преступления, 21 февраля 2011 г., взошло только спустя час после кражи автомобиля — в 9 часов 22 минуты [6].

И тем не менее свидетель Б. продемонстрировала удивительные зрительные способности, разглядев у первого молодого человека под черной вязаной шапкой не просто светлые, а короткие волосы. Еще «точнее» оказалось описание Б. второго соучастника, которого она узнала через год в обвиняемом П. Здесь свидетель указала даже форму его бровей («в форме угла»), несмотря на то что, как утверждала сама Б., на голове у второго преступника была надета черная шапка или кепка «по брови», а сверху капюшон. В таких условиях даже видеть сами брови, закрытые от посторонних глаз шапкой и капюшоном, не говоря уже про их форму, нельзя. Однако следствие и суд на это сомнительное обстоятельство, существенно препятствовавшее восприятию свидетелем обстановки, внимания также не обратили, хотя должны были обратить и критически оценить показания Б., в том числе и потому, что о невозможности видеть форму бровей похитителя автомашины говорила и потерпевшая С., дававшая показания в суде. Из ее показаний вовсе следовало, что лицо преступника было закрыто сверху до переносицы: «Лицо можно было рассмотреть ниже переносицы, так как на голове человека был одет капюшон с меховым окаймлением», — записано в протоколе судебного заседания от 25 мая 2012 г. как показания потерпевшей С.

Однако не только брови, закрытые шапкой и капюшоном, но и форму, а также цвет глаз преступников смогла рассмотреть очевидец преступления Б. Из протокола ее допроса от 28 апреля 2011 г. следовало, что у первого — мелкие узкие серые или зеленые глаза, у второго — глаза серо-зеленого цвета. Кроме того, Б. умудрилась описать телосложение водителя, сидящего в машине, на которой приехали преступники. Как можно было это сделать, наблюдая за водителем через окно джипа, то есть не видя фигуры человека, понять невозможно, разве что допустив, что свидетель лжет. Тем не менее в протоколе допроса находим запись ее показаний: «Когда водитель открывал окно, я успела хорошо рассмо-



треть его: на вид около 40 лет, полное телосложение, короткая стрижка, глаза маленькие темного цвета, выпуклые надбровные дуги, тяжелый взгляд, губы тонкие, подбородок овальный...» [11, с. 22].

Неправдоподобность подобных описаний признаков внешности преступников при тех внешних условиях, в которых свидетель Б. осуществляла наблюдение, надо думать, очевидна для любого.

Неудивительно, что проведенное через год опознание при сомнительной достоверности полученных от свидетеля сведений на допросе, которым следователь заменил обязательный предварительный допрос опознающего лица, страдало множеством и нарушений правил его производства, и откровенных злоупотреблений, не замеченных судом.

28

Так, правило о необходимости проводить опознание только тогда, когда объекты не только внешне схожи, но и по идентификационным приметам имеют однородность (например, одежда, мимика и т.п.), по которым можно их не просто опознать, а различить, следователем оказалось нарушено.

Судя по описанию внешности преступника, которое можно найти в протоколе допроса Б., проведенного 28 апреля 2011 г., на подозреваемом находилась куртка с капюшоном, который был надет на голову так, что прикрывал глаза и лицо. В протоколе же данного следственного действия указана куртка только на данном подозреваемом, тогда как другие лица, способствующие проведению данного опознания, не были одеты в куртки. Но даже при такой «подсказке» свидетель Б. опознала обвиняемого П. не с первой попытки!

«Поиски» свидетелем Б. «правильного ответа», который от нее ждала следователь, были описаны в протоколе опознания с предельной откровенностью. Следователь, проводившая опознание, эти несколько попыток Б. «узнать» преступника среди трех предъявленных ей лиц, описала так: «...на вопрос, не видела ли ранее опознающая кого-либо из предъявленных для опознания лиц, и если видела, то когда, где и при каких обстоятельствах, Б. осмотрела предъявленных для опознания лиц и заявила: “Точно он!” И показала на мужчину, сидящего третьим по счету от входа. Б. потребовала у мужчины встать и сказала: “Это точно он”. После чего показала на мужчину, сидящего первым от входа, затем еще раз потребовала встать, пояснила, что опознает его, одела на него капюшон, после чего пояснила, что узнает его по взгляду, по глазам» [12].

Как после такого «узнавания» можно было и в обвинительном заключении, и в приговоре назвать проведенное опознание обвиняемого «уверенным», объяснить невозможно иначе, как откровенной предвзятостью и следователя, и судьи.

То же самое про «уверенность» опознания П. свидетелем Б. повторил государственный обвинитель на этапе судебных прений. И более того, прокурор несколько расширил содержание протокола опознания на предварительном следствии, включив в него и возможность опознания по походке, которую узнала потерпевшая, что на самом деле не было зафиксировано в протоколе опознания на предварительном следствии. Государственный обвинитель произнесла буквально следующее: «При этом, как следует из протокола опознания, Б. просила опознаваемых



встать и пройти, т.к. она запомнила не только внешность, но и походку...» [12]. И эти слова обвинителя были зафиксированы в протоколе судебного заседания.

В протоколе опознания между тем нет ни слова о предложении Б. «пройтись», которое якобы было адресовано предъявленным ей лицам. Судя по тексту протокола, в процессе опознания прозвучало только предложение «встать». Нет ничего и про «запомнившуюся свидетелю походку преступника» – ни в протоколе предъявления для опознания, ни в протоколе допроса свидетеля Б. от 28 апреля 2011 г.

Где Б. говорила правду, а где лгала, давая показания сначала следователю, а потом суду, никто не выяснял. В результате судья безоговорочно оценила результаты опознания свидетелем обвиняемого П. как вполне достоверные. В приговоре было выделено, что данный свидетель Б. излагала события преступления логично и последовательно, одинаково на всем протяжении расследования. В итоге, сославшись в том числе и на протокол опознания, суд назначил подсудимому наказание в виде лишения свободы [8].

На вышеописанном примере мы можем наблюдать, как недобросовестное применение процессуальных правил и криминалистических рекомендаций сказывается на процессе предъявления для опознания, отражается на достоверности его результатов и в конечном итоге на законности и справедливости принимаемых судом решений.

Список литературы

1. Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017.
2. Баев О. Я. Тактика следственных действий. М., 2012.
3. Белкин Р. С., Лифшиц Е. М. Тактика следственных действий. М., 1997.
4. Гапанович Н. Н. Опознание в следственной и судебной практике (тактика). Минск, 1978.
5. Гинзбург А. Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике. М., 1996.
6. Данные с сайта метеослужбы Санкт-Петербурга за 21 февраля 2011 года. См.: <http://redday.ru/sun/?d=14&m=2&y=2011&city=297> (дата обращения: 11.10.2023).
7. Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева, науч. ред. В. П. Божьева. М., 2008.
8. Решение по делу 22-1101/2018 (26.03.2018, Волгоградский областной суд (Волгоградская область)). Архив Волгоградского областного суда.
9. Российский С. Б. Следственные действия. М., 2018.
10. Савельева М. В., Смушкин А. Б., Домнина О. В. Предъявление для опознания: психологические и тактические аспекты, перспективные методы производства // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 212–222.
11. Эксархопуло А. А. Криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел : учеб. пособие для вузов. М., 2021.
12. Эксархопуло А. А. Экспертно-криминалистический анализ материалов уголовных дел : сб. заключений. Уфа, 2019. Т. 2 : «Дело о краже автомашин».



Об авторах

Алексей Алексеевич Эксархопуло — д-р юрид. наук, проф., Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

Инга Юрьевна Панькина — канд. юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8785-2991>

A. A. Exarkhopulo¹, I. Yu. Pankina²

PROCEDURAL AND FORENSIC ENSURING
THE RELIABILITY OF IDENTIFICATION RESULTS

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

²Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 16 October 2023

Accepted 23 November 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-2

To cite this article: Exarkhopulo A. A., Pankina I. Yu. 2023, Procedural and forensic ensuring the reliability of identification results // *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 22–31. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-2.

The article discusses the most significant issues of legal regulation and forensic support for the identification of living persons carried out within the framework of pre-trial proceedings. Empirical materials illustrating typical mistakes made during this procedure are provided. The authors also emphasize the necessity of working with the recognized individuals during the identification process. Examples of procedural and criminalistic errors in presenting individuals for identification in conditions that exclude visual observation by the identifier are examined. The essence of presenting individuals for identification is defined as an independent investigative action, the procedure of which is regulated by Article 193 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The main characteristic of identification is identified as the recognition (identification) of the presented object. The conclusion is justified that this recognition is the procedural form of criminalistic identification.

Keywords: investigative action, presentation for identification, forensic identification, proof, evidence

The authors

Prof. Alexey A. Exarkhopulo, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Bashkortostan, Russia.

E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru



Dr Inga Yu. Pankina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8785-2991>

Ф.М. Лучинкин**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА И ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ**

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию 28.05.2023 г.

Принята к публикации 15.11.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-3

32

Для цитирования: Лучинкин Ф.М. Проблемы использования в доказывании по уголовному делу результатов оперативного эксперимента и проверочной закупки // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 32—41. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-3.

В исследовании представлена концепция особого доказательственного значения результатов оперативного эксперимента и проверочной закупки. Оно обусловлено тем, что эти действия отражают событие преступления, совершаемое под контролем оперуполномоченных. Для снятия сомнений в допустимости задокументированных результатов подобных оперативно-розыскных мероприятий разрабатывается правовой стандарт их проведения. В отличие от отраслевых разработок относительно такого рода правового стандарта предлагается межотраслевой правовой стандарт. Он включает уголовно-процессуальные нормы, нормы уголовно-розыскного права, а также судебные прецеденты. Выполнение этого стандарта должно гарантировать допустимость использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов данных оперативно-розыскных мероприятий. Одновременно должны быть обеспечены права лица, изобличаемого в совершении преступления. Проанализированы материально-правовая и процедурная составляющие стандарта правомерного проведения оперативного эксперимента и проверочной закупки. Сформулирован материально-правовой критерий ограничения правомерного оперативного эксперимента и проверочной закупки от провокации. Приведены критерии процессуальной составляющей данного правового стандарта. В заключение производится синтез всех анализируемых элементов в виде общего стандарта деятельности оперуполномоченных, органов предварительного расследования и прокурора по формированию доказательств обвинения из результатов оперативного эксперимента и проверочной закупки. Сделанные выводы могут быть использованы в сфере оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального доказывания для снятия правовой неопределенности и повышения эффективности уголовного преследования лиц, совершивших тяжкие, скрытые преступления. Кроме того, может быть снижен профессиональный риск для сотрудников оперативных аппаратов, уполномоченных на проведение этих мероприятий.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, проверочная закупка, доказывание, доказательства, правовой стандарт



Результаты оперативного эксперимента и проверочной закупки имеют особое доказательственное значение, выделяющее их из всей системы средств доказывания, связанных с оперативно-розыскной деятельностью (далее — ОРД). Они представляют собой задокументированное событие преступления, которое было совершено под контролем оперуполномоченных.

Из анализа юридической литературы [12; 15, с. 307; 16, с. 146], посвященной этим оперативно-розыскным мероприятиям (далее — ОРМ), следует, что при их проведении 1) происходит событие преступления во всех его стадиях; 2) оно происходит под контролем оперативных сотрудников, то есть имеет место создание ими условий, воспроизведение действий и обстановки преступления; 3) эти ОРМ имеют негласный характер, проявляющийся в введении в заблуждение или оставлении в неведении «объекта» относительно истинных целей действий участников со стороны органа, уполномоченного на осуществление ОРД; 4) имеет место документирование, то есть фиксация всех действий участников ОРМ; 5) документы и иные средства фиксации хода этих ОРМ (фиксации события преступления) могут стать доказательствами по уголовному делу.

Проверочную закупку, оперативный эксперимент можно определить как контролируемое правоохранительными органами преступление. Отсюда становится понятным, что это не обычное ОРМ или следственное действие, направленное на познание следов имевшего в прошлом события преступления, а задокументированное в режиме онлайн событие преступления для последующего использования его в качестве доказательства обвинения. Это одно из немногих ОРМ, которое непосредственно связано с уголовно-процессуальным доказыванием.

Результаты анализируемых ОРМ справедливо относят к «ОРМ-доказательствам», которые отличаются от обычных процессуальных доказательств только отсутствием следственной формы и необходимостью восполнения этой «нехватки» формальной легализацией в стадии предварительного расследования [4]. Так называемая процедура легализации здесь сводится не к получению новых сведений, а к интерпретации и оформлению уже полученной информации. Задокументированные результаты данных ОРМ представляют собой готовый информационный продукт. Этот информационный продукт после проверки либо принимается, либо не принимается следователем или судом в качестве доказательства [21, с. 159].

При этом вопросы о достоверности, относимости к предмету доказывания результатов данных ОРМ неуместны в силу фактической бесспорности произошедшего. Событие преступления, его объективная сторона оказываются задокументированными и очевидными для участников процесса. При бесспорности объективной стороны преступления оспариваться могут элементы субъективной стороны. Ключевое значение имеет принятие решения судом о допуске к представлению задокументированных результатов этих ОРМ в ходе судебного следствия для исследования сторонами и оценки судом.

На первый план при проверке и оценке результатов ОРМ такого рода выходит спор об их допустимости. Этот спор имеет предметом не толь-



ко критерий процессуальной допустимости по смыслу ст. 75 УПК РФ, поскольку касается правомерности проведения ОРМ в широком смысле и прежде всего — отграничения их от провокации, подстрекательства. Допустимость включает в себя соблюдение правил, определяющих порядок принятия решения о проведении данных ОРМ, их проведения и документирования, по правилам Федерального закона РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД»), а также их проверку следственным путем по правилам УПК РФ. Поскольку и проверочная закупка, и оперативный эксперимент имеют скрытный характер, постольку допустимостью охватывается соблюдение требований как процессуального, так и оперативно-розыскного права, обеспечивающих права и законные интересы лица, избобличаемого в совершении преступления.

Итак, обратной, «слабой» стороной обоих анализируемых ОРМ, можно сказать, являющейся продолжением их сильной стороны, выступает потенциальная упречность в провокационности, то есть недопустимости в материально-правовом смысле. Именно через сомнение в провокационности действий оперуполномоченных подрывается защитой доказательственный потенциал этих ОРМ в каждом уголовном деле, где обвиняемый не признает вину. Опровержение подобного утверждения защиты составляет обязательный элемент доказывания с использованием результатов как оперативного эксперимента, так и проверочной закупки. С сомнением в провокационности, подстрекательстве связан и профессиональный риск для оперуполномоченных, которым грозит уголовная ответственность не только за умышленные, но и подчас за неумелые действия при подготовке и проведении анализируемых ОРМ. Поэтому в последние годы наблюдается тенденция к свертыванию их использования (по крайней мере, со стороны сотрудников оперативных аппаратов органов внутренних дел) и обращению к другим — более опасным, но и менее эффективным — ОРМ, как, например, наблюдения [3].

Мы разделяем мнение о необходимости выработки правового стандарта проведения этих ОРМ, обеспечивающего допустимость их результатов в доказывании и, в целом, правовую определенность в сфере ОРД. Сразу оговоримся, что под «правовым стандартом», опираясь на мнение других исследователей [13], мы будем понимать выработанный в судебной практике и прокурорском надзоре, основанный на законе постоянный и однозначный набор требований к «правомерности» оперативно-го эксперимента, проверочной закупке, который обеспечивает четкое понимание обязанностей и прав их участников, гарантирует допустимость использования их результатов в доказывании. Основой данного правового стандарта следует считать положение, согласно которому при проведении, документировании и представлении результатов как проверочной закупки, так и оперативного эксперимента оперуполномоченные должны соблюдать не только требования ФЗ «Об ОРД», но и нормы уголовно-процессуального доказательственного права, в том числе требования, предъявляемые к судебному доказательству [18, с. 7; 12–13].

Такой правовой стандарт включает, на наш взгляд, две главные составляющие: (а) материально-правовую — обеспечивающую снятие со-



мнений в отсутствии провокационности (подстрекательстве); (б) формальную — образуемую совокупностью требований законодательства к проведению и оформлению этих ОРМ, а также проверке их результатов в уголовном процессе.

Ключевое значение имеет снятие сомнения в провокации со стороны оперуполномоченных как первичное условие допустимости результатов, обеспечиваемое материально-правовой компонентой анализируемого правового стандарта оперативного эксперимента, проверочной закупки. В создании этого материально-правового аспекта правомерности можно выделить национальный и международный вклад.

Исходный вклад в материальную составляющую правового стандарта оперативного эксперимента, проверочной закупки вносит ст. 5 ФЗ «Об ОРД», где предусмотрен запрет на провокацию, которая определяется как подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий [17, с. 80]. Однако эта законодательная дефиниция четко не отграничивает правомерную деятельность оперуполномоченного от подстрекательства. Кроме того, она чревата расширительным толкованием, идущим против активной целенаправленной деятельности по подготовке ОРМ, документированию преступных действий.

Центральным элементом материально-правовой компоненты правового стандарта оперативного эксперимента, проверочной закупки выступают нормы уголовного законодательства, включая ст. 304 и 286 УК РФ. Они стали предметом многочисленных разъяснений Верховного суда РФ. Из разъяснений постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» вытекает, что провокация будет в том случае, если преступные действия совершены без ведома лица либо вопреки его отказу на их совершение. Иными словами, лицо либо в принципе не осознает факта противоправности своих действий, либо изначально не давало согласие на такие действия.

Кроме того, в п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указано, что «результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» [19].

Приведенные критерии правомерности анализируемых ОРМ (формирование у виновного умысла независимо от действий оперуполномоченных и совершение лицом подготовительных действий по совершению преступления) были сформулированы Верховным судом РФ под



влиянием Европейского суда по правам человека, в 2000-х гг. принявшего ряд решений по вопросам провокации. Они стали предметом многочисленных публикаций (см.: [10, с. 45–47]), что освобождает нас от необходимости повторять выводы исследователей. Можно назвать следующие критерии: 1) наличие «объективного подозрения» изобличаемого лица в причастности к преступной деятельности; 2) момент начала проведения оперативно-розыскного мероприятия; 3) «пассивное поведение» сотрудников правоохранительных органов и лиц, с ними сотрудничающих; 4) проверка правомерности ОРМ по правилам состязательного процесса; 5) санкционирование ОРМ [14; 20, с. 146].

Первые три критерия достаточно полно отражены в разъяснениях Верховного суда РФ, в частности в обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.), относительно двух других таких разъяснений не делалось. Однако неопределенность сохраняется относительно всех элементов правового стандарта, о котором мы пишем.

Так, существенным является разъяснение о том, что перед осуществлением в отношении лица конкретных ОРМ полиция должна располагать информацией о преступной деятельности лица и при этом эти сведения должны быть проверены судом. Тем самым, казалось бы, Верховный суд РФ определился в вопросе о правомерности / неправомерности оперативных мероприятий в отношении неизвестных лиц, то есть недопустимости так называемой «ловли на живца», хотя с такого рода предложениями выступают некоторые сторонники «наступательной позиции», допускающей проведение ОРМ-ловушек в отношении неопределенного круга лиц [11], о чем мы скажем далее.

Между тем иногда суды не расценивают как существенное нарушение закона вынесение постановления о проведении оперативного эксперимента как в отношении неустановленного лица, так и в отношении лиц, обозначенных под псевдонимами [7; 8] или в отношении лиц, не указанных в постановлении о его проведении [20]. В других же уголовных делах суды, наоборот, признавали результаты ОРД недопустимыми, так как они осуществлялись в отношении неустановленного круга лиц [9]. Налицо противоречивость судебной практики.

Достаточно спорен стандарт «объективности подозрения». Так, вызывает вопрос о том, в какой форме должны быть представлены материалы, указывающие на предшествующую преступную деятельность лица, — процессуальной или оперативной. Особенно если учесть то, что материалы дел оперативного учета не могут быть предоставлены в суд ввиду засекречивания.

В этой связи мы считаем, что предлагаемый нами правовой стандарт должен включать четкие требования к закреплению информации о предшествующей криминальной деятельности «объекта» в материалах, полученных при проведении оперативного эксперимента, проверочной закупки. Прежде всего это касается надлежащего наполнения и оформления материалов дел оперативного учета как гарантии обоснованности проведения этих ОРМ. Сторона обвинения должна быть гото-



вой представить их в суде в подтверждение обоснованности принятого решения о проведении оперативного эксперимента или проверочной закупки. Далее, необходимо исходить из обязательности перекрестной проверки в суде «объективности подозрения» — через допросы как оперуполномоченных, так и представителей общественности (понятых), привлеченных к их проведению. Готовность к противодействию со стороны защиты через обвинение в провокации должна формироваться у потенциальных свидетелей обвинения. В частности, оперуполномоченные, сотрудничающие с ними лица должны быть готовы к отстаиванию на суде критерия своего «пассивного поведения» при проведении ОРМ; быть готовыми дать показания в судебном разбирательстве, в том числе подвергнуться перекрестному допросу [1].

Наибольшую сложность и дискуссионность вызывает критерий «пассивного» поведения сотрудников правоохранительных органов и сотрудничающих с ними лиц. В ряде решений судов можно найти однозначное подтверждение позиции в пользу пассивности. Так, в ходе рассмотрения апелляционной жалобы суд указал, что содержание такого оперативного мероприятия, как эксперимент, не способно мотивировать к совершению преступления, поскольку оно лишь фиксирует происходящее. Оперативный эксперимент осуществлен в связи с имеющейся информацией о совершении должностными лицами <данные изъяты> списания задолженностей за незаконное вознаграждение [6].

Вытекающий из категорического запрета активной целенаправленной деятельности по подготовке и документированию преступных действий в ходе оперативного эксперимента или проверочной закупки императив составляет особенность материально-правовой составляющей стандарта проведения этих ОРМ. Это понимание стандарта сложилось под европейским континентальным правовым влиянием и отличается от англосаксонского правового стандарта «правомерной провокации», получения так называемого *Entrapment Evidence*, то есть буквально «провокации преступления с целью его изобличения» [15, с. 309].

Есть сторонники этой концепции, оправдывающей большую меру активности сотрудников оперативных аппаратов при подготовке и проведении данных ОРМ и среди отечественных специалистов по уголовному и уголовно-процессуальному праву [2, с. 480–481]. Так, например, И. А. Александрова, развивая ранее выдвинутую А. С. Александровым и Д. С. Кучеруком идею о «допустимом инициировании преступления» сотрудниками оперативных аппаратов (цит. по: [15, с. 109]), сформулировала стандарт «правомерной провокации», производный, по ее мнению, от стандарта «крайней необходимости» и сводящийся к тому, насколько в данной ситуации действия офицеров полиции и их агентов были сообразны опасности преступления и, следовательно, полезны, позволительны. Не будет провокации или подстрекательства в действиях полиции, если они если не влияли на свободу воли субъекта преступления, в отношении которого проводился оперативный эксперимент [5].

По нашему мнению, при всей привлекательности такого подхода для сотрудников оперативных аппаратов, его нельзя признать правильным, соответствующим позитивно-правовому стандарту, сложившемуся в



нашем уголовном процессе. Вместе с тем можно согласиться с тем, что широкая трактовка критерия «пассивного поведения» сотрудников правоохранительных органов, которая исключает какую-либо активную деятельность по выявлению и раскрытию преступления, не переходящую в склонение к общественно опасному деянию, противоречит общему смыслу ФЗ «Об ОРД» и обязанности государства противодействовать преступлениям.

Выводы относительно правового стандарта проверочной закупки, оперативного эксперимента, выполнение которого обеспечивает высокую вероятность допустимости использования в доказывании их результатов, можно сделать такие. Во-первых, необходимо осуществлять надлежащее документирование оснований проведения ОРМ с учетом его потенциальной проверки в ходе предварительного следствия и в суде. Во-вторых, нужно обеспечить надлежащее наполнение и оформление материалов дел оперативного учета. В-третьих, должна быть проведена подготовка оперативного сотрудника и лиц, участвовавших в ОРМ, представителей общественности (понятых) для допроса в суде в условиях противодействия со стороны защиты. Наконец, государственным обвинителем должна быть продумана и реализована в судебном следствии тактика представления результатов этих ОРМ в виде материалов уголовного дела и приложений к нему, а также допросов участников ОРМ.

Отграничение правомерности от провокации при проведении указанных ОРМ заключается, на наш взгляд, в следующем: провокационными являются действия, направленные тем или иным образом на побуждение (склонение) лица к совершению преступления либо ввод его в заблуждение относительно намерений оперативных работников и лиц, сотрудничающих с ними при осуществлении ОРМ. Являются провокационными действия оперативных сотрудников и их агентов, если они связаны с уговорами, угрозами, использованием потребности в употреблении наркотиков и иными формами навязывания лицу преступных намерений, в том числе завуалированными речевыми посылками. Иначе говоря, лицо не должно побуждаться к совершению преступления. Оно не должно быть введено в заблуждение относительно происходящего события, то есть умышленно совершать преступление под тайным контролем. Действия же оперуполномоченных, не связанные с навязыванием лицу преступных намерений, должны быть признаны правомерными, и полученные таким образом результаты оперативного эксперимента или проверочной закупки должны допускаться в качестве прямого доказательства обвинения.

Список литературы

1. Александров А. С. Перекрестный допрос в суде: примеры успешной практики // Уголовный процесс. 2019. №4. С. 22–31.
2. Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017.
3. Александров А. С., Кучерук Д. С. К вопросу о допустимости доказательств, полученных стороной обвинения в ходе досудебного производства // Консти-



туционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. матер. Всерос. круглого стола: 3 ноября 2011 г. / сост. К. Б. Калиновский. СПб., 2012. С. 95–108.

4. Александров А. С., Кучерук Д. С. Результаты ОРМ — база приговора? Статья 2. Российские регламенты устарели... // Российский следователь. 2012. № 6. С. 35–39.

5. Александрова И. А. Теоретическая концепция уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 75–86.

6. Апелляционное постановление Ивановского областного суда (Ивановская область) № 22-97/2019 от 30 января 2019 г. по делу № 22-97/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/f7XIaj9N6PZT/ (дата обращения: 01.03.2023).

7. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда (город Краснодар) № 22-3717/2017 от 29 июня 2017 г. по делу № 22-3717/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/DeeEZcgO8A5u/ (дата обращения: 01.03.2023).

8. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда (Город Санкт-Петербург) № 1-39/2014 22-367/2015 22-8879/2014 от 4 марта 2015 г. по делу № 1-39/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://lul.su/UrM> (дата обращения: 01.03.2023).

9. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда (город Санкт-Петербург) № 22-2027/2014 от 16 апреля 2014 г. по делу № 22-2027/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MnLFzeVCNvxZ/> (дата обращения: 01.03.2023).

10. Гаврилов Б., Боженко С. К вопросу о провокации преступлений // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 44–50.

11. Галушко В. А., Малахов А. С. Провокация при проведении оперативного эксперимента // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 3 (62). С. 31–35.

12. Грошев С. Л. Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие: некоторые аспекты правового регулирования // Проблемы формирования уголовно-розыскного права. (Десять лет российскому оперативно-розыскному закону) : вневедомственный сб. науч. работ. Вып. 5 / сост. А. Ю. Шумилов. М., 2002. С. 60–63.

13. Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

14. Комиссаров В. С., Яни П. С. Провокационно-подстрекательская деятельность лица в отношении должностного лица как обстоятельство, исключющее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 3–8.

15. Кучерук Д. С. Проблемы использования результатов ОРД при доказывании по уголовным делам о взяточничестве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 306–310.

16. Лазарев А. В. К вопросу об оперативном эксперименте как основном мероприятии по документированию преступлений коррупционной направленности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 145–148.



17. Мишин Г. Борьба со взяточничеством: некоторые направления совершенствования уголовной политики // Уголовное право. 2000. №3. С. 75–80.

18. Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021.

19. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. №14 (ред. от 16.05.2017). СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 24.01.2024).

20. Ровнейко В. В. Провокация взятки как коррупционное преступление, совершенное с использованием служебного положения // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2015. №2. С. 144–147.

21. Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020.

Об авторе

Федор Михайлович Лучинкин — соискатель, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: fedor-luchinkin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8184-769X>

F. M. Luchinkin

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF AN OPERATIONAL EXPERIMENT AND TEST PURCHASE IN PROVING A CRIMINAL CASE

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Received 28 May 2023

Accepted 15 November 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-3

To cite this article: Luchinkin F. M. 2023, Problems of using the results of an operational experiment and test purchase in proving a criminal case, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 32–41. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-3.

The study presents the concept of the special evidentiary value of the results of operational experiments and test purchases. This is due to the fact that these actions reflect a criminal event carried out under the control of law enforcement authorities. To dispel doubts about the admissibility of documented results of such operational measures, a legal standard for their conduct is developed. Unlike sectoral developments regarding such a legal standard, an interdisciplinary legal standard is proposed. It includes criminal procedural norms, norms of criminal investigative law, as well as judicial precedents. Compliance with this standard should guarantee the admissibility of using the results of these operational measures in criminal procedural evidence.



Simultaneously, the rights of individuals implicated in the commission of a crime must be ensured. The material-legal and procedural components of the standard for the lawful conduct of operational experiments and test purchases are analyzed. A material-legal criterion for distinguishing lawful operational experiments and test purchases from entrapment is formulated. Criteria for the procedural component of this legal standard are provided. In conclusion, a synthesis of all analyzed components is made in the form of a comprehensive standard for the activities of law enforcement authorities, preliminary investigation bodies, and prosecutors in forming evidence of charges from the results of operational experiments and test purchases. The conclusions drawn can be used in the field of operational and investigative activities and criminal procedural evidence to eliminate legal uncertainty and increase the effectiveness of prosecuting individuals who have committed serious, covert crimes. Additionally, it may reduce the professional risk for operational personnel authorized to conduct these activities.

Keywords: operational experiment, test purchase, proof, evidence, legal standard

The author

Fedor M. Luchinkin, PhD Student, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: fedor-luchinkin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8184-769X>

УДК 94(470+438)"1863/1864"

Д. А. Коско

**ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ В ВОЗЗРЕНИЯХ
ВАРШАВСКИХ ПОЗИТИВИСТОВ**

42

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 10.08.2023 г.

Принята к публикации 11.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-4

Для цитирования: Коско Д. А. Январское восстание в воззрениях варшавских позитивистов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 42–49. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-4.

Предпринята попытка определить воззрения варшавских позитивистов на Январское восстание. Автор обращается к литературным сочинениям, письмам и воспоминаниям представителей варшавского позитивизма и приходит к выводу, что подавление восстания 1863–1864 гг. во многом способствовало формированию идеологии данного философского течения. Позитивисты открыто осуждали польское освободительное движение, полагая, что вооруженные столкновения приведут польскую нацию к исчезновению. Несмотря на это, они с большим почтением относились к участникам Январского восстания, осознавая вместе с тем тщетность вооруженных методов борьбы за независимость Польши. Помимо критики польского освободительного движения, варшавские позитивисты негативно оценивали и представителей консервативной польской аристократии, которые продолжали жить прошлым, романтизируя польские восстания и их участников, игнорируя в то же время потребности, стремления и желания нижестоящих слоев польского общества. Свои взгляды на насильственные способы борьбы за независимость польских земель варшавские позитивисты также выражали в мемуарах, письмах и литературных произведениях.

Ключевые слова: варшавский позитивизм, Царство Польское, романтизм, Январское восстание, художественная литература, польское освободительное движение, польская шляхта

Во второй половине XIX в., после подавления Январского восстания, в условиях территориальной разделенности страны польские мыслители задались вопросами возрождения нации и создания идеального государства-отечества. Романтический образ «мученической» Польши был оставлен позади, а количество подходов к решению насущных проблем увеличилось на порядок [11, с. 32].



В связи с отсутствием возможностей для реального выражения своих политических взглядов и идей на разделенных польских землях (за исключением территорий в составе Австро-Венгрии) польские деятели занялись активной писательской деятельностью. Художественная литература преподносила читателю новые ценности, подталкивала к размышлениям о политической ситуации в стране, позволяла ощутить принадлежность к польской нации и способствовала формированию национального самосознания.

После подавления Январского восстания взгляды поляков относительно будущего польской нации трансформировались: они обратились к размышлениям о возможных новых путях обретения независимости. По этой причине важно понять степень влияния Январского восстания на убеждения варшавских позитивистов.

С 1864 г. в Царстве Польском начала действовать жесткая цензура, а царские власти взяли курс на усиленную русификацию [2, с. 144]. Именно в это время возникло общественно-идеологическое течение, получившее название «варшавский позитивизм», которое стало пользоваться популярностью не только в самом Царстве Польском, но и на других польских землях [3, с. 60]. Приверженцы этого течения призывали все классы польского общества согласованно трудиться во благо нации, вместе с тем отрицая вооруженные методы борьбы за независимость Польши. Помимо того, позитивисты агитировали представителей польской шляхты оказывать помощь народу, просвещать его, строить в деревнях школы и больницы. Как вспоминала Элиза Ожешко, «необходимо было создать новый вид “патриотической идеи”, приспособленной к временам отчаяния и презрения...» [13, с. 146].

В 1862—1869 гг. в столице Царства Польского действовала Варшавская главная школа, где преподавали выдающиеся представители варшавского позитивизма. После ее преобразования в Императорский Варшавский университет позитивизм перестал носить академический характер, став идеологически-политическим течением.

Несмотря на явно либеральную направленность варшавского позитивизма, приверженцы данного течения единогласно отрицали концепцию вооруженной и насильственной борьбы за независимость польских земель. Причиной такого противоречия может быть специфическое восприятие варшавскими позитивистами факта подавления Январского восстания в 1864 г.

В историографии (в первую очередь, естественно, польской) варшавский позитивизм неоднократно становился предметом исследования [2; 5; 7; 8; 11]. Проблема влияния Январского восстания на развитие идеологических течений обсуждалась в работах, посвященных отдельным идеологам варшавского позитивизма [6; 15; 18; 19]. Среди публикаций отечественных исследователей заслуживает внимания статья В. А. Хорева [3], однако комплексных исследований по этому вопросу в российской историографии нет.

Источниковую базу для настоящего исследования составили воспоминания и письма варшавских позитивистов 1864—1890 гг. (пик активности их деятельности) [9; 10; 12; 13; 17], а также литературные произведения представителей варшавского позитивизма — сочинения Болеслава Пру-



са, Адама Асныка и Элизы Ожешко [1; 4; 14; 16]. Поскольку большинство представителей варшавского позитивизма проживало на территории Царства Польского, на которой действовала царская цензура, указанные выше источники личного происхождения наиболее полно раскрывают взгляды и воззрения варшавских позитивистов на Январское восстание: именно в дневниках, письмах и воспоминаниях эти деятели могли достаточно откровенно высказывать свои мысли.

Для варшавского позитивизма характерно отрицание вооруженных методов борьбы как инструмента национально-освободительного движения. Это отрицание было основано на убеждении, что вооруженное сопротивление поставит польский народ на грань выживания. Альтернативой восстанию польские позитивисты видели «органическую работу» «во благо народа» — развитие экономики и предпринимательства, просвещение, научная деятельность, сохранение польской культуры, прежде всего традиций и языка. В понимании позитивистов подобные усилия в конечном счете должны были привести к освобождению польского народа [3, с. 62].

Многих представителей этого течения так или иначе затронули события 1863—1864 гг. Польский писатель и журналист Александр Гловацкий (1847—1912), больше известный под псевдонимом Болеслав Прус, в 16-летнем возрасте принимал участие в Январском восстании, в ходе которого был ранен и пленен российскими войсками [11, с. 46].

Польская писательница Элиза Ожешко (1841—1910) совместно с мужем Петром Ожешко во время Январского восстания оказывала активную поддержку повстанцам. Они участвовали в собраниях, на которых планировался ход вооруженных действий, а также скрывали в своем имении революционеров Ромуальда Траугутта и Яна Ваньковича. За помощь восставшим Петра Ожешко сослали в Пермскую губернию, а его имение было конфисковано царскими властями [11, с. 248].

Поэт и драматург Адам Асник (1838—1897), выросший в семье участника Ноябрьского восстания, пошел по стопам отца и участвовал в восстании 1863—1864 гг. Асник был членом повстанческого правительства, после чего был вовлечен в партизанское движение. После долгих преследований со стороны царских властей поэт эмигрировал в Германию, а в 1870 г. переехал в Краков, где и прожил до самой смерти [18, с. 33—36].

Выходцами из разорившейся в результате конфискации имущества шляхты были и позитивисты Александр Свентоховский (1849—1938), Петр Хмельёвский (1848—1904), Станислав Игнаций Виткевич (1885—1939), Юзеф Котарбиньский (1849—1928) [5].

Будучи людьми, объединенными общим болезненным опытом, варшавские позитивисты испытывали разочарование в польском освободительном движении. Они осознавали, что насильственное сопротивление лишь усугубляет и без того непростые условия существования польского народа. Элиза Ожешко, видевшая публичные казни и массовую ссылку поляков в Сибирь, вспоминая подавление восстания, называла его «одной из самых ужасных катастроф, доступных взору смертного» [5, с. 30]. Адам Асник с горечью писал: «Радужное состояние романтической Музы распалось на куски» [9, с. 141]. Польский писатель и публицист



Александр Свентоховский категоричнее других позитивистов оценивал роль Январского восстания, называя его «разнузданной, аморальной, дикой, жестокой мясницкой революцией» [17, s. 169].

Позитивисты, не отрицая ценностей романтизма, выступали против идеализации прошлого. Они открыто осуждали устаревшие воззрения польского общества, которые служили причиной гибели или ссылки на каторгу множества молодых поляков. Так, по мнению Болеслава Пруса, польское общество «не только отстало и материально бедно, но, хуже того, духовно больно. Наши программы изжили себя и сегодня не имеют никакой ценности. Мы похожи на дезорганизованную толпу людей, которые ночью в дремучем лесу потеряли дорогу и не знают, куда идут» [10, s. 256].

Польские деятели, хорошо знакомые с идеями западноевропейского позитивизма, видели необходимость развивать в людях стремление к образованию, обращались к проблеме отсталости сел и деревень, придавали значение развитию экономики, просвещения и науки. В условиях жесткой цензуры в Царстве Польском выполнение поставленных задач было во многом возложено на искусство, в особенности на художественную литературу. Болеслав Прус писал: «Литература, отбросив так называемое мессианство и пастырство, является прежде всего видом человеческого труда, причем труда полезного» [Ibid., s. 351]. Используя «эзопов язык», писатели-позитивисты смогли осветить множество насущных проблем польского общества, вместе с тем способствовал сохранению польской культуры, языка и традиций. Элиза Ожешко, вспоминая об «эзоповом языке», писала: «Ни одна дата, ни что-либо иное, относящееся к теме национальной борьбы и восстаний, не названа своим настоящим именем. Можно сказать, что это своего рода тюремный язык: это слово означает это слово, то слово — другое, этот жест для этого понятия, этот жест для того. И все-таки мы — автор и читатель — превосходно понимаем друг друга» [12, s. 254].

Но, несмотря на осуждение позитивистами событий 1863–1864 гг., тема Январского восстания затрагивается в их произведениях с почтительным отношением к погибшим за свободу нации полякам.

Так, в романе «Кукла» [16] Болеслава Пруса, написанном в 1887–1889 гг., тема Январского восстания обсуждается уже в первых главах. Главный герой, Станислав Вокульский, принимал участие в восстании, после чего был сослан в Сибирь. Восстание и его последствия описаны с помощью «эзопова языка», поскольку роман был опубликован на пике деятельности царской цензуры. В частности, один из героев романа, советник Венгрович, в негативном ключе описывает повстанческий опыт Вокульского: «Вместе с другими сварил пиво, которое мы и по нынешний день расхлебываем, и в конце концов очутился где-то под Иркутском» [16, s. 12].

Следует отметить, что герой Вокульского — это собирательный образ, во многом обобщивший детали реальных биографий деятелей варшавского позитивизма. Он в молодости участвовал в Январском восстании, был сослан в Иркутск, после чего успешно занялся предпринимательством. Вокульский выступает с критикой польской аристократии, застрявшей в прошлом со своей героизацией восстаний. Аристократия



существовала, «собственной омертвелостью сковывая всякое движение, идущее снизу» [16, s. 33]. Вокульский как бы олицетворяет собой идеи варшавского позитивизма: не прибегая к вооруженной борьбе за национальную свободу, он действует во благо народа, развивая экономику, науку и предпринимательство. Вокульский наделен Прусом положительными чертами, показательно следующее описание героя: «Вокульский — из породы людей, которые рвутся к великим целям и грандиозному труду. Именно такие безумцы и создали цивилизацию» [Ibid., s. 631].

В 1887 г. выходит в свет роман «Над Неманом» [14] Элизы Ожешко. Тема восстания так же, как и у Пруса, передана «эзоповым языком». Январское восстание в романе называется «лихорадкой и штормом», которые продолжались два года. Конфискация имущества участников восстания обозначалась как «обнищание в результате общих несчастий» [14, s. 39].

Несмотря на использование иносказаний, писательница сумела с большим уважением воссоздать в романе образы участников восстания, попутно подвергнув критике закостенелую аристократию, предавшую национальные идеалы и относившуюся с презрением к представителям нижестоящих сословий. Так, один из героев романа — Теофиль Ружиц, один из богатейших представителей польской аристократии, — описывается как человек «мягкий и слабовольный, что было, очевидно, следствием физической слабости и расстроенной нервной системы» [Ibid., s. 26]. А при виде музыканта из нижестоящего сословия Ружиц «не мог скрыть гримасы брезгливости, которая передернула его тонкие губы» [Ibid., s. 27].

В романе герои Ансельм Богатырович, Бенедикт и Доминик Корчинские охарактеризованы как участники польского восстания, подавление которого напрямую определило их дальнейшую жизнь. Доминик попал в плен и со временем отказался от своей национальности и родного языка, сделав карьеру в царской администрации. История Ансельма во многом представляет собой закамуфлированную критику польской аристократии. Так, после подавления восстания здоровье героя ухудшается — он погружается в меланхолию, вспоминая поражение нации и свое собственное, потому что был отвергнут любимой женщиной из-за своего низкого социального положения. На Бенедикта, потерявшего двух братьев, легла обязанность содержать семейное имущество.

Трагичность польского освободительного движения проходит красной нитью через все произведение. Безымянная могила повстанцев в Неманском лесу является свидетельством героизма участников восстания и напоминает об идеалах, во имя которых они сражались и умирали, вместе с тем олицетворяя тщетность вооруженной борьбы за свободу Польши.

Творчество Адама Асныка принято делить на несколько этапов. Первый этап его лирики (во время эмиграции в Германию и последующего за ней переезда в Краков) относят к «послевосстанческому периоду», для которого характерен отход от романтизма с сопутствующими пессимистичными настроениями и разочарованием. Так, поэт за это вре-



мя написал стихотворения «Сон могил» (1865) и «У подножия креста» (1869), в которых содержатся его размышления о поражении польского освободительного движения. В этих стихотворениях заметен отход от романтической традиции, восстание ассоциируется Асныком со смертью, поражением, внутренним опустошением и печальной участью изгнанников:

И эта тишина мертвой пустыни
Словно нарушила во мне законы жизни:
Я был, подобно тьме, выброшен в космос [4].

Уже в 1877 г. Аснык написал стихотворение «Что причитать!..», выдержанное в чисто позитивистском ключе. В нем поэт негативно высказался о восхвалении восстаний старшим поколением и представителями польской шляхты:

Мир не отдаст, как ни перечь,
Того, что прежде было...
С живыми надобно идти
Навстречу новой дали,
А лавры ваши расплести [1].

Несмотря на осуждение вооруженных методов борьбы за независимость Польши, образ Январского восстания в литературных произведениях и в воспоминаниях варшавских позитивистов наполнен трагизмом. Авторы, избегая героизации повстанцев, смогли с почтением изобразить их в своих произведениях как людей, идущих на смерть во имя утопической идеи. Их программа и литературные произведения стали ответом на поражение польского освободительного движения в восстании 1864 г.

Вместе с тем варшавские позитивисты в негативном ключе оценивали представителей польской аристократии, которые продолжали с некоторой наивностью верить в успешность вооруженных методов борьбы. При этом, по мнению позитивистов, «наивные аристократы», жившие мечтами и фантазиями, не были способны приносить благо польской нации.

Подобное единство мнений в отношении Январского восстания можно лишь отчасти объяснить наличием цензуры в Царстве Польском, которая, несомненно, ограничивала польских авторов в выражении взглядов по многим политическим вопросам. Однако аналогичная позиция встречается, например, и в неподцензурном творчестве Адама Асныка, который после подавления восстания проживал в Германии и в Австро-Венгрии.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что на взгляды варшавских позитивистов в данном случае гораздо большее влияние оказал во многом сформировавший их повстанческий опыт.

Так, многие герои упомянутых выше литературных произведений эпохи варшавского позитивизма (как и сами авторы) после подавления Январского восстания отказались от идеи вооруженной борьбы за независимость, предпочтя ей развитие экономики, культуры, образования и



науки на польских землях. Художественная литература варшавских позитивистов в этом смысле как бы воплощает коллективный опыт участников восстания.

Элиза Ожешко, рассуждая о роли восстания в своей жизни, писала следующее: «Этот момент оказал решающее влияние на все мое будущее. От него снизошли на мою душу серьезность и нескончаемая скорбь, которые навсегда отдалили меня от мира блеска, игр и пустой радости» [13; s. 56].

Список источников и литературы

48

1. *Асnyк А.* Что причитать!.. 1877. URL: https://poezja.org/wz/Adam_Asnuk/207/Daremne_zale (дата обращения: 12.04.2022).
2. *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020.
3. *Хорев В. А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями // Варшавские позитивисты о России и русской культуре. М., 2012. С. 59–71.
4. *Asnyk A.* Pod stopy krzyża. 1869. URL: <https://wiersze.co/podstopy.htm> (дата обращения: 13.04.2023).
5. *Borkowska G.* Jakie zagadki kryje w sobie jeszcze literatura polskiego pozytywizmu // Wiedza o literaturze i edukacja. Księga referatów Zjazdu Polonistów / red. T. Michałowska, Z. Goliński, Z. Jarosiński. Warszawa, 1996. S. 314–324.
6. *Horodyński W.* Rok 1863: opisanie wypadków powstania 1863 roku przez ich uczestnika, dotychczas żyjącego. Warszawa, 1916.
7. *Janicka A.* Pozytywizm – modernizacyjny impuls kultury polskiej // I Ogólnopolska Konferencja Naukowa Narodziny nowoczesnej świadomości. Młodzi pozytywiści warszawscy: Przegląd Tygodniowy 1866–1876. Edycja pierwsza: Obraz człowieka – rewizje, 5–6 grudnia 2014. Białystok, 2015. S. 51–61.
8. *Kieżuń A.* Powstanie styczniowe w powieści i cyklu opowiadań. Kilka obserwacji. Białystok, 2004.
9. *Listy Adama Asnyka do Chłapowskich Oprac. Alicja Kędziora i Emil Orzechowski // Pamiętnik Literacki.* Warszawa, 2020. S. 129–160.
10. *Listy Bolesława Prusa.* Warszawa, 2018.
11. *Mysłiński J.* Ziemie polskie w dobie powstaniowej (1864–1915). Kielce, 1997.
12. *Orzeszkowa E.* Listy. Warszawa ; Grodno, 1937. T. 1.
13. *Orzeszkowa E.* Listy zebrane. Wrocław, 1958. T. 4.
14. *Orzeszkowa E.* Nad Niemnem. Warszawa, 2017.
15. *Pieścikowski E.* Bolesław Prus. Warszawa, 1977.
16. *Prus B.* Lalka. Warszawa, 2017.
17. *Świętochowski A.* Wspomnienia. Warszawa, 1966.
18. *Tretiak J.* Adam Asnyk jako wyraz swojej epoki. Kraków, 1922.
19. *Żmigrodzka M.* Pozytywizm Elizy Orzeszkowej. Warszawa, 1971.

Об авторе

Данила Александрович Коско – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: dkoskoo@gmail.com



D. A. Kosko

THE JANUARY UPRISING IN THE WORLDVIEW
OF THE WARSAW POSITIVISTS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 10 August 2023

Accepted 11 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-4

To cite this article: Kosko D. A. 2023, The January uprising in the worldview of the Warsaw positivists, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 42–49. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-4.

49

An attempt has been made to determine the views of Warsaw positivists on the January Uprising. The author turns to literary works, letters, and memoirs of representatives of Warsaw positivism and concludes that the suppression of the uprising in 1863-1864 contributed significantly to the formation of the ideology of this philosophical movement. Positivists openly condemned the Polish liberation movement, believing that armed conflicts would lead to the disappearance of the Polish nation. Despite this, they held great respect for the participants of the January Uprising, simultaneously realizing the futility of armed methods in the struggle for the independence of Poland. In addition to criticizing the Polish liberation movement, Warsaw positivists negatively assessed representatives of the conservative Polish aristocracy who continued to live in the past, romanticizing Polish uprisings and their participants while ignoring the needs, aspirations, and desires of the lower strata of Polish society. Warsaw positivists also expressed their views on violent methods of fighting for the independence of Polish lands in memoirs, letters, and literary works.

Keywords: Warsaw positivism, Kingdom of Poland, romanticism, January Uprising, fiction, Polish liberation movement, Polish gentry

The author

Danila A. Kosko, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: dkoskoo@gmail.com

В. А. Трусов

**СТАРООБРЯДЦЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПРОВОДНИКИ РУССКОЙ ИДЕИ ИЛИ РЕЛИГИОЗНЫЕ ИЗГОИ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 28.08.2023 г.

Принята к публикации 25.12.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-5

50

Для цитирования: Трусов В. А. Старообрядцы в Северо-Западном крае Российской империи в XIX – начале XX века: проводники русской идеи или религиозные изгои // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 50 – 61. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-5.

Рассмотрен вопрос о месте старообрядческой общины Северо-Западного края Российской империи в процессе русификации этих земель в XIX – начале XX в. Для достижения цели исследования решены следующие задачи: сделан исторический обзор становления общины в Великом княжестве Литовском; дана характеристика существованию старообрядческой общины края в составе Российской империи; рассмотрены обстоятельства расселения представителей общины на территории Северо-Западного края; приведена динамика изменения численности этой общины. Религиозные особенности этноконфессиональной группы великоросского народа проанализированы как в региональном, так и в общегосударственном контексте. Прослежены становление и распространение «легального старообрядчества», или единоверия, а также социальная специфика старообрядческой общины Северо-Западного края. Особое внимание уделено сложным отношениям государственной власти и официальной церкви к старообрядцам Северо-Западного края. Интерес к теме связан с изучением роли и места старообрядческой общины в системе этнических и конфессиональных отношений, которые сложились в Северо-Западном крае в период его нахождения в составе Российской империи. Рассмотрена также роль общины в процессе русификации Северо-Западного края после подавления Польского восстания 1863 – 1864 гг. Трансграничные отношения старообрядцев Северо-Западного края с их единоверцами из Войновской общины Восточной Пруссии представляют также краеведческий интерес.

Ключевые слова: старообрядчество, Северо-Западный край, единоверие, русификация, конфессиональная политика, религиозная дискриминация

Автохтонным населением территорий, которые впоследствии войдут в состав Северо-Западного края (СЗК) Российской империи, можно назвать белорусов, литовцев и латгальцев (субэтническая группа латыш-



ского народа), а другие народы (евреи, караимы, татары и др.) являются переселенцами разного времени. Становление польской этнической общности в СЗК представляет собой процесс, который однозначно нельзя отнести ни к первой, ни ко второй группе. Частью этой сложной национально-религиозной мозаики, сложившейся в этих землях к концу XVIII в., суждено было стать старообрядцам.

Формирование старообрядческой общины на землях будущего Северо-Западного края связано с переселением старообрядцев в пределы Великого княжества Литовского (часть Речи Посполитой), стартовавшим в последней трети XVII в., то есть с началом церковного раскола в Русском государстве. В Польско-Литовском государстве старообрядцы могли рассчитывать на религиозную терпимость со стороны властей и крупных землевладельцев. Стоит отметить, что пограничные земли Великого княжества Литовского были пристанищем для различных беглецов из Российского государства на протяжении всего XVII и XVIII вв. Старообрядческое переселение в этом контексте можно назвать одной из миграционных волн в трансграничном перемещении великоросского населения [4, с. 140–141].

На территории Великого княжества Литовского старообрядцы селились неравномерно. Большинство первых переселенцев размещались на северо-восточных и восточных землях, то есть в незначительной удаленности от границ Российского государства. Это позволяло максимально сохранять связи с единоверцами по другую сторону границы. С 1680-х гг. начинается проникновение старообрядцев в пределы этнической Литвы. Первый достоверно известный старообрядческий храм здесь был построен в 1710 г. в деревне Пуца около Кряунос (совр. Рокишский уезд) [13].

С начала XVIII в. исход русских староверов в пределы Великого княжества Литовского приобрел массовый характер. Это была реакция на социально-экономические события времен петровских преобразований, а также на суровые и нередко жестокие религиозные преследования в России первой половины XVIII в. (особенно в период царствования Анны Иоанновны) [8, с. 180]. Итогом этого движения стало возникновение крупных старообрядческих анклавов на территории Великого княжества Литовского. Самой значительной областью проживания староверов стала северо-восточная часть Великого княжества (особенно Латгалия, входившая в состав Инфлянтского воеводства). Значительным было поповское общество (так называемые *ветковцы*) на реке Сож (современная Гомельская область Белоруссии), оно было разгромлено в 1764 г. в ходе вторжения царских войск, осуществленного в рамках так называемой «выгонки» (насильственное переселение в восточные земли Российской империи ок. 14 тыс. старообрядцев). В центральных воеводствах Великого княжества Литовского проживали небольшие группы беспоповцев поморцев и филипповцев [13].

Переселенцы-старообрядцы, невзирая на свою замкнутость, неплохо принимались местными польскими землевладельцами по причине своего трудолюбия и трезвого образа жизни [4, с. 141]. Правящий класс Речи Посполитой не принимал по отношению к старообрядцам каких-либо



дискриминационных законов. Это способствовало численному росту общины, ее распространению по территории Великого княжества Литовского, а также росту благосостояния членов общины.

Численность общины, то подсчетам Г.П. Потапенко, в 1791 г. в Великом княжестве Литовском составляла от 100 до 180 тыс. чел., то есть от 3 до 5 % всего населения Великого княжества (все население по данным переписи составило 3 млн 600 тыс. чел.) [13].

Из-за преследований сторонников старых религиозных обрядов в России именно в землях Речи Посполитой появлялись крупные центры, которые оказывали влияние на духовную жизнь единоверцев в России. Одним из таких центров стала уже упомянутая община на острове Ветка, крупнейшая на юго-востоке Великого княжества. На становление идеологии федосеевского толка беспоповства большое влияние оказала деятельность Гудишской обители (1728–1755 гг.) около нынешнего города Игналина (позже этот центр был перенесен в обитель Дегучай около совр. г. Зарасая) [8, с. 252].

В результате трех разделов Речи Посполитой (1772–1795) практически все земли бывшего Великого княжества Литовского стали частью Российской империи и вошли в состав Северо-Западного края [9, с. 4]. Присоединение СЗК к России значительно усложнило жизнь старообрядцев, так как община оказалась объектом дискриминационного законодательства на территории всей империи. Уже в начале 1820-х гг. правительство Александра I вступило на путь запрещения «публичных проявлений раскола» [2].

Под «публичными проявлениями раскола» следует понимать категорический запрет на переход в старообрядчество из официальной церкви. Проведение богослужений разрешалось только в церковных зданиях, без проявления веры вне их стен; было запрещено строительство новых культовых сооружений (церквей, молелен, часовен). Духовенство и монашество старообрядцев не признавалось в качестве особого сословия; не признавались браки, заключенные в старообрядческих храмах. Категорически запрещалась печать «раскольничьей» литературы и богослужебных текстов дониконовского образца. Таким образом, российское законодательство позволяло старообрядцам лишь внутреннюю «свободу веры», закрытую от посторонних глаз [2].

Однако, невзирая на религиозную дискриминацию старообрядцев, их миграция в СЗК продолжилась и после присоединения этих земель к Российской империи (в 1820–1830-х гг.) [4, с. 142]. Это было обусловлено слабостью позиций Православной церкви на этих землях, так как численный и материальный перевес здесь был на стороне Римско-католической и Униатской церквей.

В это время происходит дальнейшее распространение старообрядческих общин по территории СЗК, которые, достигнув естественных границ края, начинают с 1820-х гг. переселяться в пределы Царства Польского и Восточной Пруссии (так началось формирование Войновской общины в Мазурии).

Царствование Николая I охарактеризовалось новыми ограничениями тех незначительных гражданских и религиозных прав старо-



обрядцев, которые они получили во время правления Екатерины II и Александра I. Можно сказать, что конфессиональная политика нового императора была направлена на «полное искоренение раскола». Элементами этой политики стали административные закрытия храмов, молелен, часовен, скитов, конфискация богослужебных предметов, икон, книг, запрет на ведение метрических книг, аресты и ссылки руководителей старообрядческих общин и простых верующих. Например, в Ковенской и Виленских губерниях в это время были закрыты 13 из 33 действующих старообрядческих храмов, восемь из них впоследствии разрушены [2].

Нормативные акты 1846–1847 гг. запрещали староверам приобретать недвижимость и землю, вступать в купеческие гильдии, избираться на общественные должности. Многие старообрядческие поселения были отданы под полицейский надзор. По мнению А. Ю. Бендина, правовые нормы, принятые во времена правления Николая I, вывели общины старообрядцев-великороссов за пределы правового института веротерпимости [3, с. 81].

Стоит отметить, что жесткость правительственных мер по отношению к старообрядцам СЗК значительно нивелировалась взвешенной позицией Виленского митрополита Иосифа (Семашко), который был противником насильственных действий в отношении представителей других конфессий. Он ссылался на малую эффективность притеснений, а в 1850–1860-х гг. даже допускал использование старообрядцев в интересах «русского дела» [4, с. 148].

Еще одной причиной дискриминации и преследования в годы правления Николая I стало уклонение части старообрядцев-беспоповцев от официальной регистрации браков и рождения детей в метрических книгах. Кроме того, многие беспоповцы отказывались возносить «молитвы за государя» [3, с. 82]. Эти обстоятельства приводят к уходу в 1820–1830-х гг. части старообрядцев Режецкого уезда Витебской губернии в пределы Восточной Пруссии, где за ними закрепилось название *филиппоны* [10, с. 117].

По результатам VIII ревизии (1834 г.) в СЗК было зафиксировано 79 тыс. старообрядцев, что составило почти 80 % всего великоросского населения этих земель. Однако к своим великоросским подданным старообрядческого исповедания Российское государство проявляло религиозную нетерпимость. Имперское законодательство ставило старообрядцев в правовом положении ниже, чем лиц нехристианского исповедания, таких как мусульман, буддистов-ламаистов и даже иудеев. При этом положение представителей «иностранных» христианских конфессий (римских католиков, лютеран, англикан и др.) было на несколько порядков выше, чем у «природных россиян» – старообрядцев [2].

Осознание того, что старообрядчество в СЗК является «главным представителем» великоросской народности, ставило правящий класс в неоднозначное положение. Необходимость опереться и использовать великороссов-старообрядцев в качестве лояльных подданных предполагала положительное изменение политики по отношению к этой общине. В конце правления Николая I ситуация стала меняться к лучшему.



В апреле 1850 г. для поощрения переселения русских купцов в города СЗК было разрешено старообрядцам-поповцам записываться в городское сословие соответствующих губерний [4, с. 151].

Но более пристальное внимание Российское государство обращает на своих подданных старообрядческого исповедания только в момент испытания для российского суверенитета в СЗК в связи с польским восстанием 1863—1864 гг. Как это произошло? После начала восстания для властей встал вопрос о группах населения, которые могли бы выступить опорой для государства в СЗК в качестве противовеса мощной «польской идее», которую разделяли местные землевладельцы (94 % из них были католиками), католическое духовенство и чиновники римско-католического исповедания [6, с. 293]. Великокоросское население СЗК составляло менее 5 % населения. Белорусы СЗК, даже православного исповедания, еще не до конца вписывались в выстраиваемую официальную концепцию «триединого русского народа» [14, с. 235]. В этот сложный момент российские власти в СЗК обнаружили неожиданных союзников в лице старообрядцев, которые не поддержали восставших поляков и деятельно показали свою лояльность российскому правительству. Так, в апреле 1863 г. крестьяне-старообрядцы помогли правительственным войскам предотвратить захват повстанцами крепости Динабург (Двинск, совр. Даугавпилс) [6, с. 243]. Во многих уездах старообрядцы организовывали милиционные отряды для поддержания правопорядка и противодействия небольшим отрядам повстанцев. В письме к Александру II старообрядцы Динабургского уезда Витебской губернии заверяли государя в своей преданности даже до самой смерти «Хотя мы имеем жительство и близ польских краев, но мы, Государь, твои дети, и дух наш существует в России, за благоустройство которой прародители наши и деды проливали кровь свою, желая учинить в ней спокойствие и тишину... Почему мы скорее согласимся расстаться с своей жизнью, нежели променять своего державного царя на какое-нибудь неизвестное правительство» (цит. по: [1, с. 277—278]). Это позволило императору скорректировать свои взгляды на социально-экономическое положение старообрядцев. В это время изменилась и терминология официальной документации, где вместо негативного наименования «раскольники» начало использоваться более нейтральное — «старообрядцы».

Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев неоднократно говорил, что старообрядцы «более других сохраняют русскую народность» и «неизменно преданы правительству» (цит. по: [6, с. 244]). Администрация принимала меры по защите старообрядцев-крестьян от произвола помещиков польского происхождения (циркуляр от 17 июня 1863 г.). В смешанных селениях, где старообрядцы проживали совместно с католиками, они были допущены к выборам в сельское самоуправление вплоть до должности старшины. Но в селениях, где они проживали совместно с представителями официальной Православной церкви, такая возможность не допускалась.

В 1864 г. М. Н. Муравьев приветствовал старообрядцев СЗК как оплот «русской цивилизации» «среди всесильного влияния полонизма» (цит. по: [4, с. 152]). Кроме того, виленский генерал-губернатор положительно оценивал перспективу массового переселения старообрядцев в СЗК.



С другой стороны, виленская администрация не реагировала на ходатайства старообрядцев об отмене ограничений и запретов на публичное исповедание своей веры и совершение обрядов. Эти действия уже могли рассматриваться как «раскольничья пропаганда» и «сворачивание» православных. Так, М. Н. Муравьев отклонял просьбы старообрядческих обществ о строительстве новых и починке старых молитвенных зданий. А в 1865 г. он поддержал обер-прокурора Синода А. П. Ахматова в его действиях по произведению следствия по делу «о новых свращениях православных в раскол» в Витебской губернии и закрытии новых часовен [6, с. 244].

В конце 1860-х гг. необходимость старообрядческих обществ в борьбе с польским сепаратизмом уже не была так актуальна, и вопрос о переселении старообрядцев в СЗК потерял остроту. Однако в 1867 г. в Министерство внутренних дел поступило прошение от старообрядцев, проживавших в прусской Мазурии, с просьбой о переселении в Ковенскую губернию. В конце концов, разрешения на это войновские старообрядцы так и не получили [4, с. 158].

Некоторое послабление в правовом положении старообрядцев наметилось в годы правления Александра III. Согласно закону о старообрядцах от 3 мая 1883 г. они были наделены рядом гражданских прав: заниматься промышленностью и торговлей, получать паспорта на общих основаниях; с разрешения обер-прокурора Синода и Министерства внутренних дел строили новые культовые сооружения (без возведения колоколен) [8, с. 197]. Однако многие начинания не могли быть реализованы ввиду охранительной позиции «всемогущего» обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева.

Настоящий «золотой век» старообрядцев СЗК и всей Российской империи начался только с Высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости», который был подписан Николаем II 17 апреля 1905 г. Старообрядцы впервые в своей истории получили легальный статус религиозных организаций. Многие общины приобрели возможность «распечатать» свои молельни и храмы (некоторые из них простояли закрытыми с николаевских времен). У староверческих общин появилась возможность в законном порядке решать вопросы о возвращении конфискованной у них собственности, утвари, икон, богослужебных книг. В новых правовых условиях содействие старообрядцам начали оказывать Департамент общих дел МВД и администрации СЗК. Стали открываться легальные типографии, школы, духовные училища, созывались соборы и съезды, издавались богослужебные книги, церковные журналы и газеты [15, с. 183–186]. Даже активное участие старообрядцев СЗК в черносотенном движении начала XX в. можно интерпретировать как проявление лояльности государственному режиму [4, с. 163].

Далее следует охарактеризовать *рост численности старообрядцев СЗК и их размещение*. Как отмечалось выше, основными местами проживания старообрядцев в пределах бывшего Великого княжества Литовского были его восточные земли. Это облегчало контакты старообрядцев России с единоверцами, жившими за границей, в части организации духовных центров, перемещения людей, запрещенных книг и церковной утвари и т. д.

Главные центры старообрядчества СЗК были следующие:



– Витебская губерния (прежде всего ее северо-западный «угол», историческая Латгалия). Самая высокая плотность старообрядческого населения по переписи 1897 г. наблюдалась в Режицком уезде Витебской губернии – 23,1 % (один из самых высоких показателей в империи);

– южная часть Могилевской губернии (прежде всего Гомельский уезд), это земли бывших Ветковских обществ;

– значительная по своему влиянию община в главном городе СЗК – Вильно и его окрестностях (сложилась в начале XIX в.).

При этом Гродненская губерния была практически «свободной» от старообрядческого населения [12].

Расселение старообрядцев в губерниях СЗК в 1834–1913 гг. выглядело следующим образом (табл.).

Губерния	VIII Ревизия 1834 г.		Перепись 1897 г.		Текущий учет 1913 г.	
	тыс. чел.	% от всего населения	тыс. чел.	% от всего населения	тыс. чел.	% от всего населения
Витебская	35	4,6	83	5,6	136,6	7,3
Могилевская	13,3	1,6	23,3	1,4	42,7	1,8
Минская	7,8	0,7	15,6	0,7	20,6	0,7
Гродненская	–	–	–	–	–	–
Виленская ¹	23	1,7	25,7	1,6	30,9	1,5
Ковенская	–	–	32,9	2,1	50,6	2,9
<i>Всего</i>	79,1	1,6	181	1,8	281,4	2,2

Составлено по данным: [7, с. 200, 253, 257].

Из данных таблицы можно сделать вывод о том, невзирая на дискриминационные усилия царских властей (и саботирование многими старообрядцами учетных мероприятий), численность старообрядческого населения продолжала расти на протяжении всего рассматриваемого периода (как в абсолютных цифрах, так и в относительных показателях). Особо интенсивным был рост старообрядческого населения СЗК в 1897–1913 гг., что было связано с прекращением государственного давления на старообрядцев и уголовного преследования за переход из официальной церкви в другое исповедание. Эти положения закрепились указом «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. В соответствии с этим указом несколько тысяч тайных старообрядцев СЗК смогли начать легально исповедовать свою веру.

Более 90 % старообрядцев СЗК были сельскими жителями и принадлежали к крестьянскому сословию. Во время господства крепостного права большинство старообрядцев СЗК были лично свободными государственными крестьянами. Развитие старообрядческого купечества в СЗК тормозилось абсолютным доминированием евреев в купеческом сословии (до 80 %). Это положение существенно отличало старообрядцев региона от их единоверцев в Центральном промышленном районе, где московские староверы задавали серьезный тон в промышленности и торговле региона. Процент городских обывателей (мещан) среди староверов региона был существенно ниже среднего. Стоит отметить, что

¹ В 1842 г. из ее состава была выделена Ковенская губерния.



независимо от сословной принадлежности старообрядцы СЗК вели себя независимо по отношению к местным польским помещикам и экономически влиятельному еврейскому населению [3, с. 78].

Мнение о чрезвычайной замкнутости старообрядческой общины может быть поставлено под сомнение в силу того факта, что согласно Всероссийской переписи населения 1897 г. из 181 тыс. старообрядцев СЗК более 25 тыс. указали своим родным языком белорусский (14 %) и почти 400 чел. — латышский [12].

Старообрядцы СЗК, как и старообрядцы в других регионах Российской империи, выделялись *религиозной неоднородностью*. Значительная часть старообрядцев СЗК принадлежала к беспоповским толкам (направления, не признающие благодати священства после никоновской церковной реформы) и была максимально далека от господствовавшей церкви. Это представители федосеевского и поморского согласий. Среди этих беспоповцев было распространено отрицание регистрации брака, что входило в острый конфликт с государственными устоями. К середине XIX в. эти явно антигосударственные нормы стали утрачивать актуальность для старообрядцев СЗК, в том числе в связи с миграцией в Восточную Пруссию филиппонов — наиболее радикальных противников регистрации брака. Старообрядцы Виленской, Ковенской и Витебской губерний тяготели к крупному центру раскола в Риге, гомельские поповцы Могилевской губернии — к стародубским старообрядцам Черниговской губернии. Кроме того, были весьма оживленными и связи с московскими центрами [4].

Правление Николая I связано с активным продвижением идей единоверия среди старообрядцев СЗК. Единоверие, или старообрядчество в лоне официальной церкви, появилось в годы правления Павла I и представляло собой признание старообрядцами официальной православной иерархии при сохранении дониконовских обрядов. Продвижение единоверия (в том числе и при помощи административных ресурсов) вызывало в старообрядческой среде серьезную дискуссию, так называемые «споры о вере». По мнению некоторых исследователей, в единоверие перешло до $\frac{1}{4}$ всех старообрядцев (всего по переписи 1897 г. в Российской империи насчитывалось 230 тыс. единоверцев) [11, с. 296].

Особенно активно переход в единоверие протекал в одном из крупнейших центров старообрядчества СЗК — Латгалии (северо-западная часть Витебской губернии). В 1852 г. в Двинске был освящен Свято-Успенский единоверческий храм, построенный по заказу местных купцов-старообрядцев [11, с. 214—215]. Появились и другие приходы единоверцев в Латгалии: к концу XIX в. их уже было семь, объединенных в один благочиннический округ.

Также необходимо кратко охарактеризовать староверов в Восточной Пруссии. Как упоминалось выше, к организации Войновской общины 1820—1830-х гг. в этой германской провинции оказались причастны несколько десятков семей непримиримых беспоповцев-филиппонов, выходцев из Витебской губернии (другой частью были федосеевцы, выходцы из Царства Польского).

В 1860 г. в Иоганнисбурге (совр. Пиш, Польша) игумен Павел (Леднев), известный как Павел Прусский, основал Славянскую типографию,



которая была предназначена для издания необходимой богослужебной литературы, а также полемических сочинений по проблеме брака [8, с. 308–309].

В 1863 г. владельцем типографии стал близкий Павлу Прусскому Константин Голубов. В 1860–1868 гг. в иоганнисбургской типографии было выпущено 19 книг и брошюр, 5 номеров газеты «Истина» и 4 номера журнала с тем же названием. Также печаталась религиозная и дидактическая литература [5, с. 130–134]. Невзирая на небольшие возможности типографии, ее роль в распространении старообрядческой литературы в пределах Российской империи была значительной. Выше подчеркивался запрет на печать старообрядческой литературы и периодики, действовавший в России до 1905 г. География распространения изданий типографии простиралась от СЗК до Среднего Поволжья. Старообрядческая печатная продукция попадала в пределы Российской империи через нелегальные каналы, которые наладили старообрядцы по обе стороны границы.

Старообрядческий монастырь в Войново (до 1884 г. — мужской, а с 1885 г. — женский) на протяжении нескольких десятилетий был школой благочестия для многих старообрядцев (в том числе будущих лидеров общин) как СЗК, так и других регионов Российской империи. Даже представители именитых старообрядческих фамилий Преображенского кладбища Москвы направляли своих детей в этот авторитетный религиозный центр [10].

Большой интерес представляет личность уже упомянутого Павла Прусского. Он, будучи харизматичным лидером мазурской общины, в ходе серьезных духовных исканий перешел на позиции единоверия, после чего переселился в Россию и стал одним из популяризаторов этого согласия в пределах империи. Миссионерские труды Павла Прусского привели к обращению в единоверие нескольких сотен старообрядцев Восточной Пруссии (более 200 чел. в 1870-х гг. и 182 чел. в 1885 г.). Часть этих единоверцев переселилась в Варшавскую губернию, а другая часть изучала вопрос о переселении в Оренбургскую и Самарскую губернии (к сожалению, переселение так и не состоялось) [5, с. 141–142].

В заключение следует отметить, что старообрядцев СЗК можно отнести к старожильческому населению края. История данной общины началась за 100–150 лет до вхождения этих земель в состав Российской империи. За эти годы старообрядческая община стала неотъемлемой частью сложной системы межконфессиональных и межнациональных отношений края.

Вхождение земель СЗК в состав Российской империи привело к сильному религиозному давлению на старообрядцев, с чем ранее, то есть во времена иноэтнического Польско-Литовского владычества, община не сталкивалась. Заигрывания правящей российской элиты со старообрядцами СЗК были вызваны безвыходной ситуацией, связанной с отсутствием надежной социальной и этнической опоры во время польского восстания 1863–1864 гг.

Старообрядческая община СЗК безусловно могла стать хорошим проводником «русской идеи» в крае по причине ее повсеместного



(кроме Гродненской губернии) проживания. Однако позиция государственной власти по отношению к оппонентам официальной церкви не позволяла использовать потенциал людей, которые деятельно засвидетельствовали свою лояльность Российскому государству в ходе восстания 1863—1864 гг.

Специфика религиозных процессов внутри старообрядческой общины также позволяла государству рассматривать старообрядческие общины СЗК в качестве надежных партнеров в иноэтническом и иноконфессиональном окружении края. С одной стороны, самые радикальные оппоненты государственной церкви и власти покинули пределы Российской империи (так было положено начало Войновской общине старообрядцев Восточной Пруссии). С другой — основная масса представителей общины со второй половины XIX в. начала отходить от радикальных взглядов на регистрацию брака и рекрутскую повинность. Кроме того, в СЗК получила развитие единоверие как форма «официального старообрядчества», абсолютно лояльного не только Российскому государству, но и официальной церкви.

Совокупность указанных фактов открывала возможности для сотрудничества Российского государства и старообрядческой общины в деле распространения «русской идеи» в крае. Однако самобытность и самостоятельность старообрядцев СЗК выглядели для властей привлекательными лишь в рамках укрощения польского сепаратизма, поэтому потенциал этого сотрудничества остался нереализованным.

Список литературы

1. Бендин А. Ю. Михаил Муравьев-Виленский. М., 2017.
2. Бендин А. Ю. Старообрядцы Северо-Западного края: религиозные изгои, преданные России // Западная Русь. URL: <https://zapadrus.su/zaprus/ist-bl/1695-staroobryadtsy-severo-zapadnogo-kraya-religioznye-izgoi-predannye-rossii.html> (дата обращения: 20.08.2023).
3. Бендин А. Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края Российской империи // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2011. №1. С. 77—92.
4. Горизонтов Л. Е. Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // Славянский альманах. 1997. М., 1998. С. 140—167.
5. Иванец Э. Из истории старообрядчества на польских землях: XVII—XX вв. М., 2019.
6. Западные окраины Российской империи. М., 2006.
7. Кабузан В. М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII — начале XX в. (1719—1917 гг.). М., 2008.
8. Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М., 2017.
9. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.
10. Ожеховска И., Потехина Е. Мазурские староверы. История и современные исследования // Мир русского слова. 2017. №1. С. 114—120.
11. Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016.



12. *Первая* всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. // Приложение к *Демоскоп Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php (дата обращения: 20.08.2023).

13. *Потащенко Г. П.* Русские старообрядцы в Великом княжестве Литовском: становление древлеправославной традиции // *Мир истории*. 2002. №4. URL: <http://www.historia.ru/archive.htm> (дата обращения: 20.08.2023).

14. *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022.

15. *Урушев Д. А.* История русского старообрядчества. М., 2015.

Об авторе

Вадим Александрович Трусов — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: trusovv77@mail.ru

V. A. Trusov

OLD BELIEVERS IN THE NORTHWESTERN KRAI OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY: GUIDES OF THE RUSSIAN IDEA OR RELIGIOUS OUTCASTS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 28 August 2023

Accepted 25 December 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-5

To cite this article: Trusov V. A. 2023, Old Believers in the Northwestern krai of the Russian empire in the 19th — early 20th century: guides of the Russian idea or religious outcasts, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 50—61. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-5.

The article examines the issue of the place of the Old Believer community in the Northwestern region of the Russian Empire during the process of Russification in the 19th to early 20th centuries. To achieve the research goal, the following tasks were addressed: a historical overview of the formation of the community in the Grand Duchy of Lithuania was provided, a characterization of the existence of the Old Believer community in the region within the Russian Empire was given, circumstances of the settlement of the community members in the Northwestern region were discussed, and the dynamics of changes in the community's population were outlined. The religious peculiarities of the ethno-confessional group of the Great Russian people were analyzed both regionally and in the broader imperial context. The development and spread of "legal Old Belief" or "Edinoverie" and the social specifics of the Old Believer community in the Northwestern region were examined. Special attention was given to the complex relations between the state authorities and the official church with the Old Believers in the Northwestern region. The interest in this topic is linked to the study of the role and place of the Old Believer community in the system of ethnic and religious relations that developed in the Northwestern region during its incorporation into the Russian Empire. The role of the community in the process of Russification of the Northwestern region after the suppression of the Polish uprising



of 1863 – 1864 was also explored. The cross-border relations between the Old Believers of the Northwestern region and their coreligionists from the Woinowo community in East Prussia are of regional historical interest.

Keywords: Old Believers, Northwestern krai, Edinoverie, Russification, confessional policy, religious discrimination

The author

Vadim A. Trusov, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: trusovv77@mail.ru

С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко

**ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО ПРАВА В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ (1920 – 1930-е ГОДЫ):
ХАРБИН И ПРАГА**

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
Брянск, Россия

Поступила в редакцию 20.09.2023 г.

Принята к публикации 24.11.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-6

62

Для цитирования: Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Подготовка научных кадров по истории русского права в русском зарубежье (1920 – 1930-е годы): Харбин и Прага // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 62 – 72. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-6.

Исследована система подготовки научных кадров по истории русского государства и права на юридических факультетах русского зарубежья в Харбине и Праге в 1920 – 1930-е гг. Основными источниками служат делопроизводственная документация из фондов российских архивов (Государственного архива Российской Федерации, архива РАН, Госархива Ростовской области), мемуары и публицистика эмигрантов-современников. Обоснован вывод, что система подготовки по этой дисциплине не успела сложиться в дореволюционной Российской империи, так как сам разряд присуждения ученых степеней «История русского права» был введен только в 1915 г. В силу этого подготовка оставленных по кафедре для приготовления к профессорскому званию магистрантов носила в высших учебных заведениях русской эмиграции во многом новаторский характер. Значительное внимание подготовке специалистов по истории русского права уделялось на обоих факультетах, однако недостаток остепененных научных кадров в Харбине приводил к необходимости направления магистрантов в европейские научные центры. В Праге же сложилась самостоятельная система подготовки по дисциплине. Итог тем не менее оказался малопродуктивным – по истории русского права в рамках русской дореволюционной традиции была защищена одна магистерская и одна докторская диссертация (М. В. Шахматовым).

Ключевые слова: история государства и права, подготовка научных кадров, русское зарубежье, Харбинский юридический факультет, Русский юридический факультет в Праге, М. В. Шахматов

История русского зарубежья 1920 – 1940-х гг. не перестает привлекать внимания исследователей. Выходят в свет многочисленные публикации, оценивающие вклад русских эмигрантов первой волны как в культур-



ную и научную жизнь стран рассеяния, так и в отечественную науку и высшее образование. Уделяется внимание и отдельным социальным группам — ученым, преподавателям, деятелям культуры [2; 18]. Одной из таких небольших по численности, но достаточно ярких групп представителей научного мира эмиграции первой волны были историки русского права, представлявшие разные университеты бывшей Российской империи, рассеявшиеся по разным странам, но преимущественно сосредоточившиеся на двух юридических факультетах в русском зарубежье — в Харбине и в Праге. Организацию преподавания и подготовки научных кадров по истории русского права, удастаивавшуюся ранее лишь косвенных упоминаний в обобщающих трудах по истории образования и науки русской эмиграции, начали специально изучать авторы настоящей статьи. Ее цель — охарактеризовать преподавание истории русского права в эмигрантских высших учебных заведениях Харбина и Праги межвоенного периода, уделяя основное внимание при этом подготовке научных кадров по дисциплине.

На территории бывшей Российской империи еще продолжали работать по дореволюционным уставам (либо по созданным на их основе своим собственным) высшие учебные заведения (основанные в годы Гражданской войны Таврический, Иркутский, Дальневосточный университеты), когда в Харбине 1 марта 1920 г. были основаны Высшие экономико-юридические курсы, преобразованные двумя годами позже, 8 июля 1922 г., в Юридический факультет [26, с. 54, 57]. В том же 1922 г. (18 мая) был дан старт Русскому юридическому факультету в Праге [23, с. 67–69]. Именно эти два учебных заведения стали продолжателями традиции дореволюционного юридического образования в русском зарубежье, в том числе в деле подготовки кадров высшей квалификации. Вопрос о целесообразности организации высших учебных заведений эмиграции в первые годы после Гражданской войны ставился редко — первоначально эмигранты полагали, что за границей они обосновались ненадолго и вскоре вернуться в Россию. «Может быть, у некоторых возникает сомнение, зачем на Юридическом факультете преподается старое право в то время, когда вся Россия живет новым правом, — говорил первый декан харбинского юрфака В. А. Рязановский. — В ответ на это скажу, что эти сомнения мне представляются и теоретически неправильными и фактически неверными. Прежде всего, надо отметить, что, строго говоря, нет старого и нового права, а есть единое право, которое живет и развивается; может быть только старое и новое законодательства» (цит. по: [25, с. 138]). Вновь образованные вузы сосредоточили усилия на подготовке научной смены через оставление при кафедрах [1, с. 52].

Как известно, подготовка научной смены — одна из важнейших задач высшей школы. В условиях стабильного развития такая задача решается достаточно успешно на основе имеющейся в государстве системы высшего образования с особенностями, присущими той или иной стране. Сложнее решить этот вопрос в условиях свойственной революционному периоду политической турбулентности. В таком положении оказалось российское высшее образование в 1917–1920-х гг. После победы большевиков почти год сохранялась старая система подготовки и защиты магистерских и докторских диссертаций. Ученые степени в их дореволюционной интер-



прегации были отменены декретом СНК 1 октября 1918 г. и после этого в университетах, находившихся под контролем большевистского правительства (Петроградском, Московском), официальные защиты диссертаций не проводились. Изредка устраивались лишь неофициальные диспуты, напоминавшие по форме дореволюционные, но не заканчивавшиеся формальным присуждением степени [11, с. 504–505]. Иная ситуация сложилась в университетах занятых белыми южных и восточных регионов бывшей Российской империи. Так, в университете Св. Владимира в Киеве в 1918–1919 гг. стал доктором русской истории Г. А. Максимович, степень магистра получили историки Б. А. Курц и П. П. Смирнов. При этом защита последним магистерской диссертации по истории посадского населения России XVII в. прошла буквально за несколько недель до оставления города денкиинцами в октябре 1919 г. [14, с. 185].

В переведенном в Ростов-на-Дону в 1915 г. Варшавском университете, который в 1917 г. был переименован в Донской, еще в ноябре-декабре 1919 г., за месяц до занятия города красными, сдавались магистерские экзамены. В 1917–1919 гг. там состоялось несколько защит диссертаций, в том числе будущего декана Харбинского юрфака В. А. Рязановского по гражданскому праву [30, ф. 527, оп. 1, д. 118, л. 87]. Таким образом, высокая степень академической автономии, сложившаяся в предшествующие десятилетия, позволяла университетскому сообществу продолжать проведение защит диссертаций даже в экстремальных условиях. Поэтому, когда многочисленные представители русской профессуры оказались в эмиграции, никакие невзгоды жизни на чужбине не смогли воспрепятствовать их желанию возобновить преподавательскую и научную работу, в том числе подготовку научной смены. Касалось это и историков русского права.

Правда, стоит упомянуть, что была еще одна, *добавочная* сложность в подготовке в зарубежье именно историков права — сам разряд присуждения степеней «история русского права» в России был введен после длительных дискуссий только 27 ноября 1915 г. [17]. И пока не выявлены имена ученых, кому до 1918 г. успели присудить эту степень. Наверняка известны лишь несколько человек, сдававших магистерские экзамены (в том числе В. В. Энгельфельд, И. И. Яковкин). Поэтому подготовку соискателей по истории русского права в зарубежье во многом пришлось налаживать с нуля.

Правила о присвоении ученых степеней и защите диссертаций в зарубежье были приняты на первых двух эмигрантских академических съездах, прошедших в Праге 10–17 октября 1921 г. и 9–16 октября 1922 г. [19]. «В целом, принципы сдачи магистерских экзаменов были традиционными и соответствовали дореволюционным аналогам» [13, с. 92]. Защите диссертации должны были предшествовать магистерские экзамены. К магистерским испытаниям, которые проводились в Особых комиссиях при Русской академической группе, допускались выпускники русских и зарубежных университетов. В состав Комиссий входили не менее пяти человек, из которых хотя бы четверо должны были обладать ученой степенью магистра или доктора, а пятый мог не иметь степени, если у него был опыт преподавания соответствующего предмета в русской высшей школе [Там же].



Как отмечал позже историк Харбинского юридического факультета и его преподаватель Н. П. Автономов, «Юридический факультет всегда придавал очень большое значение своей профессорской и преподавательской корпорации» [1, с. 52], но, поскольку научных кадров в Харбине было недостаточно, то для сдачи магистерских испытаний и защиты диссертаций соискатели направлялись в научные командировки в европейские научно-образовательные центры русского зарубежья – в Прагу и Париж. Всего за время существования факультета в Харбине было оставлено для подготовки к профессорскому званию 11 человек, из которых только один, Н. Е. Эсперов, по истории русского права [Там же, с. 56].

Историю русского права читали на факультете несколько человек, из которых прямыми специалистами, преподававшими этот курс в России до 1922 г., были Г. Г. Тельберг и В. В. Энгельфельд. Тельберг был известен как историк русского права еще в дореволюционной России. В 1912 г. он защитил магистерскую диссертацию по государственному праву на тему «Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века», преподавал в Казанском, Московском, Томском и Саратовском университетах [20]. В 1919 г. несколько месяцев был министром юстиции в правительстве Колчака в Омске [6]. Тельберг преподавал историю русского права в Харбине в середине 1920-х гг. и внес значительный вклад в организацию обучения, издав несколько пособий по этой дисциплине. Это были тексты русских средневековых правовых памятников [3; 21; 24]. Опираясь на многолетний опыт преподавания предмета, Тельберг справедливо полагал, что «если студент имеет перед собой текст древнего памятника, то ему легко следить за изложением профессора, и выводы рождаются в аудитории, как бы в порядке совместной дискуссии» [21, с. 3].

Еще одним преподавателем истории русского права был В. В. Энгельфельд [10; 27]. Он начал подготовку к профессорству еще в довоенные годы – в Санкт-Петербургском университете под руководством академика М. А. Дьяконова и профессора Ф. В. Тарановского [5, с. 87]. В 1917 г. сдал магистерские экзамены по истории русского права в Московском университете, затем преподавал в Томске, Омске и Владивостоке, а также Пекине. В октябре 1918 г. по прочтении двух пробных лекций был удостоен Томским университетом звания приват-доцента [29, ф. 199, оп. 1, д. 122, л. 26]. Во время его работы в Омском политехническом институте ректор института специально в письме от 19.06.1919 г. в Канцелярию учебного отдела в Министерстве торговли и промышленности Российского правительства адмирала А. В. Колчака отмечал, что «по существовавшим ранее узаконениям степеней магистра и доктора истории русского права не было установлено, почему лиц (по этой науке) приходилось оставлять по кафедре государственного права. Так было и с Энгельфельдом» [Там же, л. 21]. Однако, оказавшись в Китае, Энгельфельд отошел от занятий русской историко-правовой тематикой и увлекся местной, китайской. Поэтому тема его новой магистерской диссертации звучала как «Очерки государственного права Китая». Ее защита состоялась 3 ноября 1925 г. на заседании комиссии, созданной Русской академической группой в Париже. Сохранилось несколько свидетельств этой защиты. Так, автор заметки в русском студенческом журнале «Годы



изгнания» отмечал, что «это событие является первостепенной важности в жизни русской эмиграции». Но затем с сожалением констатировал, что «обстановка настоящей защиты далеко отличалась от прежней... Публику можно было пересчитать по пальцам. Торжественности также не было» [9, с. 14]. Официальными оппонентами выступили профессора А. Л. Байков и Б. Э. Нольде, которые подвергли диссертацию суровой критике. Весьма придирчивы были и неофициальные оппоненты. Автор другой статьи о диспуте — в парижском «Возрождении» — детально передал их замечания. Так, например, Нольде полагал, что в диссертации «нет ни юридического, ни политического, ни исторического содержания китайской конституции» (цит. по: [23, с. 248]). Стоит при этом подчеркнуть, что суровая критика диссертаций на диспутах со стороны оппонентов была обычным делом в досоветской России, соискатели заранее не знали содержания отзывов, поэтому для диспутов была, как правило, характерна острая научная полемика [11, с. 474; 7, с. 187–192]). Эта традиция перешла и в русское зарубежье. Однако суровая критика в процессе защиты обычно не отрицала благоприятного результата по ее итогам. Так произошло и в этом случае. «После совещания Комиссии проф. Энгельфельду присвоена была степень магистра. Это решение Комиссии было встречено громкими аплодисментами и поздравлениями» [9, с. 15]. В дальнейшем Энгельфельд преподавал на факультете преимущественно государственное, административное и международное право.

Еще одним преподавателем истории русского права в Харбине был Н. И. Никифоров, чья научная деятельность была связана не столько с юриспруденцией, сколько со всеобщей историей, а в 1930-е гг. — с историей экономических и политических учений. Он начал готовить магистерскую диссертацию еще в Киеве, будучи оставленным при кафедре всеобщей истории после окончания университета Св. Владимира в 1910 г. В годы Гражданской войны преподавал всеобщую историю в Омском Политехническом институте, Иркутском и Дальневосточном университетах. Оказавшись в Харбине, в отличие от Энгельфельда, не изменил своей тематики исследований и, закончив диссертацию на тему «Сеньориальный режим во Франции в исходе старого порядка», защитил ее в 1928 г. в Праге при Русской академической группе. Непростой процесс подготовки к защите и выбора оппонентов, материальные трудности, сопутствовавшие этим событиям, подробно описаны М. В. Ковалевым, который справедливо подчеркивал стремление русского эмигрантского сообщества и через 10 лет после революции следовать правилам Устава университетов 1884 г. [12, с. 130–131]. Никифоров был в 1930–1937 гг. последним деканом Юридического факультета, сменив на этом посту недолго пробывшего деканом Энгельфельда. Будучи историком по образованию и по научным интересам, Никифоров преподавал в 1930-е гг. почти все исторические дисциплины. Единственным его коллегой по преподаванию истории русского права стал единственный оставленный для подготовки к профессорскому званию при кафедре истории русского права за все время существования факультета в Харбине выпускник этого же факультета Н. Е. Эсперов. Он закончил факультет в 1923 г., в возрасте 28 лет, и вскоре стал профессором



ским стипендиатом. Занимаясь историей права Древней Руси, опубликовал ряд статей по истории удельно-вечевого периода. С 1926 г. был в научной командировке во Франции, в 1928 г. в Париже при Русской академической группе сдал магистерские экзамены по истории русского права и, прочитав две пробные лекции, был удостоен звания приват-доцента. По возвращении в Харбин стал преподавать историю русского права [8, с. 14 – 15].

На самом Харбинском юридическом факультете не было защищено ни одной диссертации не только по историко-правовой тематике, но и по юридическим дисциплинам вообще. Единственная попытка защиты докторской В. А. Рязановским по монгольскому праву не состоялась в 1931 г. из-за начала японской оккупации Маньчжурии [1, с. 54 – 55].

Иная ситуация сложилась в европейских научно-образовательных центрах русского зарубежья. Так получилось, что основные специалисты по истории русского права из тех, кто эмигрировал, оказались в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии), где гражданских русских высших учебных заведений эмиграции создано не было и русские профессора, чьи дипломы и звания признавались местной властью, стали преподавать в испытывавших потребность в кадрах местных университетах. В Белградском университете кафедру истории славянских законодательств занял доктор государственного права, бывший профессор Юрьевского, Петроградского, Екатеринославского университетов Ф. В. Тарановский, практические занятия при нем начал вести бывший доцент Донского (Варшавского) университета А. В. Соловьев. В Люблянском университете историю славянского права стал преподавать магистр уголовного права (но по историко-правовой теме), бывший профессор университета Св. Владимира М. Н. Ясинский, а в Суботицком филиальном факультете Белградского университета – магистр уголовного права Г. В. Демченко. Для всех этих ученых история русского права осталась лишь предметом научных занятий, да и то в незначительной степени, поскольку под воздействием внешних обстоятельств (прежде всего, отсутствия источников) они постепенно вынуждены были перейти на смежные дисциплины.

Те же специалисты, которые стали преподавать историю русского права в русских эмигрантских учебных заведениях Берлина, Праги и Парижа, не только не имели ученых степеней по юриспруденции, но зачастую не имели ученых степеней вообще. Те же, кто был магистром (докторов наук – преподавателей истории русского права не было ни одного), имели степени по смежным дисциплинам. Например, основной преподаватель дисциплины на пражском Русском юридическом факультете Г. В. Вернадский был магистром русской истории и сам подчеркивал, что не считает себя историком права. Все это определило необходимость уделять в Праге особое внимание подготовке научной смены [16]. Этому способствовало и то обстоятельство, что в Праге собрался цвет русской гуманитарной науки, в том числе по юриспруденции. Как писал 5 января 1923 г. в Министерство иностранных дел Чехословакии с просьбой о получении визы желавший сдавать магистерские экзамены при Юридическом факультете преподаватель Франко-русского института в Париже Д. М. Одинец, «Русский Юридический факультет в Праге



сейчас единственный русский вуз за границей [который] является рассадником русской науки права и поэтому сдача подобного испытания для русских ученых-юристов нормально может иметь место только в Праге» [29, ф. 5765, оп. 2, д. 693, л. 2].

По подсчетам В. В. Ганина, всего за 10 лет (1922–1931) было оставлено при кафедрах пражского факультета 42 человека. Из них семеро — для подготовки по истории русского права [4, с. 37–38]. Все магистранты должны были сдать экзамены по истории русского права (основной), истории философии права и государственному или уголовному праву (дополнительные). При сдаче основного экзамена учитывалась тема диссертации. Так, занимавшийся славистической тематикой О. О. Марков сдавал экзамен по истории русского права «со специальным вниманием к истории права славянских народов» [29, ф. 5765, оп. 2, д. 586, л. 28,43].

Одной из наиболее ярких фигур среди магистрантов по истории русского права был Мстислав Вячеславович Шахматов. Он стал первым по времени профессорским стипендиатом и одним из первых сдавал магистерские экзамены. Выпускник Петербургского университета, он, как и Энгельфельд, был учеником историков права М. А. Дьяконова и Ф. В. Тарановского. Намерение заняться научной работой Шахматов высказывал еще до революции. В письме Дьяконову от 26 марта 1917 г. он отмечал, что специализироваться «хотел бы на истории гос. учреждений, особенно законодательства конца XIX [и] первой четверти XX столетий» [28, ф. 639, оп. 1, д. 439, л. 5]. Оставление его при кафедре состоялось в конце 1917 г., но уже в следующем году молодой ученый оказался вовлеченным в круговорот Гражданской войны и смог вернуться к научной работе только в эмиграции, причем тема его исследования изменилась — он увлекся историей политических учений Древней Руси [15, с. 38].

Поскольку Шахматов готовился к сдаче магистерских экзаменов еще в 1917–1918 гг., он смог сдать их в Праге сразу после начала деятельности факультета: основной экзамен по истории русского права — 11.07.1922, дополнительные по истории философии права и государственному праву — 20.02.1923 [29, ф. 5765, оп. 2, д. 1044, л. 386–388]. Шахматов, страдавший туберкулезом позвоночника и диабетом, отличался тем не менее высокой работоспособностью и в итоге оказался единственным из профессорских стипендиатов по истории русского права, кто затем дошел до защиты магистерской и докторской диссертаций. Магистерскую подготовку он осуществлял под руководством Г. В. Вернадского, который высоко оценил успехи своего «аспиранта». «Книга Шахматова несомненно результат значительного труда, — писал он 28 мая 1927 г. в отзыве на диссертацию. — Шахматов прочитал очень большое количество произведений древнерусской письменности, прежде всего летописей. Интересны у Шахматова богоустановленность Новгородского народоправства и сравнение схемы княжеского владения русской землей и общинным землевладением... Надо также учитывать и личные обстоятельства — физическую болезненность автора, при которой упорный и настойчивый научный труд является настоящим научным подвигом» [Там же, л. 341]. Вернадский рекомендовал диссертацию Шахматова к



защите, которая состоялась 19 июня того же года на заседании Русского юридического факультета. По остроте полемики защита Шахматова мало отличалась от охарактеризованной выше защиты Энгельфельда [22, с. 429]. Диссертанту в итоге была присуждена степень магистра истории русского права. Семнадцатого июня 1938 г. он получил и степень доктора истории русского права на совместном заседании Русской академической группы и Общества русских ученых, став единственным обладателем докторской степени по этому разряду [15, с. 40].

Что касается других соискателей степени истории русского права, сдававших магистерские испытания при Русском юридическом факультете, то никто из них до защиты диссертации по русским дореволюционным правилам не дошел. При этом несколько человек получили ученые степени, но — местные, чехословацкие. Так, докторами Карлова университета стали к началу 1930-х гг. О. О. Марков и С. Л. Волкобрун, но получать русские степени они не стали, несмотря на сданные ими магистерские экзамены и подготовленные диссертации [29, ф. 5765, оп. 2, д. 1140, л. 132; 22, с. 390]. Причина — во все большем осознании ко второй половине 1920-х гг. того факта, что вернуться в Россию вряд ли удастся, а в зарубежной Европе степени, полученные по русской дореволюционной традиции в эмигрантских объединениях и высших учебных заведениях, властями не признавались.

Таким образом, в русском зарубежье сложилась определенная система подготовки специалистов по истории русского права. С одной стороны, для нее было характерно следование дореволюционным традициям, с другой — она, во многом вынужденно, оказывалась новаторской, так как до 1918 г. в России опыта подготовки научной смены по дисциплине по объективным обстоятельствам не было. Деятельность обоих юридических факультетов русского зарубежья прекратилась к концу 1930-х гг. Вместе с ними закончилась и подготовка специалистов по истории русского права в рамках дореволюционной традиции.

Подготовлено при поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-28-00024.

Список источников и литературы

1. Автономов Н. П. Юридический факультет в Харбине за 18 лет существования // Известия Юридического факультета в г. Харбине. Харбин, 1938. Т. 12 : Право и культура. С. 1—84.
2. Алешковский И. А., Бочарова З. С. Образовательная система русского зарубежья 1920-х — 1930-х гг. как феномен сохранения национальной идентичности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, № 3. URL: <https://history.jes.su/s207987840009135-7-1/> (дата обращения: 01.04.2023).
3. Вечевые Судные грамоты Псковская и Новгородская : учеб. изд. / под ред. проф. Г. Г. Тельберга. Харбин, 1928.
4. Ганин В. В. Профессура и студенчество Русского юридического факультета в Праге (1922—1930-е гг.) // Юридическое образование и наука. 2005. № 3. С. 37—43.
5. Гинс Г. Памяти В. В. Энгельфельда // Право и культура. Харбин, 1938. С. 87—88.



6. Гутман М.Ю., Никулин А.Г., Сальников В.П. К 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции белого движения в России (1918–1920 гг.) // Юридическая наука: история и современность. 2021. №11. С. 18–45.

7. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практика подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.) / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М. ; СПб., 2022.

8. Дудин П.Н. К вопросу о судьбе преподавателей Юридического факультета г. Харбина, вернувшихся в СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2017. №1. С. 11–17.

9. Защита диссертации и.д. проф. В.В. Энгельфельдом // Годы изгнания : журнал Общества русских студентов для изучения и укрепления славянской культуры. 1925. №9. С. 14–15.

10. Звягин С.П. Харбинская страница жизни профессора В.В. Энгельфельда // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы сотрудничества : матер. Третьей междунар. науч.-практ. конференции. Владивосток, 5–7 сентября. Владивосток, 2003. С. 230–236.

11. Иванов А.Е. Ученое достоинство Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016.

12. Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012.

13. Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. №4. С. 76–93.

14. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Академическая жизнь Киевского университета Св. Владимира в 1917–1918 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. 2008. №1 (41). С. 180–186.

15. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Историк права Мстислав Вячеславович Шахматов // История государства и права. 2021. №1. С. 36–44.

16. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В., Устинова Ю.Н. История русского права в высших учебных заведениях эмиграции в Праге и Берлине в 1920-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. №4. С. 88–94.

17. О степенях магистра и доктора истории русского права // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1916. Февраль. С. 168–174.

18. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

19. Положение о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктских диссертаций, утвержденное Советом Союза 26 апреля 1922 г. на основании постановления Съезда 15 октября 1921 г. // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. 2. С. 338–340.

20. Пономарева В.П. Профессор Г.Г. Тельберг как представитель русской зарубежной юридической мысли // История государства и права. 2013. №5. С. 12–16.

21. Русская Правда : учеб. изд. под ред. проф. Г.Г. Тельберга. Харбин, 1926 (Памятники древнего русского права. Вып. 1).

22. Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань, 2020.



23. Стародубцев Г. С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918 – 1939). М., 2000.

24. Судебники Великого Князя Ивана III и Царя Ивана IV : учеб. изд. / под ред. проф. Г. Г. Тельберга. Харбин, 1926 (Памятники древнего русского права. Вып. 3).

25. Хисамутдинов А. А. Профессор юриспруденции и востоковед Валентин Рязановский // Проблемы Дальнего Востока. 2003. №2. С. 136 – 142.

26. Хисамутдинов А. А., Чи Юйчао. Первая Альма-матер юристов: из Владивостока в Харбин. Владивосток, 2023.

27. Хисамутдинов А. А., Чи Юйчао. Профессор В. В. Энгельфельд: «Очень любил свое дело и не представлял себе жизни без преподавания в высшей школе» // Проблемы Дальнего Востока. 2020. Вып. 4. С. 153 – 163.

28. Архив Российской академии наук.

29. Государственный архив Российской Федерации.

30. Государственный архив Ростовской области.

Об авторах

Сергей Иванович Михальченко – д-р ист. наук, проф., Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия.

E-mail: smikh10@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6809-9305>

Елена Викторовна Ткаченко – канд. ист. наук, доц., Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия.

E-mail: vishnja.78@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8973-745X>

S. I. Mikhalchenko, E. V. Tkachenko

TRAINING OF SCIENTIFIC PERSONNEL IN THE HISTORY OF RUSSIAN LAW IN THE RUSSIA ABROAD (1920–1930s): HARBIN AND PRAGUE

Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, Bryansk, Russia

Received 20 September 2023

Accepted 24 November 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-6

To cite this article: Mikhalchenko S. I., Tkachenko E. V. 2023, Training of scientific personnel in the history of Russian law in the Russia Abroad (1920–1930s): Harbin and Prague, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 62–72. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-6.

The article examines the system of training academic personnel in the history of the Russian state and law at the law faculties of the Russian Abroad in Harbin and Prague in the 1920 – 1930s. The main sources include case-related documentation from the archives of Russian institutions (State Archive of the Russian Federation, Archive of the Russian Academy of Sciences, State Archive of the Rostov Region), memoirs, and publications by contemporary



emigrant scholars. It is argued that the training system for this discipline did not have the opportunity to develop in the pre-revolutionary Russian Empire, as the academic degree category "History of Russian Law" was only introduced in 1915. Consequently, the preparation of students at the department for professorial candidacy had a largely innovative character in the higher education institutions of the Russian emigration. Considerable attention was paid to the training of specialists in the history of Russian law at both faculties. However, the shortage of well-established academic staff in Harbin necessitated sending students to European research centers. In Prague, an independent training system for this discipline emerged. Nevertheless, the outcome proved to be unproductive – with only one master's and one doctoral dissertation in the field of the history of Russian law within the framework of the pre-revolutionary Russian tradition defended (by M. V. Shakhmatov).

72

Keywords: legal history, scientific personnel training, Russian Abroad, Harbin Law Faculty, Russian Law Faculty in Prague, Mstislav Shakhmatov

The authors

Prof. Sergey I. Mikhailchenko, Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, Bryansk, Russia.

E-mail: smikh10@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6809-9305>

Dr Elena V. Tkachenko, Associate Professor, Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, Bryansk, Russia.

E-mail: vishnja.78@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8973-745X>

И. О. Дементьев

ПРОФЕССОР ФРИДРИХ МЮНЦЕР В КЁНИГСБЕРГЕ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 02.12.2023 г.

Принята к публикации 25.12.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-7

73

Для цитирования: Дементьев И. О. Профессор Фридрих Мюнцер в Кёнигсберге // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 73–82. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-7.

Представлена краткая биография Фридриха Мюнцера (1868 – 1942) – крупного немецкого историка Античности, специалиста по римской политической истории. За годы жизни Мюнцер преподавал в Базельском, Кёнигсбергском и Мюнстерском университетах, отличался высокой творческой активностью, опубликовал многочисленные работы по древней истории. Его судьба оказалась трагической – Мюнцер стал одной из жертв национал-социалистического режима в Германии и умер в концентрационном лагере Терезиенштадт. Охарактеризован «кёнигсбергский период» (1912 – 1921) в его карьере – время преподавания в университете Альбертина и написания ряда важных научных работ, в том числе фундаментальной монографии по истории римских аристократических партий и семейств. Состояние источников не дает возможности реконструировать повседневную жизнь профессора Альбертины с достаточной полнотой. Тем не менее в статье предпринята попытка воссоздать обстоятельства личной и профессиональной жизни Мюнцера в Кёнигсберге (адаптация после переезда, занятость в университете), также высказан ряд предположений о круге общения ученого. Обосновано предложение увековечить в Калининграде память видного немецкого антиковеда.

Ключевые слова: антиковедение, историография, Кёнигсбергский университет, Фридрих Мюнцер

Среди выдающихся немецких историков Античности, чья биография была связана с Кёнигсбергом, особое место занимает Фридрих Мюнцер. Он родился 22 апреля 1868 г.¹ в Оппельне (прусская Силезия, совр. польский город Ополе). Отцом будущего историка был табачный фабрикант Эмануэль Мюнцер (1840 – 1904), мать звали Ольгой (урожденная Унгер; Unger, 1845 – 1922). После окончания гимназии в родном городе он учит-

¹ Далее краткая биография Мюнцера излагается на основе публикаций [13; 24, S. 591 – 592]. В каталоге профессоров Альбертины, опубликованном в первом томе фундаментальной монографии Кр. Тилицки, ошибочно указан 1869 год рождения [Ibid., S. 591].



ся в Лейпциге и Берлине, изучает историю и классическую филологию. В 1891 г. в университете Фридриха Вильгельма в Берлине защищает диссертацию «О роде Валериев» (“*De Gente Valeria*”) под руководством О. Хиршфельда.

После поездки в Рим и Афины Мюнцер устраивается в Базельском университете (1896), в Базеле же женится¹ на Кларе Энгельс, которую он незадолго до того встретил на Акрополе во время своей стажировки, с 1902 г. возглавляет кафедру классической филологии. В 1912 г. переезжает в Кёнигсберг, где ему было предложено возглавить кафедру древней истории [10, S. 17–18]. В 1918 г. Клара умирает, и в 1921 г. после кёнигсбергского десятилетия Мюнцер перебирается в 1921 г. в Мюнстер, где также возглавляет кафедру. Там он познает новое семейное счастье, женившись в 1924 г. на Кларе Лунке (1880–1935); там же переживает гонения со стороны нацистов (хотя Мюнцер в 1892 г. крестился в евангелической церкви, с точки зрения Нюрнбергских расовых законов он был признан евреем). В 1935 г. Мюнцера увольняют из университета, в июле 1942 г. его подвергает аресту гестапо. Ученый умирает в лагере Терезиенштадт 21 октября 1942 г. вследствие тяжелой болезни. Приемная дочь Мюнцера Карла-Маргарета смогла выхлопотать ему освобождение, но было слишком поздно.

Десятилетия активной творческой жизни Мюнцера позволили ему оставить богатое и многогранное научное наследие — от фундаментальных работ по римской истории и историографии до пяти тысяч статей для знаменитой энциклопедии Паули — Виссова (*Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*)².

Работа в Кёнигсберге

В литературе встречается ряд предположений по поводу того, кто именно подал Мюнцеру идею о переезде в Кёнигсберг [12, S. 40; 20, р. XL]. Среди наиболее очевидных кандидатов на эту роль — трое знакомых Мюнцера. Во-первых, Рихард Вюнш (Richard Wunsch, 1869–1915), который заведовал кафедрой классической филологии в Кёнигсберге в 1906–1913 гг. (затем переселился в Мюнстер, но вскоре был призван на фронт и погиб) [24, S. 645]. Жил Вюнш на вилле Шмидт по адресу Готшведштрассе, 9 (ул. Сержанта Мишина, 3; здание не сохранилось) [5, Th. 1, S. 615].

Другой кандидат — Герман Шёне (Hermann Schöne, 1870–1941), сын бывшего директора Берлинского музея [24, S. 619]. Выпускник Боннского университета, Шёне недолгое время (1903–1906) преподавал в Альбертине, после чего был приглашен в Базельский университет. Там он мог в ходе общения с Мюнцером рекомендовать ему город на Балтике. Тре-

¹ Среди друзей Мюнцера, направивших приветственные телеграммы по случаю бракосочетания, был выдающийся русский (позднее американский) историк Античности М. И. Ростовцев (1870–1952) [20, р. XL].

² Мюнцер начал сотрудничать с этим изданием в 1893 г., последняя его статья появилась там в 1967 г. Нелишним будет отметить, что издатели словаря проигнорировали запреты на публикацию «неарийских» авторов и в 1939–1942 гг. напечатали 170 статей Мюнцера [20, р. L].



тий вариант — Рудольф Хис (Rudolf His, 1870—1938), правовед и историк права, преподававший в Альбертине в 1904—1908 гг. и переехавший затем в тот же Мюнстер [24, S. 579].

Версии исследователей можно дополнить еще одной гипотезой. Первым источником информации о Кёнигсберге для Мюнцера мог послужить его научный руководитель — проф. Отто Хиршфельд (Otto Hirschfeld, 1843—1922), уроженец Кёнигсберга; сын чаеоторговца Германа Хиршфельда и брат шахматиста Филиппа Хиршфельда (1840—1896). Хиршфельд учился в Кёнигсберге, Бонне и Берлине, защитил диссертацию в Альбертине в 1863 г. Позднее он, известный как лучший ученик Моммзена, стал его наследником на кафедре в Берлинском университете; на пенсию Хиршфельд вышел в 1917 г.

Каковы были мотивы для переезда Мюнцера из Базеля в столицу Восточной Пруссии? В первую очередь назначение ординарным профессором в одном из главных прусских университетов было престижным: он становился государственным служащим с возможностью заниматься любимым предметом — античной историей. Ради этой перспективы Мюнцер согласился покинуть Базель, в котором ему было вполне комфортно. Выигрывал он и в жаловании.

Мюнцер принял приглашение стать ординарным профессором Альбертины, как он писал позднее в автобиографии, «с радостью» [21, S. 5]. Хотя решение о назначении на должность он получил 27 декабря 1911 г.¹, прибыть в Кёнигсберг удалось только в первой половине марта 1912 г.: в письме другу — базельскому учителю Теодору Буркхардту-Бидерману от 7 апреля 1912 г. Мюнцер пишет из Кёнигсберга о «первом спокойном дне после трех довольно беспокойных и изнурительных недель» (цит. по: [13, S. 40]). Акклиматизация в восточнопрусской столице проходила неудачно: в письме тому же адресату от 29 мая 1912 г. Мюнцер сообщал: «Два десятка лет я почти никогда не болел, и этот недуг в начале нового этапа моей жизни, конечно, сильно беспокоит меня, но, к счастью, операция и восстановление прошли хорошо, так что надеюсь, что смогу снова начать свои лекции на следующей неделе и провести их как можно лучше; во время долгих каникул я должен восстановиться и укрепить себя более основательно, чем могу сделать за неделю на тихом балтийском “курортике”» (цит. по: [Ibid., S. 41]). В другом признании тому же адресату сквозит ностальгия по прежнему месту жительства: «Мы по-прежнему много думаем о Базеле и чувствуем себя базельцами. Все, что мы слышим оттуда, интересует нас больше всего» [Ibid.].

Кёнигсбергский период карьеры Мюнцера пришелся на бурное десятилетие, в котором совпали глобальные события (Первая мировая война, Ноябрьская революция) и события частной жизни. Будучи негодным к военной службе, он работал добровольцем в лазарете в начале войны (1914), был награжден Железным крестом (впрочем, достаточно поздно — в 1917 г.).

Военные реалии накладывали отпечаток на характер учебного процесса в университете, прежде всего резко сократилось количество сту-

¹ В биографическом очерке Т. Ридли назначение ошибочно датировано декабрем 1912 г. [20, р. XLI].



дентов. В летнем семестре 1914 г. Мюнцер занимался с девятью слушателями эпиграфикой, в зимнем семестре 1914/15 г. — уже с шестью (трое мужчин и трое женщин). В летнем семестре следующего года занятия пришлось отменить, потому что остался один студент; зимой 1915/16 г. семинар по античной истории был возобновлен, но занятия посещали всего трое студентов (мужчина и две женщины) [Ibid., S. 45]. После занятий Мюнцер проводил что-то наподобие факультатива — обсуждал с учениками источники по греческой и римской истории.

Как упоминалось выше, на кёнигсбергский период жизни Мюнцера пришлась и смерть его жены. Клара умерла от испанки 15 декабря 1918 г. Нет точных сведений о месте ее захоронения; возможно, неподалеку от дома в Хуфене — на кладбище около церкви королевы Луизы в Амалиенау (ныне Центральный парк). В разгар эпидемии там нередко проводили траурные церемонии не в помещении, а у могилы — из страха заражения (об этом пишет в дневнике 4 ноября 1918 г. пастор Пауль Томашки, отпевавший прихожанку непосредственно на кладбище) [4, с. 13]. Нет сомнений, что потерю жены в таких обстоятельствах Мюнцер переживал тяжело: в его картине мира личная трагедия переплеталась с трагедией мировой войны. В датированном сентябрем 1919 г. предисловии к своему главному труду о римских аристократических партиях он пишет: «В незабываемо прекрасный период моего римского ученичества и путешествия осенью 1893 г. между Максом Штраком, Рихардом Вюншем и мной завязалась дружба на всю жизнь. Однажды я заговорил с одним из них об этой книге и о своем намерении посвятить ее ему. Когда вслед за ним другой тоже принял героическую смерть за Отечество¹, я решил посвятить книгу памяти обоим друзьям. Их души поймут и не обидятся, если теперь я добавлю к их именам третье дорогое имя» [16, S. V].

Круг общения Мюнцера в Кёнигсберге, очевидно, включал в первую очередь его коллег. Установить степень близости с ними трудно. Кроме Вюнша следует упомянуть также филолога-классика Отто Иммиша (Otto Immisch, 1862—1936), крупного специалиста по Платону, который работал в Альбертине один семестр в 1914 г. [13, S. 46]. С уверенностью можно утверждать, что Мюнцера связывали дружеские узы с унаследовавшим от Иммиша должность профессора классической филологии Карлом Майстером (Karl Meister, 1880—1963, профессор в 1914—1921 гг.)² [24, S. 583]. Майстера Мюнцер благодарит за многочисленные полезные советы и корректуру рукописи книги [16, S. VI]³.

В творческом отношении кёнигсбергский период был для Мюнцера достаточно плодотворным — этому явно способствовала не очень высокая преподавательская нагрузка, особенно в военные годы. Главный

¹ М. Штрак погиб на западном фронте — во Фландрии, Р. Вюнш — на восточном, на территории современного Мазовецкого воеводства в Польше.

² Дом, где проживал Майстер в Кёнигсберге, сохранился — Риттерштрассе, 27 (ныне ул. Закавказская, 33).

³ Среди коллег Мюнцера также в Альбертине работал классический филолог Людвиг Дойбнер (Ludwig Deubner, 1877—1946), профессор с 1906 г. (с 1917 г. во Фрайбурге), однако в свое время в Базеле Мюнцер подверг резкой критике открытую лекцию Дойбнера, так что, как деликатно отмечают биографы, невозможно определить, насколько тесно они общались в Кёнигсберге [13, S. 47].



труд его жизни — фундаментальная монография «Римские аристократические партии и аристократические семейства» (1920; англ. перевод 1999) [16] — был создан в Кёнигсберге (как Мюнцер отмечал в автобиографии, именно успех этой работы привел к тому, что его пригласили в Мюнстер [21, S. 5]). Он также написал здесь ряд статей, публикация которых неизменно сопровождалась указанием на аффилиацию автора (Кёнигсберг в Пруссии)¹. В эти годы Мюнцер опубликовал исследование практики смертной казни за политические преступления в поздней Римской республике (1912), анализ посмертной оценки Арминия у Тацита (1913), биографический очерк о римском философе Луции Сауфее (1914), обзор историографии о двух выдающихся ораторах — Гортензии Гортале и Цицероне (1914), заметку об интерпретации загадочного источника — списков авгуров (1917), статью о проблеме идентификации консула Гая Фанния по данным Цицерона (1920)...

Профессор Альбертины занимался не только преподаванием и наукой — у него была и «общественная нагрузка». Так, протокол философского факультета от 15 мая 1917 г. свидетельствует, что Мюнцер был избран в Совет университетской библиотеки, где отвечал за *Handbibliothek* — фонд учебной литературы, который располагался в главном здании Альбертины на Парадеплац и был отделен от основного фонда [18, S. 37–38].

Также профессора участвовали в отборе кандидатов на занятие должностей. Историк Макс Эберт (Max Ebert, 1879–1929) на заседании философского факультета 19 ноября 1918 г. читал пробную лекцию по теме «Скифы». В обсуждении приняло участие несколько профессоров — наряду с Мюнцером филолог-классик О. Россбах, историк А. Бецценбергер и др. — по итогам дискуссии Эберт был допущен к преподаванию доистории [Ibid., S. 55] (однако смог приступить к работе только в 1922 г.).

К 10 мая 1921 г. определилась и судьба Мюнцера — в этот день, судя по протоколу, была сформирована комиссия по отбору его преемника. В комиссию вошли 10 человек, включая самого Мюнцера [Ibid., S. 116] (к тому времени он уже состоял в двух других кадровых комиссиях, избранных 12 апреля [Ibid., S. 115]). Любопытно, что в «комиссию Мюнцера» входил и вышеупомянутый профессор К. Майстер, который также должен был уезжать (в Гейдельбергский университет); в комиссию по отбору его преемника в свою очередь вошел Мюнцер [Ibid., S. 117].

Конкурс прошел быстро, и на заседании 21 июня 1921 г. был единогласно утвержден список кандидатов. Его возглавил Оскар Лёйце (Oskar Leuze, 1873–1934), начинавший карьеру в университете Галле, ветеран Первой мировой войны (воевал в Эльзасе). Он преподавал античную историю в 1921–1932 гг., его важнейшая работа — фундаментальная² монография по истории Сирии и Месопотамии в 520–320 гг.

¹ Оцифрованные работы Мюнцера доступны на сайте https://de.wikisource.org/wiki/Friedrich_Münzer

² Мнения рецензентов, впрочем, разделились: А. Т. Олмстед оценил книгу как «солидную работу» [17, p. 87], тогда как М. Л. У. Лэйстнер заключил, что оправдать эту публикацию можно только милосердным отношением к недавно ушедшему из жизни автору [14].



до н. э. — осталась незаконченной и в этом виде вышла в Галле в 1935 г. [15]. Лёйце и стал преемником Мюнцера — надо полагать, мнение последнего также сыграло свою роль: он был знаком с небольшой монографией Лёйце об истории института цензуры в Риме (1912). Вероятно, отношение его было благожелательным — по крайней мере, он использовал монографию и другие публикации Лёйце в своей книге о римской аристократии.

Следом за победителем шли другие кандидаты — Э. В. Кольбе (Ernst Walter Kolbe, 1876—1943) из Грайфсвальда и разделившие третье место Ф. Эртель (Friedrich Örtel, 1884—1975), приват-доцент из Лейпцига, и О. Тойблер¹ (Eugen Täubler, 1879—1953) из Берлина [18, S. 119]. После 21 июня Мюнцер уже не участвовал в заседаниях, а 6 декабря 1921 г. Лёйце вступил в должность [Ibid., S. 130].

78

Адрес Мюнцера

Адрес Фридриха Мюнцера в Кёнигсберге устанавливается точно на протяжении по крайней мере последних семи лет (1914—1920)²: Альбрехтштрассе, 13 [6, Th. 1, S. 416; 9, Th. 1, S. 465]. Сейчас на этом месте располагается дом постсоветской постройки, его адрес — ул. Шиллера, 22а (угол с ул. Космонавта Пацаева, бывш. Альбрехтштрассе). Первоначально владельцем дома, в котором жили Мюнцер с женой, был торговец М. Келлер (Keller); с 1920 г. владельцем числится (9, Th. 2, S. 3) судья Пауль Бесмён (Paul Besmöhn, 1877—1964)³.

Дом, в котором поселился Мюнцер, был новым — он появился между 1912 и 1914 гг. Новым был, по сути, и весь район — хотя эта улица относилась к Хуфену, в одном квартале от дома Мюнцера начинался район Амалиенау, и вся округа была застроена в первые два десятилетия XX в. Если ранее профессора Кёнигсбергского университета селились в районах Трагхайм и Росгартен, на Штайндамме, то есть в исторической части города, то в первой четверти нового столетия произошло массовое перемещение университетской профессуры в новые кварталы Хуфен и Амалиенау. Даже на Альбрехтштрассе Мюнцер соседствовал некоторое время с известными учеными, преподававшими в Альбертине, это была практически «профессорская улица».

Среди проживавших буквально через дорогу от дома Мюнцера прежде всего следует назвать Отто Мюллера (Otto Müller, 1872—1918), специалиста по аграрным наукам и ветеринарии, директора Бактериологического института и университетской ветеринарной клиники (преподавал в 1900—1918 гг.; он проживал в доме 4а в 1911—1912 гг.;

¹ Тойблер, кстати, защитился под руководством О. Хиршфельда, однако это не сыграло принципиальной роли в определении его кёнигсбергских перспектив. Принципиально выступив против национал-социалистов, он был отстранен от работы в Гейдельбергском университете в 1933 г., затем эмигрировал в США.

² В адресной книге 1912 г. Мюнцер не упоминается; можно предполагать, что сведения в книге 1914 г. отражают данные, актуальные уже на 1913 г.

³ Годы жизни восстанавливаются по публикациям в газете *Das Ostpreussenblatt* [19; 25]. На 1941 г. Бесмён все еще был владельцем дома на Альбрехтштрассе, после Второй мировой войны жил с женой в Вильгельмсхафене (ФРГ).



здание сохранилось — ул. Космонавта Пацаева, 4) [24, S. 590—591; 5, Th. 2, S. 2]. Анатом Эрнст Гаупп (Ernst Gaupp, 1865—1916) вошел в историю науки как соавтор теории Райхерта — Гауппа об эволюции слуховых косточек млекопитающих (проживал в доме 10 по крайней мере в 1914—1916 гг.; дом не сохранился, на его месте сейчас двор восточнее корпуса БФУ им. И. Канта) [24, S. 530; 6, Th. 2, S. 2; 7, Th. 2, S. 2]. После отъезда Гауппа в том же доме ненадолго (1918—1919 гг.) поселился другой профессор — Йоханнес Зоботта (Johannes Sobotta, 1869—1945), также специалист по анатомии, работавший в университете в 1916—1919 гг. [24, S. 626; 8, Th. 2, S. 2]. После него по тому же адресу числился следующий преподаватель Альбертины — Герман Фюннер (Hermann Fühner, 1871—1944), медик и профессор фармакологии в 1915—1921 гг. [24, S. 529; 9, Th. 2, S. 2].

Если десятый дом по Альбрехтштрассе служил приютом специалистам в анатомии и медицине, то примыкавший к нему дом 10а (также на месте упомянутого двора) стал пристанищем для гуманитария. Там проживал, по крайней мере в 1911—1913 гг., Фридрих Шультеес (Friedrich Schultheß, 1868—1922), специалист по семитской филологии, профессор Альбертины в 1910—1913 гг.; затем он переехал в Страсбург и позднее в Базель [24, S. 621; 6, Th. 2, S. 2]. Шультеес был, в частности, в 1910—1911 гг. научным руководителем русского филолога и востоковеда Израиля Григорьевича Франк-Каменецкого (1880—1937), впоследствии видного советского ученого из круга Н.Я. Марра и О.М. Фрейденберг. Франк-Каменецкий описывал в автобиографии обстоятельства своего пребывания в Кёнигсберге так:

После трехлетнего перерыва, проведенного мной у родителей в Вильне, в течение которого я, между прочим, сдал экзамен по латыни и греческому языку в объеме классической гимназии, я снова уехал в Германию, в Гёттинген, где занимался специально семитическими языками (у Вельгайзена, Шультееса и Зете). Я уже приступил к моей докторской диссертации, когда моего непосредственного руководителя прив[ат]-доц[ента] Шультееса пригласили ординарным профессором в Кенигсбергский университет. Мне ничего не оставалось, как перевестись вместе с моим профессором в Кенигсберг, где я в 1911 г. сдал выпускные экзамены и, напечатав диссертацию об арабском поэте [Umajja b. Abi s Salt = Умайя ибн Абу-с Сальт], получил степень доктора востоковедения. После этого я в течение 3-х лет оставался в Германии, занимаясь специально египтологией. За это время мной напечатаны 3 работы в [Orientalische Literaturzeitung] и собран обширный материал для монографии по истории культа египетского бога Амона. Работа эта была прервана войной, объявление которой застало меня в Германии на пути из Кенигсберга в Швейцарию [1, с. 826].

Есть очень большая вероятность того, что Мюнцер общался с Шультеесом и даже, возможно, с Франк-Каменецким. Правда, едва ли антиковед-классик и египтолог обсуждали профессиональные вопросы — во всяком случае в списке тех кёнигсбергских профессоров, которых Франк-Каменецкий с признательностью в конце работы называет



своими учителями, фигурируют философ А. Гёдекемайер, египтолог В. Врешинский, ориенталист Ф. Пайзер и др., но Мюнцера среди них нет [11, S. 59].

Немногим больше десятилетия прошло после отъезда Мюнцера из Кёнигсберга, и Германию охватил кошмар национал-социализма. Профессора еврейского происхождения изгонялись не только из университетов, их исключали и из официального нарратива — так, в истории университета, которую Г. фон Зелле опубликовал к 400-летию Альбертины, Мюнцер, как и многие другие «неарийцы», не упоминался [22]. К 450-летию университета на русском языке вышла небольшая иллюстрированная история Альбертины на основе немецкого издания 1966 г. В ней уже появились имена немецких профессоров еврейского происхождения, пострадавших от нацистов (как, например, историк Ганс Ротфельс), но Мюнцер и здесь был забыт [3]. К сожалению, его не называет и замечательный калининградский историк науки К.К. Лавринович, открывший русскому читателю многие имена выдающихся преподавателей Альбертины [2].

Для Мюнцера кёнигсбергский период оказался не самым счастливым, но вполне плодотворным: он состоялся здесь как зрелый преподаватель, написал ряд научных работ, не утративших своего значения по сей день. Некролог Мюнцера в профессиональной периодике появился с сильным опозданием — в 1954 г. М. Гельцер опубликовал его в журнале *Historia*, подробно рассказав и о замечательной личности исследователя и преподавателя, и о его трагической судьбе [12]. Память о Мюнцере сохраняется в Мюнстере: его вторая жена была похоронена на центральном городском кладбище, и на надгробной плите наряду с ее именем указано и имя мужа («В память д-ра Фридриха Мюнцера, ординарного профессора древней истории в университете Мюнстера, 22.04.1868 — 21.10.1942»); точное место его реального захоронения в Терезиенштадте неизвестно. Около дома, ставшего последним адресом для Мюнцера (Хайштрассе, 1), в дорожное полотно вмонтирован памятный камень работы художника Г. Демнига; на нем можно прочесть три даты: рождение, депортация, смерть [23]. Память Фридриха Мюнцера — крупного немецкого историка-антиковеда, ставшего жертвой нацистского террора, — заслуживает увековечения и в современном Калининграде.

Благодарности. Мысль описать кёнигсбергский период жизни Мюнцера появилась у автора благодаря С. М. Гаврилову. Первые данные о домашнем адресе в Кёнигсберге любезно сообщил профессор Йозеф Визехёфер (Josef Wiesehöfer, Киль) при посредничестве профессора Людвиг Штайндорфа (Ludwig Steindorff, Киль).

Список источников и литературы

1. Каганович Б. С., Вольфцун Л. Б. Материалы к биографии И. Г. Франк-Камеенского // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIV : матер. чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. 22–24 июня 2020 г. СПб., 2020. С. 822–831.

2. Лавринович К. К. Альбертина. Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995.



3. Хубати В., Гундерманн И. Альбертовский университет в Кёнигсберге / Пруссия в иллюстрациях / пер. В. Хердта. Дудерштадт, 1993.
4. Шепель Я. Г. Дневниковые записи кёнигсбергского священника Пауля Томашки за ноябрь 1918 года // Калининградские архивы: материалы и исследования. Калининград, 2022. Вып. 19. С. 5–39.
5. *Adreßbuch* der Haupt- und Residenzstadt Königsberg in Preußen und der Vororte. 1912. Königsberg, 1912.
6. *Adreßbuch* der Haupt- und Residenzstadt Königsberg in Preußen und der Vororte. 1914. Königsberg, 1914.
7. *Adreßbuch* der Haupt- und Residenzstadt Königsberg in Preußen und der Vororte. 1916. Königsberg, 1916.
8. *Adreßbuch* der Haupt- und Residenzstadt Königsberg in Preußen und der Vororte. 1918. Königsberg, 1918.
9. *Adreßbuch* der Haupt- und Residenzstadt Königsberg in Preußen und der Vororte. 1920. Königsberg, 1920.
10. Boockmann H. Die Königsberger Historiker vom Ende des 1. Weltkrieges bis zum Ende der Universität // Die Albertus-Universität zu Königsberg und ihre Professoren / hrsg. von D. Rauschnig, D. von Nerée. Berlin, 1994. S. 17–281.
11. Frank-Kamenetzky J. Untersuchungen über das Verhältnis der dem Umajja b. Abi ş ʿSalt zugeschriebenen Gedichte zum Qorān : Inaugural-Dissertation. Königsberg, 1911.
12. Gelzer M. Friedrich Münzer in memoriam // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1954. Bd. 2, H. 3. S. 378–380.
13. Kneppel A., Wiesehöfer J. Friedrich Münzer: Ein Althistoriker zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. Bonn, 1983.
14. Laistner E. M. W. [Review:] Oscar Leuze: Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweistromlande von 520–320. Halle, 1935 // The Classical Review. 1936. Vol. 50, №1. P. 40.
15. Leuze O. Die Satrapieneinteilung in Syrien und in Zweistromlande von 520–320. Halle, 1935.
16. Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.
17. Olmstead A. T. [Review:] Leuze O. Die Satrapieneinteilung in Syrien und in Zweistromlande von 520–320. Halle, 1935 // Classical Philology. 1937. Vol. 32, №1. P. 87–88.
18. *Protokollbuch* der Philosophischen Fakultät der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr. 1916–1944 / hrsg. von Ch. Tilitzki. Osnabrück, 2014.
19. Paul Besmöhn [Nachruf] // Das Ostpreussenblatt. 1964. №23. 6. Juni. S. 24.
20. Ridley T. The fate of a historian // Münzer F. Roman Aristocratic Parties and Families / transl. by T. Ridley. Baltimore ; L., 1999. P. XXXIX–LVII.
21. Schäfers N. Zum Gedenken an Friedrich Münzer // flurgespräche. Münster, 2014. URL: http://www.flurgespraeche.de/wp-content/uploads/2018/05/Gedenkblatt_Münzer-Friedrich_neu.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
22. Selle G. Geschichte der Albertus-Universität in Königsberg zu Preussen. Königsberg, 1944.
23. *Stolpersteine* in Münster 2022. URL: <https://www.muenster.org/spurenfinden/stolpersteine/index.php> (дата обращения: 01.09.2023).
24. Tilitzki Ch. Die Albertus-Universität Königsberg. Berlin, 2012. Bd. 1 : 1871–1918.
25. *Wir gratulieren...* // Das Ostpreussenblatt. 1962. №19. 12. Mai. S. 17.



Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

Email: IDementev@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5530-1108>

I. O. Dementev

PROFESSOR FRIEDRICH MÜNZER IN KÖNIGSBERG

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 2 December 2023

Accepted 25 December 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-7

82

To cite this article: Dementev I. O. 2023, Professor Friedrich Münzer in Königsberg, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 73–82. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-7.

The article presents a brief biography of Friedrich Münzer (1868 – 1942), a prominent German historian of Antiquity, a expert in Roman political history. Throughout his life, Münzer taught at the universities of Basel, Königsberg, and Münster, demonstrating high creative activity and publishing numerous works on ancient history. His fate was tragic. Münzer became one of the victims of the National Socialist regime in Germany and died in the Theresienstadt concentration camp. The “Königsberg period” (1912 – 1921) in his career is characterized, this period involved teaching at Albertina University and the writing of several important scholarly works, including a fundamental monograph on the history of Roman aristocratic parties and families. The state of the sources does not allow for a complete reconstruction of the professor’s everyday life at Albertina. Nevertheless, the article attempts to recreate the circumstances of Münzer’s personal and professional life in Königsberg (adaptation after moving, university activities), and several assumptions are made about the scientist’s social circle. The proposal to commemorate the memory of the distinguished German classical scholar in Kaliningrad is justified.

Keywords: classical studies, University of Königsberg, Friedrich Münzer

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Email: IDementev@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5530-1108>

УДК 94:159.953 + 316.346.36:908(470.26)

Д. В. Манкевич, М. Е. Мегем, М. В. Филёв

**ИММАНУИЛ КАНТ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ
КАЛИНИНГРАДЦЕВ (ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 25.09.2023 г.

Принята к публикации 19.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-8

83

Для цитирования: Манкевич Д. В., Мегем М. Е., Филёв М. В. Иммануил Кант в культурной памяти калининградцев (постсоветский период) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 83–95. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-8.

Рассмотрены ключевые коммеморативные практики, связанные с именем И. Канта, на территории Калининградской области в постсоветский период. На протяжении 1990–2000-х гг. в результате роста интереса к довоенному прошлому региона, следствием чего стало расширение ландшафта связанных и связываемых с Кантом «мест памяти», произошло закрепление образа философа в культурной памяти калининградцев в статусе «своего» исторического деятеля. Основными событиями этого периода стали установка памятника Канту, восстановление Кафедрального собора (у стен которого расположена усыпальница философа) и появление имени Канта в названии университета. Сегодня, согласно результатам массовых социологических опросов, Кант остается несомненным лидером списка ассоциируемых с регионом исторических деятелей. Его имя прочно закрепилось в качестве туристического и маркетингового бренда Калининградской области. Несмотря на то что образ Канта интегрирован в культурную память калининградцев, он сохраняет и конфликтный потенциал: в регионе существует слой «активистов», воспринимающих Канта как чуждый символ, что, в свою очередь, приводит к «мемориальным столкновениям».

Ключевые слова: культурная память, политика памяти, «место памяти», коммеморативные практики, Калининградская область, Иммануил Кант

Культурная память населения любого российского региона представляет собой сложную систему, формирование которой обусловлено комплексом факторов (половозрастной и национальный состав населения, специфика регионального прошлого, тренды политики памяти, использование исторического материала в туристических и маркетинговых практиках). Одним из элементов этой системы являются коллективные представления о выдающихся людях — деятелях местного прошлого, за-



слуги (подвиги, открытия, действия) которых признаются актуальным элементом исторического наследия. Для жителей Калининградской области одной из фигур подобного масштаба выступает немецкий философ и просветитель Иммануил Кант (1724–1804), образ которого занимал видное положение в местной культуре памяти и раньше — как в довоенное время (в германской Восточной Пруссии), когда память о Канте была увековечена в памятниках и топонимике Кёнигсберга, так и в советские десятилетия, когда могила «крупного философа-идеалиста» стала одним из первых довоенных «мест памяти», взятых под охрану государства.

В современном Калининграде Кант — один из наиболее известных исторических персонажей и неизменный герой туристических нарративов и практик [25]. «Кантиана», превратившаяся в заметное явление региональной культурной жизни, является интересным объектом для изучения. В данной статье будет представлен обзор основных коммеморативных практик, связанных с образом Канта в постсоветской Калининградской области, а также предложен ответ на вопрос о том, как в целом воспринимают своего знаменитого земляка жители самого западного российского региона.

Калининградские историки неоднократно обращались к реконструкции кантовского «следа» в региональном прошлом. В частности, в рамках анализа политики памяти в послевоенный период Ю. В. Костяшов рассматривал сюжет о спасении могилы Канта и отношении к ней областных властей и общественности [16; 17], а И. О. Дементьев, «изучая процесс формирования и конкуренции разных дискурсов о довоенном прошлом нового советского края», постарался определить место Канта и его философии в официальном советском нарративе о прошлом региона [9; 11]. Ему же принадлежит исследование политики памяти в Калининградской области после распада Советского Союза, весомая часть которого посвящена вопросам увековечения памяти Канта — «своеобразного патрона города» [8, с. 162]. Кроме того, в 2020 г. И. О. Дементьев опубликовал статью о монументальных гражданских памятниках в советском Калининграде; одним из аспектов темы стало отношение власти и общественности к фигуре философа [10].

Имя Иммануила Канта, разумеется, не было «открыто» калининградцами в постсоветское время: как уже отмечалось, выдающийся философ присутствовал в официальной политике памяти послевоенных лет. Вместе с тем отношение к образу мыслителя было двойственным. С одной стороны, он позиционировался как «правильный немец», работы которого читали «классики марксизма» (что для Канта оказалось своего рода «охранной грамотой»), а философское наследие которого принадлежало всему человечеству. С другой, сохранялась определенная *подозрительность* (все-таки «крупный немецкий философ-идеалист»). В конце 1960-х гг. рассматривалось предложение о сносе руин Кафедрального собора и переносе могилы Канта [подробнее см.: 16]. Во второй половине 1980-х гг. наблюдалось значительное «потепление» в отношении региональных властей к памяти о Канте: он воспринимался уже не просто как разрешенный деятель довоенной истории края, достойный включения в официальный нарратив, а как связующее звено немецкой и советской истории региона.



В 1990-е гг. в области наблюдался быстрый рост интереса к довоенному прошлому края. Изменились условия деятельности местных энтузиастов — краеведов, историков и литераторов, получивших возможность свободно писать о людях и событиях, связанных с немецким периодом истории этой земли; были установлены и значительно окрепли связи с зарубежными исследователями и общественными организациями. Далеко не последнюю роль сыграл и многолетний полуофициальный запрет на изучение и популяризацию немецкой истории края, под влиянием которого в регионе возник неудовлетворенный общественный запрос на «продление» его истории в прошлое за счет сюжетов из истории пруссов, Тевтонского ордена, восточнопрусского Просвещения и других.

Кант, уже давно «легализованный» в советской культуре памяти, в этих новых условиях воспринимался многими калининградцами как «свой» исторический герой. Об этом, в частности, свидетельствует пример из истории местного футбольного «фольклора». В 1995 г. автор-исполнитель В. Н. Абаров (в соавторстве с М. Михайловым) написал песню о калининградском футбольном клубе «Балтика». В одном из куплетов оказалось упомянуто имя Канта, который был представлен в образе «земляка» — своего человека:

И вещь в себе, и ни глотка из высших сфер и сил —
Земляк команды «Балтика» сам Кант Иммануил [39].

Песня, впервые исполненная в эфире местной радиостанции, быстро обрела популярность среди поклонников футбола и превратилась в гимн «Балтики» — в настоящее время это неизменный атрибут домашних игр клуба. Строки песни отражают итог длительного процесса «присвоения» памяти о выдающемся немецком философе. Кант в данном случае не просто деятель мировой культуры — он «земляк», «свой».

Важную роль в закреплении образа Канта в культурной памяти калининградцев в первое постсоветское десятилетие играло Кантовское общество, созданное в 1990 г. К числу ключевых задач организации относились максимально полное издание произведений Канта; установление всех объектов в Калининграде и области, связанных с его жизнью и творчеством; поощрение научных исследований в области кантоведения и определение лучших работ по философии Канта и т. д. [21, с. 13].

При непосредственном участии Кантовского общества был воссоздан памятник Кёнигсбергскому философу, утерянный во время войны. Важный вклад в это общественное дело внесла графиня М. фон Дёнхофф, в имении которой под Кёнигсбергом во время войны был спрятан оригинальный памятник. Она предоставила карту имения и указала место, где была укрыта статуя, но поиски не увенчались успехом. После этого было принято решение воссоздать памятник по оригинальной модели Х. Д. Рауха, находившейся в Музее прусских древностей в Берлине. Открытие памятника Канту при большом стечении калининградцев состоялось 23 июня 1992 г. у корпуса Калининградского государственного университета (КГУ) на улице Университетской (рядом с тем местом, где когда-то располагался оригинал) [22, с. 170—171].



Кантовское общество выступило инициатором и ряда других значимых коммеморативных действий. В частности, в 1993 г. была открыта мемориальная доска, посвященная памяти философа. Это была уменьшенная копия памятной доски, располагавшейся в Кёнигсберге на западной подпорной стене Королевского замка (в 2017 г. вследствие начавшихся раскопок остатков замка доска была передана на временное хранение в Калининградский областной историко-художественный музей). В 2004 г. на здании, находящемся на месте дома, в котором родился Кант, появился барельеф [22, с. 171]. Фактически эти мероприятия воспроизводили коммеморативные практики немецкого времени, что было характерной чертой 1990-х гг. — периода своеобразного «ренессанса довоенного наследия», когда на территории региона стали массово появляться «места памяти», имевшие прямую отсылку к истории региона до 1945 г. [подробнее см.: 24].

Одновременно на протяжении первого постсоветского десятилетия осуществлялось постепенное восстановление Кафедрального собора, у стены которого находится могила Канта. Получивший новую жизнь памятник привлекал значительное внимание калининградцев и гостей города, становился все более значительным центром притяжения туристов, а имя (впоследствии и образ) Канта превращалось в своеобразный туристический бренд Калининградской области.

Еще одной важной коммеморативной практикой второй половины 1990-х гг. стала музеефикация кантовского наследия. В 1998 г. в Кафедральном соборе Калининграда был организован Музей Канта, экспозиция которого рассказывала о жизни и окружении философа, а в одном из залов хранилась копия его посмертной маски [14]. Именно сюда были перенесены экспонаты из прежнего университетского музея Канта, который функционировал еще в советское время, но не служил туристической «меккой».

Увеличению популярности немецкого философа в регионе способствовало также интенсивное издание литературы о немецком периоде истории края. В это время были опубликованы как специализированные труды профессиональных исследователей [4; 18], так и работы краеведческого характера [7; 38], в которых содержалась информация, не только раскрывавшая воззрения философа, но и представлявшая биографические данные о Канте. Их дополняли многочисленные заметки на страницах региональной прессы [см., напр.: 2; 19]. Публикации сопровождалась усилиями туристической индустрии, которая в условиях нарастания популярности восстанавливаемого Кафедрального собора генерировала «народную мифологию» о Канте. На «вызов мифотворчества» откликнулся известный калининградский профессор В.Н. Брюшинкин, который на страницах коллективного труда «Очерки истории Восточной Пруссии» критически проанализировал некоторые мифы о жизни и привычках философа, сложившиеся к концу 1990-х гг. в местной краеведческо-туристической субкультуре [31, с. 220].

Таким образом, в 1990-е гг. сведения о Канте регулярно встречаются в работах и статьях по истории региона, он закрепляется в роли туристической «достопримечательности», происходит расширение ландшафта связанных и связываемых с ним «мест памяти». Следствиями этих про-



цессов стали повышение узнаваемости немецкого философа в качестве персонажа регионального прошлого, укрепление его ассоциации с историко-культурным наследием края, ускорение интеграции образа Канта в массовое историческое сознание как «своего» исторического деятеля: земляка для калининградского обывателя и своеобразного бренда для туриста.

Следующим важным шагом на пути коммеморации немецкого философа стало присвоение его имени крупнейшему вузу региона — Калининградскому государственному университету. С этой инициативой в 2004 г. выступило университетское руководство во главе с ректором А. П. Клемешевым [20]. Идею поддержал президент Российской Федерации В. В. Путин, и в скором времени премьер-министр М. В. Фрадков подписал соответствующее распоряжение. В мае 2005 г. КГУ был переименован в Российский государственный университет имени Иммануила Канта. В июле того же года, в ходе празднования 750-летия Калининграда, на открытии памятной доски Канту на корпусе РГУ присутствовали В. В. Путин и канцлер ФРГ Г. Шрёдер. Комментируя присвоение университету имени Канта, глава государства отмечал историческое значение этого события, подчеркивал, что «мы с уважением относимся к историческому наследию этого великого философа...» [6]. Так у Канта появился авторитетный союзник в лице российского президента, который неизменно благожелательно относился к наследию немецкого философа и к его коммеморативному присутствию в самом западном регионе страны.

В дальнейшем свое уважительное отношение к Канту глава государства демонстрировал не раз. В 2010 г. вуз был вновь переименован — в Балтийский федеральный университет им. И. Канта. В 2013 г. В. В. Путин провел неформальную встречу с преподавателями и студентами университета. В ходе мероприятия была затронута и тема сохранения памяти о Канте: одна из аспиранток отметила, что имя немецкого философа могло бы стать символом не только областного центра, но региона в целом. Президент согласился с этим утверждением, а также поручил «представить предложения по изданию на русском языке произведений философа» [3].

Именно В. В. Путин в 2016 г. выделил внушительную сумму из резервного фонда Президента на реставрацию «домика Канта» в пос. Веселовка Черняховского района (до 1938 г. — Юдшен, с 1938 по 1946 г. — Кантхаузен; вопрос относительно того, имеет ли это здание непосредственное отношение к великому философу остается спорным, но не вызывает никаких сомнений, что в середине XVIII в. Кант несколько лет работал в Юдшене домашним учителем в семье местного пастора Андерша). Поводом стал скандальный эпизод, произошедший за год до этого, когда одна из местных жительниц, студентка Черняховского педагогического института, оставила на «домике» надпись «Кант лох». Об этом инциденте написали многочисленные СМИ, в том числе федерального уровня [1]. Какими были мотивы этих действий, остается неизвестным. Однако благодаря такому вниманию общественности в июне 2015 г. сооружение было включено в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в качестве



объекта культурного наследия регионального значения [27], а в августе 2018 г. состоялось открытие музея «Дом пастора», основу экспозиции которого составляет «кантовская тематика» [12].

В мае 2021 г. президент В. В. Путин подписал указ «О праздновании 300-летия со дня рождения И. Канта», согласно которому Правительству РФ предписывалось в трехмесячный срок создать оргкомитет по подготовке и проведению празднования юбилея философа. Федеральный уровень поддержки события предполагает реализацию большого количества крупных мероприятий, центральное место среди которых должен занять очередной Международный Кантовский конгресс [34].

В 2010-е гг. была продолжена тенденция увековечения памяти о Канте. Так, например, в 2014 г. в рамках проекта «Европейский город», финансируемого одним из банков, проводилась установка в знаменательных местах Калининграда белых скамеек, на которых размещались афоризмы известных деятелей, связанных с прошлым города. Разумеется, в областном центре появилось сразу несколько лавочек с изречениями философа [37]. Кроме того, около Музея Мирового океана, на набережной Петра Великого, располагается так называемая «скамья Канта», на краю которой находятся бронзовые треугольная шляпа и трость философа, а также лист бумаги. Считается, что в конце жизни кёнигсбергский профессор нередко приходил в район старого городского порта, садился на лавочке и наблюдал за кораблями. Именно здесь и была установлена «скамья Канта» [36].

Представлено имя Канта и в региональной топонимике. В апреле 2016 г. депутатами Калининградского горсовета было принято решение о переименовании Центрального острова в остров Канта. Именно здесь располагаются могила философа и Кафедральный собор. С предложением о присвоении локации имени знаменитого мыслителя выступили правительство и губернатор области Н. Н. Цуканов. Впрочем, как отмечал тогдашний председатель городского Совета депутатов А. М. Кропоткин, сам акт переименования носил во многом формальный характер, поскольку в повседневном лексиконе калининградцев за этой местностью и так закрепилось название «остров Канта» [33], то есть региональные власти узаконили уже устоявшийся в рамках культурной памяти населения топоним. Кроме того, в честь философа были названы улицы в некоторых населенных пунктах региона («улица Канта» в пос. Большое Исаково; «улица Иммануила Канта» и «переулок Иммануила Канта» в пос. Авангардное).

Примечательным явлением второго десятилетия XXI в. стала интеграция имени философа в маркетинговую деятельность. Самым известным примером такого рода является «сеть магазинов у дома» «Кант маркет», первые магазины которой появились в областном центре в 2016 г. Согласно информации на официальном сайте торговой сети, по состоянию на апрель 2023 г. в Калининградской области насчитывается 96 магазинов «Кант маркет» [35]. Впрочем, сама история появления названия не раскрывается ни на официальном сайте, ни в интервью основателя сети А. А. Вертепова [29], логотип компании и интерьер магазинов никак не связаны с философом, но, по мнению авторов статьи, совпадение неслучайно: Кант используется в сфере маркетинговых стратегий для привлечения внимания покупателей.



Кроме того, популярным направлением «кантовской коммеморации» в постсоветский период стали различного рода сувениры, рассчитанные преимущественно на приезжающих в Калининград туристов. Спектр сувенирной продукции со знаменитым «земляком» многообразен: от классических магнитов [32], календарей и открыток [30] до колокольчиков [15].

Такого рода коммеморативная и маркетинговая активность, связанная с Кантом, вызывает смешанные чувства и различную реакцию общественности. И это неудивительно, учитывая амбивалентность отношения различных акторов политики памяти в области к довоенному наследию и прошлому региона. Если для одних Кант — «калининградский философ» [16, с. 96–97] или «патрон города» [8, с. 162], то для других — «русофоб» [23], его широкое присутствие в городской культуре — частный пример «германизации» исторического сознания жителей региона, представляющей угрозу социокультурной безопасности Калининградской области [5]. Таким образом, на фоне популярности и востребованности фигуры Канта его имя нередко приобретает значение «яблока раздора», проблемного символа, из-за которого периодически происходят мнемонические конфликты, вызывающие широкий общественный резонанс, что, в свою очередь, еще более способствует популяризации Канта как исторического персонажа.

Характерным примером такого конфликта является ситуация, возникшая в 2018 г. во время проведения общенационального конкурса «Великие имена России». После нескольких отборочных туров в списке кандидатов для присвоения второго имени калининградскому аэропорту «Храброво» оказались императрица Елизавета Петровна и два военачальника времен Великой Отечественной войны — И. Д. Черняховский и А. М. Василевский. По рекомендации федеральной Общественной палаты в число кандидатов был включен и Кант — это аргументировалось тем, что философ является нашим соотечественником, поскольку присягал Елизавете Петровне в период Семилетней войны [8, с. 163].

Именно Кант с солидным отрывом вырвался в лидеры стартовавшего осенью 2018 г. интернет-голосования, что было остро воспринято частью общественности. Так, депутат Государственной думы от Республики Татарстан М. М. Бариев со ссылкой на ветеранов Великой Отечественной войны из Иваново, которых «возмутил ход голосования и низкие позиции их земляка маршала Александра Василевского», выступил против возможного присвоения «Храброво» имени кёнигсбергского философа [26]. Против такого рода увековечения Канта открыто выступил и начальник штаба Балтийского флота вице-адмирал Игорь Мухаметшин [8, с. 164–165].

В ночь на 27 ноября 2018 г. вандалы облили розовой краской памятник Канта у корпуса БФУ по улице Университетской и разбросали там же листовки, в которых пытались убедить студентов, что они обучаются «в стенах, носящих имя врага!» [28]. Кроме того, краской облили и мемориальную доску на стене здания, расположенного на месте родного дома философа, и его могилу. Провокация, которая, вероятно, была совершена с целью оказания влияния на исход голосования, была осуждена СМИ, городскими властями, представителями Института филосо-



фии РАН [8, с. 164–165]. Буквально на финишной прямой Кант потерял лидерство и по итогам голосования, которые были подведены 4 декабря 2018 г. в прямом эфире федерального телеканала «Россия-1», оказался на третьем месте [13].

Такого рода инциденты наряду с соответствующими коммеморативными и маркетинговыми практиками безусловно повышают узнаваемость Канта как деятеля регионального прошлого. Об этом свидетельствуют результаты исследований, проведенных коллективом историков и социологов БФУ им. И. Канта в 2021–2022 гг. и направленных на выявление структуры и содержания культурной памяти населения Калининградской области.

Итоги массовых анкетирований жителей Янтарного края, которые проходили два года подряд, показывают, что нынешняя территория Калининградской области ассоциируется в большинстве случаев именно с именем Иммануила Канта (из числа исторических деятелей). Несмотря на то что в 2022 г. респонденты называли имя Канта реже, чем в 2021 г., он все равно уверенно возглавляет топ самых известных региональных исторических персонажей (табл.).

Ответы на вопрос «С какими историческими деятелями у Вас главным образом ассоциируется территория нынешней Калининградской области?» (10 имен, которые чаще всего называли респонденты)

Исторические личности	Количество упоминаний, 2022 г.	Количество упоминаний, 2021 г.
И. Кант	375	687
М. И. Калинин	56	95
И. Д. Черняховский	100	76
А. А. Леонов	102	76
А. М. Василевский	102	71
Петр I	151	66
А. В. Суворов	94	59
П. И. Багратион	102	55
Наполеон Бонапарт	72	47
Э. Т. А. Гофман	59	44

Судя по результатам опросов, абсолютное большинство жителей самой западной области России поддерживает сохранение памяти о Канте. При ответе на вопрос «Как Вы относитесь к сохранению памяти об И. Канте в Калининградской области?» 74,5 % респондентов ответили «положительно», 17,9 % – «нейтрально» или затруднились с ответом и только 7,6 % – «отрицательно». Интересно, что самый высокий процент тех, кто негативно относится к идее сохранения памяти о Канте (11,7 %), отмечен среди возрастной группы 55+, а самый низкий – среди молодежи (18–35) – 4,3 % [25, с. 40]. Эти различия в рамках ответов можно объяснить спецификой восприятия региональной истории разными поколениями. Старшая возрастная группа занимает более «консервативную» позицию по отношению к довоенным символам, которая как раз была характерна для советского периода, тогда как молодежи (в широком



смысле) ближе более открытая позиция, в рамках которой оставшееся довоенное наследие уже интегрировано в культурную память поколения как «свое» («наше»).

Подводя итоги, отметим, что И. Канта можно отнести к «присвоенным» персонажам, глубоко интегрированным в культурную память калининградцев и в систему регионального маркетинга. Такого рода положение дел стало возможным благодаря множеству «мест памяти» и коммеморативных практик, посвященных Канту, внимание к фигуре которого постепенно усиливалось начиная с советского периода. Особое значение в популяризации Канта сыграли 1990-е годы, когда был создан ряд памятных мест, среди которых прежде всего стоит выделить памятник Канту около корпуса университета на ул. Университетской, а также восстановлен Кафедральный собор, который еще более укрепил позиции немецкого (или уже «калининградского»?) философа в роли одного из ключевых туристических брендов Янтарного края. В 1990-х гг. «первую скрипку» в увековечении памяти Канта играли местные общественные организации, представители интеллигенции, для которых Кант служил своего рода мостом, связующей нитью между довоенным и советским периодом в истории области.

В 2000-е гг. позиции Канта как известного деятеля калининградского прошлого еще более упрочились после того, как крупнейший вуз области стал носить его имя. Определяющую роль в принятии этого решения сыграл В. В. Путин, который неизменно позитивно относился к фигуре Канта. Местные власти в рамках реализации региональной политики памяти, несомненно, учитывали и учитывают точку зрения главы государства. Кроме того, официальной постсоветской политике памяти практически всегда была присуща дихотомия: помимо «охранительного» дискурса, для которого активное продвижение сюжетов о Канте нежелательно, существует и туристический дискурс, акцентирующий внимание на богатом довоенном историко-культурном наследии и прошлом Янтарного края, одним из ключевых символов которого как раз и является Кант (уже не как «калининградский философ»).

В 2010-е гг. в ходе туристического «бума» стартовала настоящая «кантомания», когда образ философа начали максимально широко эксплуатировать различного рода бизнес-структуры. В это же время Кант еще более прочно «прописался» в пространстве Калининграда: именем философа стал официально называться остров в центре города — одно из самых популярных для отдыха мест у калининградцев и туристов. Вместе с тем попытка распространить использование имени Канта на название аэропорта, стратегически и символически значимого инфраструктурного объекта, встретила противодействие «активистов» охранительного толка, что вылилось в мнемонический конфликт. Так Кант как «место памяти» продемонстрировал свой символический конфликтный потенциал, сохраняющийся, несмотря на глубокую интегрированность его имени и образа в культурную память населения края. Массовые социологические опросы показывают, что Кант уверенно возглавляет пантеон самых известных исторических «героев». Тем не менее при всей своей популярности он выступает в региональной (да и в общенациональной) культурной памяти скорее как мифологизированный, чем исторический



персонаж. Население региона слабо знакомо с его научно-философским наследием, а представления о философе строятся на основе небольшого набора разрозненных, а зачастую и вымышленных фактов из его жизни.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» «Системный анализ политики памяти в Калининградской области как фактора геополитической безопасности западных рубежей России».

Список источников и литературы

1. Автором надписи «Кант лох» в Калининграде оказалась 17-летняя студентка. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/551563309a79477217b45b5b> (дата обращения: 24.04.2023).
2. Бах А. П. Кант — изобретатель дырокола // Университет. 1994. 17 окт.
3. Владимир Путин: философ Кант должен стать символом Калининградской области. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/1899051-vladimir-putin-filosof-kant-dolzhen-stat-simvolom-kaliningradskoy-oblasti.html> (дата обращения: 19.04.2023).
4. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны. Калининград, 1996.
5. Выползов А. «Великие имена»: Итогом конкурса стала десакрализация Канта в Калининграде. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/12/05/velikie-ime-na-itogom-konkursa-stala-desakralizaciya-kanta-v-kaliningrade> (дата обращения: 08.04.2023).
6. Выступления ректора РГУ им. И. Канта А. Клемешева, президента России В. Путина и Федерального канцлера Германии Г. Шрёдера на открытии памятной доски И. Канту // Российский государственный университет им. И. Канта. 2005. 1 сент.
7. Губин А. Б., Строкин В. Н. Очерки истории Кёнигсберга. Калининград, 1991.
8. Дементьев И. О. Политика памяти в Калининградской области // Политика памяти в России — региональное измерение / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко. М., 2023. С. 137–175.
9. Дементьев И. О. «Рябинка у бойницы»: реабилитация довоенного прошлого в памяти калининградцев (1970-е — 1980-е годы) // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. 2012. С. 92–118.
10. Дементьев И. О. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. 2020. №3 (23). С. 40–61.
11. Дементьев И. О. «Что я могу знать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х — 1980-е годы) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. №6. С. 175–218.
12. Дом пастора. URL: <https://sobor39.ru/about/pastor/> (дата обращения: 24.04.2023).
13. Катеруша А. Елизавета Храбровна: Аэропорт Калининграда официально назвали в честь императрицы. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26916/3962657/> (дата обращения: 26.04.2023).
14. Кафедральный собор. Музей. URL: <http://sobor39.ru/about/museum/> (дата обращения: 29.03.2023).
15. Колокольчик Кант. URL: https://knlavka.ru/catalog/kolokolchiki/kolokolchik_kant_6/ (дата обращения: 07.04.2023).



16. Костяшов Ю. В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2016. №4 (58). С. 79–102.
17. Костяшов Ю. В. Кто спас усыпальницу Иммануила Канта от разрушения? // Кантовский сборник. 2002. Вып. 23. С. 125–131.
18. Лавринович К. К. Альбертина. Очерки истории Кёнигсбергского университета: к 450-летию со времени основания. Калининград, 1995.
19. Лескова Н. Русский Кант // Калининградская правда. 1994. 29 июля.
20. Линия жизни. Клемешев Андрей Павлович. URL: https://vk.com/video-76876119_456239845 (дата обращения: 21.04.2023).
21. Луговой С. В., Троцак А. И. Леонард Александрович Калининков: primum vivere, deinde philosophari // Кантовский сборник. 2006. Вып. 26. С. 6–22.
22. Луговой С. В. Очерк истории калининградского кантоведения // Кантовский сборник. 2005. Вып. 1. С. 143–173.
23. Макаров М. Что делает русофоб Кант в списке «Великие имена России». URL: <https://rusmir39.ru/chto-delayet-rusofob-kant-v-spiske/> (дата обращения: 08.04.2023).
24. Манкевич Д. В., Мегем М. Е. Иностранное наследие в мемориальном ландшафте Калининградской области // Балтийский регион. 2023. №2. С. 139–155.
25. Мегем М. Е., Манкевич Д. В. Отечественная и региональная история в зеркале культурной памяти калининградцев: поколенческие различия // Tempus et Memoria. 2023. Т. 4, №1. С. 32–45.
26. «Неправильно, непатриотично, скандал»: депутат Госдумы выступил против присвоения имени Канта аэропорту «Храброво». URL: <https://kgd.ru/news/society/item/77392-nepравильno-nepatriotichno-skandal-deputat-gosdumy-vystupil-protiv-prisvoeniya-imeni-kanta-ajeroportu-hrabrovo> (дата обращения: 26.04.2023).
27. О включении объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации : приказ №60 от 19 июня 2015 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432983085> (дата обращения: 24.04.2023).
28. Орехов И., Катеруша А. «Хватит предавать Родину»: Облившие краской памятник Канту разбросали листовки с провокационными призывами к студентам БФУ. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26912/3958830/> (дата обращения: 26.04.2023).
29. Основатель сети «Кант-маркет» о бизнесе и вложениях в сельское хозяйство. URL: <https://kaliningrad.plus.rbc.ru/partners/5ac773587a8aa94d56af6aca> (дата обращения: 16.04.2023).
30. Открытка Кафедральный собор и Могила Канта. URL: https://knlavka.ru/catalog/otkrytki_nabory/otkrytka_kafedralnyy_sobor_mogila_kanta_k_003/ (дата обращения: 07.04.2023).
31. Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002.
32. Памятник Канту. Виниловый магнит. URL: <http://maxpreuss.ru/shop/magnets/ramyatnik-kantu/> (дата обращения: 07.04.2023).
33. Песоцкая С. В Калининграде переименовали остров с могилой Канта. URL: <https://rg.ru/2016/04/13/reg-szfo/ostrov-mogila-kanta.html> (дата обращения: 18.04.2023).
34. Подписан указ о праздновании 300-летия со дня рождения философа Иммануила Канта. URL: <https://gov39.ru/press/263142/> (дата обращения: 12.04.2023).



35. Сеть магазинов «Кант маркет». URL: <https://butyl.shop/contacts/stores/kant-market/> (дата обращения: 16.04.2023).

36. Скамейка Иммануила Канта в Калининграде. Ландшафтный парк «Старый порт». URL: <https://rus.team/landmarks/skamejka-immanuila-kanta-v-kaliningrade> (дата обращения: 19.04.2023).

37. Стартвала акция «101 скамейка». URL: <https://www.klgd.ru/press/news/detail.php?ID=185626&print=Y> (дата обращения: 19.04.2023).

38. Строкин В. Н. Кафедральный собор // Строкин В. Н. Памятники ратного прошлого. Калининград, 1995. С. 68–71.

39. ФК «Балтика» – официальный гимн. Текст песни. URL: <https://pesni.guru/text/фк-балтика-официальный-гимн> (дата обращения: 23.03.2023).

Об авторах

Дмитрий Владимирович Манкевич – канд. ист. наук, доц., науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DMankevich@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>

Максим Евгеньевич Мегем – канд. ист. наук, директор Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: Mmegem@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6412-9119>

Максим Викторович Филёв – младш. науч. сотр., ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: tsvachim03@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4217-6197>

D. V. Mankevich, M. E. Megem, M. V. Filev

IMMANUEL KANT IN THE CULTURAL MEMORY OF KALININGRAD RESIDENTS (POST-SOVIET PERIOD)

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 25 September 2023

Accepted 19 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-8

To cite this article: Mankevich D. V., Megem M. E., Filev M. V. 2023, Immanuel Kant in the cultural memory of Kaliningrad residents (post-Soviet period), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 83–95. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-8.

The key commemorative practices associated with the name of I. Kant in the Kaliningrad region during the post-Soviet period have been examined in the article. Throughout the 1990s and 2000s, due to the growing interest in the pre-war history of the region, there was an expan-



sion of the landscape of “places of memory” related to and associated with Kant. This resulted in the establishment of the philosopher’s image in the cultural memory of the residents of Kaliningrad as a “local” historical figure. The main events of this period were the installation of the Kant monument, the restoration of the Cathedral (near the walls of which the philosopher’s tomb is located), and the inclusion of Kant’s name in the university’s title. Today, according to the results of mass sociological surveys, Kant remains an undisputed leader on the list of historically significant figures associated with the region. His name has firmly established itself as a tourist and marketing brand of the Kaliningrad region. Despite the integration of Kant’s image into the cultural memory of Kaliningrad residents, it retains a conflicting potential: there is a layer of “activists” in the region who perceive Kant as a foreign symbol, leading to “memorial clashes.”

Keywords: cultural memory, politics of memory, places of memory, commemorative practices, Kaliningrad Region, Immanuel Kant

The authors

Dr Dmitrii V. Mankevich, Associate Professor, Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: DMankevich@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>

Dr Maxim E. Megem, Director of the Centre for the Study of Historical Memory, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: Mmegem@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6412-9119>

Maksim V. Filev, Junior Research Fellow, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: tsvachim03@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4217-6197>

О. Н. Радонежская

**МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
СТАТУС ГОСУДАРСТВА – НАБЛЮДАТЕЛЯ ПРИ ЕАЭС:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

96

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Принята к публикации 25.12.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-9

Для цитирования: Радонежская О. Н. Международно-политический статус государства – наблюдателя при ЕАЭС: проблемы и перспективы институционализации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 96–113. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-9.

Рассмотрена проблема развития института государства – наблюдателя при ЕАЭС. Предпринята попытка оценить возможности обретения полного членства нынешними государствами-наблюдателями и увеличения числа государств – наблюдателей при ЕАЭС. На основании анализа нормативно-правовых актов, а также привлечения средств сопоставительного позиционного анализа установлено, что относительно поздно возникший институт лишь к 2023 г. обрел более или менее завершенный вид. Основное внимание в работе автор акцентирует на международно-политической полезности статуса государства-наблюдателя и на проблемах его действительной реализации. Дано сравнение позиционирования Молдовы, Кубы и Узбекистана как государств – наблюдателей при ЕАЭС. Особое внимание уделено ранжированию факторов, препятствующих и способствующих эффективной реализации специфического международно-политического статуса. Обоснован вывод, что к числу первых можно отнести слабость национальной экономики и внутривнутриполитическую нестабильность, а к числу вторых – наличие политической воли консолидированной правящей элиты и социальную востребованность интеграционного предложения. Автор приходит к выводу о двух принципиально возможных сценариях институционального развития Союза: а) углубление интеграции; б) расширение интеграционного пространства благодаря продвижению договорной политики. Список вероятных в будущем государств – наблюдателей при ЕАЭС невелик: Китай, Вьетнам, Иран, Сербия, Сингапур. По мере нормализации армяно-азербайджанских отношений и интеграционного продвижения Узбекистана такой же статус, возможно, смогут получить Азербайджан и Таджикистан.

Ключевые слова: ЕАЭС, государство-наблюдатель, евразийская интеграция, Молдова, Куба, Узбекистан, позиционный анализ



Введение

Процессы интеграционного взаимодействия государств на постсоветском пространстве — важная тема не только политического диалога правительств и дипломатов или научных исследований специалистов различных отраслей знания. Они играют значимую социально-экономическую роль в жизни национальных обществ. Как пишет А. В. Храмова, «евразийская интеграция имеет более глубинные основы, чем современный формат экономического союза, во многом повторяющего ЕС, это проект глубокого цивилизационного значения, в первую очередь для народов государств-членов, поскольку они имеют долгую историю совместного проживания на евразийском пространстве, культурного и бытового взаимодействия, защиты своей территории от внешних завоевателей, многие владеют русским языком, выполняющим объединительную роль» [23, с. 130].

Институт государства — наблюдателя при международных организациях хорошо знаком и неплохо себя зарекомендовал. Вместе с тем мы встречаем широкое разнообразие вариантов его применения, а в некоторых случаях он отсутствует, будучи замещенным иными статусами участника международно-политических процессов. Очевидно, следует учитывать специфику конкретной международной организации или интеграционного объединения и обстоятельства функционирования, востребованность и эффективность специфического статуса.

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются международно-политические преимущества и недостатки статуса государства — наблюдателя при ЕАЭС. Поставленная нами задача состоит в определении возможностей обретения полного членства нынешними государствами-наблюдателями и увеличения числа государств — наблюдателей при ЕАЭС. В частности, мы стремимся установить правовые кондиции статуса; сопоставить международно-политическое положение государств-наблюдателей; определить основные факторы, способствующие и препятствующие расширению числа обладателей такого статуса.

Методы и материалы

Традиционный анализ документов применен нами к нормативно-правовым актам ЕАЭС, непосредственно касающимся института государства — наблюдателя при ЕАЭС: Договору о Евразийском экономическом союзе, меморандумам о сотрудничестве с Молдовой, Кубой и Узбекистаном, Положению «О статусе государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе», протоколам и решениям Высшего Евразийского экономического совета и Евразийской экономической комиссии (доступ обеспечен Правовым порталом ЕАЭС). Внешний анализ направлен на построение хронологической последовательности и иерархии изучаемых документов. Кроме того, нас интересовали международно-политические обстоятельства подготовки, принятия и реализации этих нормативно-правовых актов. Внутренний содержательный анализ осуществлен с целью сопоставления и интерпретации положений, затрагивающих исследуемый политико-правовой институт.



Средствами сопоставительного позиционного анализа на основе сходств и различий в положении международно-политических акторов (Молдова, Куба, Узбекистан) по отношению к ЕАЭС нами выделены группы факторов (экономические, геополитические, внутривнутриполитические, социальные), оказывающие существенное влияние на эффективность освоения этими акторами специфического политико-правового статуса наблюдателя при международной организации интеграционного типа. Для отбора факторов использованы данные международной и государственной статистики, предоставленные в режиме открытого доступа базами данных Евразийской экономической комиссии, Межгосударственного статистического комитета СНГ, Всемирного банка, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Trading Economics (Ieconomics Inc., США).

Процесс правового оформления статуса государства-наблюдателя

Первоначально Договор о Евразийском экономическом союзе [здесь и далее цит. по: 4] при его заключении в 2014 г. не вводил специального определения понятию «страна-наблюдатель», такие государства рассматривались в качестве «третьих сторон». Инициатива по созданию института страны-наблюдателя принадлежит России и нашла отражение в обращении В. В. Путина к главам государств ЕАЭС в январе 2018 г. [13].

Ныне ст. 109 Договора предусматривает, что любое государство вправе обратиться к Председателю Высшего совета с просьбой о предоставлении ему статуса государства — наблюдателя при Союзе. Далее Высший совет с учетом интересов развития интеграции и достижения целей Договора о Союзе принимает решение о предоставлении такого статуса либо об отказе в его предоставлении. Ст. 109 Договора о ЕАЭС провозглашает, что уполномоченные представители государства — наблюдателя при Союзе могут присутствовать по приглашению на заседаниях органов Союза, получать принимаемые органами Союза документы, не являющиеся документами конфиденциального характера. Вместе с тем статус государства — наблюдателя при Союзе не дает права участвовать в принятии решений в органах Союза. Кроме того, государство, получающее этот статус, обязано воздерживаться от любых действий, способных нанести ущерб интересам Союза и государств-членов, объекту и целям Договора.

Институт государств-наблюдателей является инструментом «сопряжения» интеграционных форматов, существующих в рамках Евразийского экономического союза и СНГ. Компромиссной формулой, которая, с одной стороны, позволит привлекать к взаимодействию с Союзом самые разные страны, в первую очередь соседние страны (Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан), но, с другой стороны, не предполагает заключения каких-либо амбициозных соглашений (например, о зоне свободной торговли) или обсуждения вопроса о членстве в ЕАЭС. К подобным шагам по внутри- и внешнеполитическим соображениям не готовы ни многие страны СНГ, ни сами государства — члены ЕАЭС [3].



Высший Евразийский экономический совет утвердил 14 мая 2018 г. Положение «О статусе государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе» (Решение ВЕЭС от 14 мая 2018 г. №8). Документ детально описывает процедуру подачи и рассмотрения заявки государства на обретение статуса наблюдателя при ЕАЭС. Этому посвящено 7 из 17 статей Положения, раскрывающих требования ст. 109 Договора о ЕАЭС. Стоит отметить, что существует только два основания для аннулирования статуса государства-наблюдателя: в случае совершения государством-наблюдателем действий или заявлений, направленных против интересов Союза и (или) государств-членов; в случае поступления заявления государства-наблюдателя об отказе от статуса (ст. 17). Надо полагать, что порядок рассмотрения такого заявления аналогичен процедуре обретения статуса государства-наблюдателя. Вместе с тем неясна процедура верификации действий или заявлений против интересов Союза и (или) государств-членов (заметим, именно во множественном числе). Такая неясность красноречиво показывает нежелание ЕАЭС накладывать специфические ограничения на статус государства-наблюдателя. В случае Молдовы, например, при желании можно усмотреть неоднократно сделанные в последнее время заявления, противоречащие интересам России, тем не менее сейчас (и в обозримой перспективе) трудно представить себе принудительное лишение Молдовы ее статуса при ЕАЭС.

Положение устанавливает, что основными должностными лицами, осуществляющими полномочия наблюдателя, являются Представитель, сотрудники его Аппарата, а также иные представители государства-наблюдателя. Документ перечисляет основные полномочия полномочных лиц: участие по приглашению в открытых заседаниях консультативных органов при Комиссии, в заседаниях Коллегии Комиссии и Совета Комиссии без права голоса (ст. 11). В заседаниях Высшего совета и Евразийского межправительственного совета могут участвовать по приглашению главы государств и правительств стран-наблюдателей (ст. 12). Учитывая несущественные различия в содержании меморандумов о сотрудничестве с государствами-наблюдателями, следует отметить, что представители стран с таким статусом совместно присутствуют почти на всех открытых мероприятиях. Приглашения регулярно направляются государствам-наблюдателям организаторами таких тематических или отраслевых мероприятий, что подчеркивает расположение ЕАЭС к институту государства-наблюдателя.

Двадцать девятого октября 2021 г. Совет Комиссии Решением № 114 одобрил проект решения Высшего совета «О внесении изменений в Положение о статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе», а 10 декабря 2021 г. Высший совет принял Решение № 21 «О внесении изменений в Положение о статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе», предусматривающее внесение изменений в Положение в части:

- установления порядка предварительных консультаций государства, заинтересованного в получении статуса государства – наблюдателя при Союзе, с государствами – членами Союза по данному вопросу;



– уточнения, что государство, заинтересованное в получении указанного статуса, при направлении письма с просьбой о проведении консультаций одновременно должно выразить готовность соблюдать положения ст. 109 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и руководствоваться Положением;

– определения порядка действия Комиссии при поступлении обращения о проведении консультаций;

– определения, на каком языке осуществляется взаимодействие государства-наблюдателя с государствами-членами и органами Союза (русский язык), и кто несет расходы, связанные с работами по переводу на русский и другие языки, в том числе синхронным переводом (государство-наблюдатель) [12].

На заседании Высшего Евразийского экономического совета 25 мая 2023 г. в Москве главы государств Евразийского экономического союза подписали так называемый III Большой Протокол, который содержит изменения, вносимые в Договор о ЕАЭС. Третий Большой Протокол разрабатывался с июля 2021 г. по июнь 2022 г. Его основная цель – устранение пробелов в правовом регулировании, выявленных в ходе правоприменительной практики, в частности уточнение статуса государства – наблюдателя при Союзе [16]. Протокол в п. 5 уточнил порядок обращения третьих стран к ЕАЭС в части получения статуса наблюдателя и дополнил п. 1 ст. 109 Договора предложением следующего содержания: «Процедура такого обращения, а также иные вопросы, связанные со статусом государства-наблюдателя, определяются положением, утверждаемым Высшим советом» [17]. Это положение вступит в силу по завершении внутригосударственных процедур ратификации. Таким образом, была устранена коллизия, связанная с имплементацией Положения «О статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе» в договорное право Союза.

Обретение статуса государства-наблюдателя

По сути, принятие в 2018 г. Положения «О статусе ...» стало ключевым моментом в институционализации состояния государства – наблюдателя при Союзе, поскольку подготовка документа велась одновременно с переговорами о наделении новым статусом конкретного соискателя – Республики Молдова. Переговорный процесс с молдавским правительством заложил основы модельной практики для других случаев.

Президент Молдовы (в 2016 – 2020 гг.) Игорь Додон выступал за более сбалансированную внешнюю политику Кишинёва, которая позволила бы стране не становиться ареной противостояния России и Запада и давала бы ей возможность сохранять доступ на все значимые для нее внешние рынки. Уже в марте 2017 г. молдавский президент обратился к ЕАЭС с просьбой предоставить его стране статус наблюдателя. Третьего апреля 2017 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Республикой Молдова. К лету 2017 г. И. Додон достиг договоренности с российским руководством о



допуске 180 молдавских предприятий к импорту их плодово-овощной продукции на российский рынок и отмене принципа «одного окна», в соответствии с которым все молдавские товары определенной категории ранее ввозились только через один таможенный пост.

В результате, согласно данным Национального бюро статистики Молдовы, индекс физического объема экспорта молдавской плодово-овощной продукции в страны СНГ вырос в 2017 г. сразу в 1,5 раза. Приобретение статуса государства-наблюдателя на символическом уровне подчеркивало заинтересованность Кишинёва в нормализации отношений с Россией. Другой причиной инициативности И. Додона в отношении приобретения Молдовой статуса наблюдателя при ЕАЭС были его сугубо внутривнутриполитические интересы и аффилированной с ним Партии социалистов. Для И. Додона этот сегмент молдавского электората — важнейший политический ресурс, который был реализован на парламентских выборах в 2019 г.

Республика Молдова стала страной-наблюдателем в ЕАЭС в мае 2018 г., тогда же была создана совместная рабочая группа по взаимодействию между ЕЭК и Молдовой (решение ВЕЭС от 14 мая 2018 г. №9).

Статус Молдовы как страны-наблюдателя не противоречит обязательствам страны, принятым в соответствии с Соглашением об ассоциации с Европейским союзом, и никак не умаляет приверженность «проевропейскому вектору», на страже которого стоит мобилизованный правый и правоцентристский спектр молдавского общества и политического класса. Такое взаимодействие в идеальном случае может привести к нахождению формулы «сопряжения» европейской и евразийской интеграции для Молдовы. Такая формула не обязательно должна повторять армянский сценарий «интеграции интеграций», так как влияние ЕС в Молдове несоизмеримо выше.

По молдавскому сценарию с небольшой перестановкой по времени велась работа по подготовке к обретению статуса государства-наблюдателя с Узбекистаном и Кубой — от расширения сфер взаимодействия к меморандуму, и от него — к результативной заявке наблюдателя.

«Узбекистан в эпоху президентства И. А. Каримова предпочитал развивать отношения в сфере обороны и безопасности на двусторонней основе, а по возможности лавировать. Этим объясняется его выход из Договора о коллективной безопасности (ДКБ) в 1999 г., вступление в ОДКБ в 2006 г. и выход из нее в 2012 году. Иными словами, в вопросе обеспечения региональной безопасности на евразийском пространстве оформились две противоположные парадигмы — с Москвой и без нее» [7, с. 138]. Ситуация существенно изменилась после формирования нового правительства во главе с Абдуллоем Ариповым, когда во многом была пересмотрена стратегия экономического развития страны. «В 2017 г. власти Узбекистана начали проводить преобразования и реформы, которые заметно улучшили положение дел экономики республики: произошло открытие экономики, начата либерализация бизнеса, ценообразования, торговли и рынка финансов, выросли инвестиционные вложения в капитал страны, взят курс на увеличение производства товаров с высокой добавленной стоимостью и расширение направлений экспорта» [6, с. 46]. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев отмечал, что Таш-



кент придает большое значение развитию тесного и многопланового сотрудничества с ЕАЭС: «Важно использовать потенциал наших стран, совместно устранять барьеры и препятствия в торговых отношениях. Взаимно формировать новые рынки» [22].

Куба и Узбекистан получили статус наблюдателя 11 декабря 2020 г., хотя меморандумы были подписаны в разное время [22] — 31 мая 2018 г. и 30 апреля 2021 г. соответственно.

Меморандум о сотрудничестве между ЕАЭС и Республикой Молдова, подписанный в Кишинёве 3 апреля 2017 г., соответствует правовому статусу Молдовы как государства-наблюдателя, поскольку в целях реализации меморандума, с одной стороны, была создана Рабочая группа по вопросам взаимодействия (п. 3), с другой — меморандум не был международным договором и не влек за собой взаимных обязательств (п. 9), не предполагал обмена информацией ограниченного доступа (п. 6), при этом требуя согласия участника Меморандума в случае передачи информации общего характера третьей стороне (п. 7). Такой статус соответствует базовым принципам наблюдения в международной организации. Если сопоставлять положения соответствующих меморандумов интеграционного объединения с Кубой и Узбекистаном, подписанные после принятия Положения о статусе государства — наблюдателя при ЕАЭС (2018), то выяснится, что они почти полностью идентичны молдавскому варианту, различаясь в деталях. Так, если Рабочая группа ЕАЭС — Молдова должна собираться не реже одного раза в год, равно как и Рабочая группа ЕАЭС — Куба, то Рабочая группа с Узбекистаном — по мере необходимости; в молдавском и кубинском вариантах не оговорен язык обмена информацией и документами, а в узбекистанском варианте такой обмен предусмотрен только на русском языке.

Вместе с тем круг вопросов взаимодействия ЕАЭС с Узбекистаном и Кубой заметно шире, чем в случае Молдовы. В качестве интересной детали заметим, что меморандум с Молдовой — «о сотрудничестве», с Узбекистаном — «о взаимодействии», а с Кубой — «о взаимопонимании» [8–10]. Можно утверждать, что именно опыт переговорного процесса ЕАЭС с Молдовой был положен в основу разработки базового «Положения о статусе...», детализация и частные пункты меморандумов — результат договоренностей по непринципиальным вопросам сотрудничества.

Меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве определяют основные направления сотрудничества Евразийского союза с третьими странами. Было подписано 18 таких меморандумов, в том числе и со странами-наблюдателями. Они в первую очередь предполагают взаимный обмен информацией о таможенно-тарифном регулировании, нетарифных ограничениях и т.д. [20, с. 127]. Меморандумы подписали Греция, Индонезия, Бангладеш, Таиланд, Сингапур, Молдова, Монголия, Марокко, Чили, Перу, Иордания, Фарерские острова (автономия в составе Дании), Камбоджа, Куба, Узбекистан, а также международные организации: СНГ, Андское сообщество наций, АСЕАН, Африканский союз, Тихоокеанский Альянс, Латиноамериканская экономическая си-



стема (ЛАЭС), Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Подсистема экономической интеграции в Центральной Америке. Ведутся переговоры с Лаосом и Филиппинами.

Проблемы реализации статуса государства-наблюдателя

Трудно согласиться с общим выводом А. А. Серегинной, В. Е. Богомоловой и А. С. Харланова, что «три страны-наблюдательницы используют все возможности, которые дает им их статус, для развития экономических отношений» [20, с. 133].

Ныне действующее политическое руководство Республики Молдовы, сделавшее ставку на геополитическую лояльность Западу и риторическую поддержку тезиса о европейской интеграции как ключевом национальном интересе, отказывается от сотрудничества с Европейской экономической комиссией. Уже в начале участия Молдовы в делах ЕАЭС премьер-министр в 2016–2019 гг. Павел Филип, член оппозиционной президенту И. Додону Демократической партии, заявил, что правительство не будет финансировать участие республики в качестве наблюдателя в ЕАЭС [15]. Осенью 2021 г. кишинёвские власти отозвали своего Представителя при ЕЭК, переключившись на реализацию евроинтеграционного проекта. «Имея две конкурирующие интеграционные инициативы, страны, расположенные между двумя блоками, оказываются в сложном положении выбора между ними, поскольку в последние годы стало ясно, что Россия не приемлет двойного подданства» [30, р. 1301–1302]. Для официального Кишинёва разнонаправленное внешнее воздействие оказалось избыточным, однако страна, прежде всего по внутривнутриполитическим причинам, так и не смогла полноценно воспользоваться предоставленным статусом наблюдателя при ЕАЭС.

Вполне уместно сравнение эффективности использования Молдовой статуса страны – наблюдателя при ЕАЭС с ее аналогичным статусом при Международной организации франкофонии, который страна обрела в 1996 г., по формально-протокольному содержанию реализации статусов в этих международных организациях. Сомнительно, что институт наблюдателя при ЕАЭС может быть востребован – если не завтра, то через какое-то время – как свидетельство того, что в плане участия в постсоветских проектах интеграции Молдова не является полностью утраченным партнером [3].

Для сопоставления факторов эффективного освоения преимуществ статуса страны – наблюдателя при ЕАЭС мы отобрали по два показательных критерия в 4 группах, которые служат наиболее часто встречающимися и побуждающими к интеграции мотивами как со стороны национального государства, так и со стороны интеграционного объединения. В таблице 1 показано наличие или отсутствие фактора. Мы пренебрегли весом каждого фактора, хотя очевидно, что отсутствие у Кубы



общих границ — более существенный фактор для нее, чем для Молдовы. При этом случай Армении убеждает, что этот геополитический критерий преодолим.

Таблица 1

**Факторы эффективного освоения преимуществ
статуса страны-наблюдателя**

Группа факторов (показатели на 2022 г.)	Молдова	Узбекистан	Куба
<i>Экономические</i>			
Рост товарооборота со странами ЕАЭС	+	+	+
Показатели экономического роста	+	+	+
<i>Геополитические</i>			
Общие границы	-	+	-
Отсутствие альтернативных интеграционных проектов	-	+	+
<i>Внутриполитические</i>			
Стабильность правительства	-	+	+
Консолидация элит	-	+	+
<i>Социальные</i>			
Уровень безработицы выше, чем в ЕАЭС	+	+	+
Миграционный прирост в ЕАЭС	+	-	-

Составлено автором на основе данных: <https://eec.eaeunion.org>, [TradingEconomics.com](https://tradingeconomics.com), <https://new.cisstat.org>, <https://www.worldbank.org>

Очевидно, что экономические факторы значимы для всех трех стран. В случае Кубы,кратно увеличившей товарооборот со странами — членами Союза, мы имеем дело с эффектом низкого старта.

Не вызывает сомнений, что потенциал отношений между участниками ЕАЭС и Кубой в настоящее время не реализован, однако у сторон на высшем уровне присутствуют признание необходимости всестороннего развития и углубления отношений между странами и понимание того, что многостороннее сотрудничество выступает дополнительным инструментом хеджирования рисков в условиях прогрессирующего глобального геополитического кризиса. Обращает на себя внимание, что, несмотря на падение экономических показателей сотрудничества со странами ЕАЭС в последние годы, Гавана последовательно проявляет заинтересованность в дальнейшем развитии политических контактов и расширении всестороннего взаимодействия [24, с. 189].

С другой стороны, политическая воля руководства Кубы была решающим фактором для начала взаимодействия с ЕАЭС. Для Узбекистана схождение почти всех факторов позволяет полнее, чем другим странам, использовать преимущества статуса государства-наблюдателя (табл. 2).



Качественная характеристика ключевых факторов

Государство-наблюдатель	Факторы, способствующие эффективной реализации статуса	Факторы, препятствующие эффективной реализации статуса
Молдова	Экономическая и социальная связанность	Геополитическая турбулентность, политическая нестабильность, наличие интеграционных альтернатив
Узбекистан	Экономическая связанность, социальная потребность, политическая стабильность	Геополитическая турбулентность
Куба	Политическая воля правящей элиты	Географическая удаленность, слабость экономического развития

Очевидно, что, получив статус «наблюдателя», потенциальные члены Союза переходят в активную стадию изучения «за и против» членства, активно исследуя любой кейс проявившегося положительного эффекта от присоединения к интеграционным процессам каждого его непосредственного участника [19, с. 53].

Рассматривая перспективы вступления Узбекистана в ЕАЭС в качестве полноправного члена, исследователи обращают внимание на то, что такой шаг официального Ташкента усилит роль и значение ЕАЭС в Центральной Азии. Скорее всего, интеграционный успех Узбекистана вовлечет в орбиту Союза Таджикистан, который не только имеет тесные экономические связи с Узбекистаном, но и ведет близкую внешнеторговую политику консервативного толка. Кроме того, «членство через наблюдение» может стать формулой интеграции третьих стран без учреждения института ассоциации в ЕАЭС. Еще одним эффектом вступления Узбекистана в Союз, видимо, станет возрастающая сопряженность торгово-экономических интересов стран ЕАЭС и Турции, позиции которой в Центральной Азии конкурируют с влиянием Китая и Ирана [26, р. 18].

Вступление в ЕАЭС требует адаптации законодательства и экономических систем страны к нормам и правилам ЕАЭС. Это может потребовать значительных усилий и ресурсов. Экономические оценки показывают, что некоторые аспекты членства в ЕАЭС чреваты неблагоприятными последствиями для национальной экономики. Расширение числа стран – членов ЕАЭС может стать фактором замедления интеграционных процессов в силу большей дифференциации интересов и увеличивающегося разнообразия мотивов участия / неучастия в тех или иных проектах экономического, социального и, тем более, политического характера [1, с. 555].

Как показывает исследование Кристофера Хартвелла, посвященное проблеме экологических стандартов ЕАЭС, сближение интеграционного объединения с поясом заинтересованных в сотрудничестве стран ведет как к унификации правил и процедур, так и к их либерализации. Вместе с тем непрерывное расширение круга участников интеграцион-



ных процессов в динамике создает новую проблему — интеграционное объединение постепенно начинает выступать фактором торможения развития самих институциональных основ интеграции. Отсюда можно сделать вывод о принципиальной полезности института государства-наблюдателя как подготовительного этапа в реализации интеграционных устремлений такого государства [29, р. 321]. Р. М. Попеску пишет:

Несмотря на достаточно мощный старт и быструю интеграцию, ЕАЭС многие критикуют за то, что это очень дорогостоящая затея и в итоге довольно слабая организация по концептуальным параметрам, что заставляет многих аналитиков и политиков сомневаться в ее жизнеспособности в долгосрочной перспективе [30, р. 1301].

106

Сербский исследователь Страхиња Обренович подчеркивает, что «в Евразийском экономическом союзе на данный момент не существует продуманной политики расширения, которая была бы аналогична той, которая существует в Евросоюзе, что не означает, что данная организация не стремится к обретению потенциальных новых членов» [14, с. 286].

Поиск иных форм институционализации международного сотрудничества для ЕАЭС также представляется непростой задачей. Исследователи отмечают, что «субъект международного права может иметь, помимо статуса наблюдателя и полноправного члена организации, статус ассоциированного члена» [20, с. 126]. При этом полноценное членство, статус наблюдателя и ассоциированное членство отличаются друг от друга только по степени участия в организации.

Ассоциированное членство для ЕАЭС — чистый институциональный импорт, несущий риски имитационной интеграции.

Имитация институциональной трансплантации происходит, когда страны просто копируют формальные аспекты европейских норм и практик, которые в действительности не функционировали или полностью изменили свое содержание. Эта имитация происходит потому, что элиты неспособны или не желают реально реализовать институты, которые они трансплантируют [28, р. 186].

По всей видимости, функционеры ЕАЭС не усматривают необходимости в разработке и внедрении промежуточного статуса, который известен в ЕС. Для внедрения ступенчатой системы достижения членства должны возникнуть существенные основания и институциональные условия, не в последнюю очередь — растущая привлекательность интеграционного предложения. В условиях нынешнего спроса введение такой системы не выглядит бесспорным.

В ЕАЭС пока не предусмотрен статус ассоциированного члена, однако главы государств — членов Евразийского союза подчеркивают необходимость согласования и гармонизации документов СНГ в соответствии с нормативной базой ЕАЭС, в том числе возможность введения такого статуса. Для достижения крепкого взаимовыгодного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами необходимы более глубокие институциональные форматы взаимодействия. В настоящий момент существуют три таких формата для выстраивания вза-



имоотношений с внешними партнерами: соглашения о зоне свободной торговли; непреференциальные торговые соглашения; меморандумы о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями [20, с. 129].

Более перспективным представляется расширение тематического поля взаимодействия. Как пишет В. В. Войников, «говоря о будущем развитии ЕАЭС, можно выделить два измерения: институциональное (развитие институционально-правовой основы Союза) и материальное (делегирование Союзу компетенции в новых областях). Одними из возможных сфер, в рамках которых Союз мог бы получить дополнительные полномочия, могут стать сфера миграции, а также борьба с преступностью. Обе эти сферы являются логическим продолжением развития внутреннего рынка» [2, с. 58].

Статус государства-наблюдателя можно предоставлять не только странам СНГ вне ЕАЭС, но и другим заинтересованным государствам (например, Монголии). Этот статус может быть в дальнейшем распространен на международные организации и торговые блоки, что, на наш взгляд, будет полезным для развития сотрудничества с рядом региональных структур, прежде всего для взаимодействия с Шанхайской организацией сотрудничества, Организацией Черноморского экономического сотрудничества и др. В соответствии с Положением о статусе государства – наблюдателя при ЕАЭС возможности такого государства пока достаточно скромны. Вместе с тем в перспективе для стран, готовых к развитию и углублению сотрудничества с ЕАЭС, может быть предусмотрен продвинутый статус наблюдателя – привилегированного партнера с выходом на обсуждение соглашений о расширенном экономическом партнерстве с ЕАЭС [21, с. 14].

В то же время ЕАЭС, будучи прежде всего геополитическим (если не идеологическим) проектом, в силу инертности протекционистской политики стран-участниц вряд ли в обозримой перспективе способен предложить государствам-наблюдателям достаточно привлекательную программу либерализации международной торговой политики, что обусловлено относительно слабой институциональной структурой самого интеграционного объединения [27]. На первоначальном этапе развития ЕАЭС интерес к нему проявляли около 50 государств, однако в последующем число стран, реализовавших свой интерес на практике, существенно сократилось.

Наиболее значимыми адресатами стратегии сближения ЕАЭС сейчас выступают прежде всего Китай, подписавший Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с ЕАЭС, и страны, заключившие Соглашение о зоне свободной торговли с ЕАЭС (Вьетнам, Иран, Сербия, Сингапур).

Реорганизация постсоветского пространства?

Существенными факторами, подталкивающими государства к сближению с ЕАЭС (как, впрочем, и с другими интеграционными проектами), могут стать



схожие вызовы предстоящего долгосрочного периода (например, демографические процессы, связанные со значительным ростом молодого или, напротив, пожилого населения в демографической структуре государства); стихийные экономические процессы, сигнализирующие о росте социальной напряженности в обществе (негативные тенденции на рынке труда, неэффективная молодежная политика); провал отраслевых реформ, неэффективность внедрения инструментов экономического роста, кризис идеологических и духовно-культурных связей [11, с. 37].

В интервью ТАСС заместитель министра экономического развития России Д. В. Вольвач летом 2023 г. отметил, что

108

союз открыт для вступления любого государства, разделяющего его цели и принципы, на условиях, согласованных государствами-членами. Переходя к вопросам развития международного сотрудничества ЕАЭС, могу подтвердить — интерес к развитию диалога с союзом проявляют все больше стран и международных организаций. <...> Индия впервые вошла в пятерку лидеров среди внешних партнеров союза. Смотрим на будущее также и с точки зрения поиска новых перспективных партнеров для диверсификации и переориентации наших товаропотоков. Активизировали эту работу в прошлом году и в этом году не сбавляем темпов. Напомню, что в марте 2023 г. состоялся первый раунд переговоров по заключению соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и ОАЭ. В ходе переговоров обсуждалась регуляторная часть будущего соглашения, а также были рассмотрены основные параметры по либерализации доступа на рынки. В апреле 2023 г. также состоялся первый раунд переговоров по заключению соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Индонезией. По итогам переговоров обе стороны подтвердили стремление к нахождению взаимоприемлемых решений и сохранению динамики переговорного процесса. В планах союза — углубление торгово-экономического сотрудничества с Индией. Процесс переговоров уже запущен. На прогрессивной стадии находятся переговоры с Египтом — рассчитываем в следующем году выйти на итоговые договоренности. Продолжаем наше сотрудничество со странами СНГ — эта организация является одним из наших важнейших партнеров. Показателен пример Узбекистана, который в 2020 г. получил статус государства — наблюдателя при ЕАЭС и активно включился в работу. Так, с момента получения статуса товарооборот Узбекистана со странами ЕАЭС увеличился более чем на 30 %. В целом статус государства — наблюдателя при ЕАЭС — это один из самых простых форматов взаимодействия. Институт наблюдателя в ЕАЭС — отправная точка для развития качественно новой повестки сотрудничества и вывода отношений с третьими странами на следующий уровень [5].

Развитие и упрочение связей с участниками СНГ названо одним из важнейших направлений международной деятельности ЕАЭС [18]. Однако со странами Содружества ЕАЭС в качестве интеграционного объединения практически никак не сотрудничает, если не считать установленные рабочие контакты с Исполкомом СНГ.

Британский политолог Ричард Саква отмечает, что доминирование России в евразийских интеграционных проектах позволяет властям этой страны выстраивать политику замещения ЕАЭС все более «рыхло-



го» СНГ, который выполнил политические задачи общей организации геополитического пространства сразу после распада СССР, когда роль России была менее заметна, путем втягивания постсоветских республик в орбиту своего влияния, прежде всего политического [31, р. 111–112].

Характерной иллюстрацией проблем во взаимодействии ЕАЭС и СНГ может служить отрицательная реакция официальных лиц Армении и общественности в отношении любых форматов сближения Азербайджана с Союзом. Что касается получения Азербайджаном статуса наблюдателя при ЕАЭС, то Ереван не допускает такой возможности, ссылаясь на положение Договора о Союзе, устанавливающее, что государство-наблюдатель обязано воздерживаться от любых действий, способных нанести ущерб интересам Союза и государств-членов, объекту и целям Договора о Союзе. Сам Азербайджан участвует в большинстве проектов кооперации на постсоветском пространстве, однако уклоняется от прямого участия в ЕАЭС. Азербайджан не хочет вступать ни в НАТО, ни в ОДКБ, не подписывает Соглашение об ассоциации с ЕС, не участвует в ЕАЭС, вступил в Движение неприсоединения. Баку демонстрирует геополитический плюрализм [7, с. 152].

Геополитическое влияние России в ЕАЭС заставляют ее партнеров «все более неохотно делегировать свой суверенитет институтам региональной интеграции, поскольку те могут стать инструментами российского доминирования. Таким образом, великодержавные амбиции порождают компромисс: для более мелких соседних государств они приводят к потере доверия к асимметрично большому и сильному соседу, а без доверия все попытки развития интеграционных процессов будут принципиально ограничены» [25, р. 478].

По всей видимости, в среднесрочной перспективе статус государства — наблюдателя при ЕАЭС может быть предоставлен Азербайджану в случае заключения мирного договора с Арменией, а Таджикистану — после обретения Узбекистаном полного членства в Союзе. Впрочем, ни одна из упомянутых стран не проявляет энтузиазма по поводу расширения сотрудничества с интеграционным объединением.

Выводы

Институт государства — наблюдателя при ЕАЭС появился относительно поздно, спустя четыре года после заключения основополагающего договора. Нельзя сказать, что изначально страны-учредители не рассматривали возможность расширения Союза. Напротив, возможность непосредственного присоединения к Договору о ЕАЭС была адресована в первую очередь странам СНГ. Статус наблюдателя представляет интерес для государств, правительства которых проявляют интерес к евразийской интеграции, но по разным причинам не готовы к членству в Союзе. Процесс формирования правовых кондиций международно-политического статуса наблюдателя занял еще пять лет. Этот процесс можно считать завершенным, поскольку устранены внутренние правовые коллизии и уточнены процедуры обретения и реализации статуса. Тот факт, что сегодня наблюдателями при Союзе являются три разные по своим правовым, политическим, социально-экономическим характери-



стикам страны, свидетельствует об эластичности статуса, который не налагает существенных обременений. Случай Молдовы, фактически свернувшей свое взаимодействие с ЕАЭС, но не задействовавшей механизм отзыва статуса, лишь подтверждает гибкость института. Вместе с тем обладание статусом государства-наблюдателя вовсе не обязательно влечет приобретение полного членства. Так, Узбекистан, который в собственных интересах расширяет зону сотрудничества со странами Союза, наиболее полно реализует статус наблюдателя, но воздерживается от полного членства, в том числе руководствуясь соображениями защиты своих отраслевых рынков. Конечно, статус государства-наблюдателя существенно ограничивает возможности доступа к информации и преференциальным сервисам Союза, однако разработка и внедрение промежуточного статуса ассоциированного члена лишь в незначительной степени решит эту задачу, делая интеграционный процесс затяжным и дорогостоящим. Перечень возможных адресатов интеграционного предложения через наблюдение невелик: Китай, Вьетнам, Иран, Сербия, Сингапур. По мере нормализации и стандартизации армяно-азербайджанских отношений и интеграционного продвижения Узбекистана, статус государства-наблюдателя, возможно, смогут обрести Азербайджан и Таджикистан. Среди наиболее существенных факторов, препятствующих эффективной реализации статуса наблюдателя при ЕАЭС, являются слабость национальной экономики и внутривнутриполитическая нестабильность. Наиболее важными факторами успешной реализации остаются наличие политической воли консолидированной правящей элиты и социальная востребованность интеграционного предложения. Дивергентный характер воздействия этих факторов ограничивает перспективы институционального развития Союза. По большому счету их можно свести к двум комплексным вариантам: а) углубление интеграции, предусматривающее полное членство отдельных государств-наблюдателей; совершенствование института государства-наблюдателя; поиск иных форм институционализации сотрудничества; расширение тематического поля взаимодействия; б) расширение интеграционного пространства за счет продвижения договорной политики; увеличение числа государств-наблюдателей; заключение соглашений о зоне свободной торговли и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве.

Список литературы

1. *Белашенко Д. А., Толкачев В. В., Шоджонов И. Ф.* Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2020. Т. 20, №3. С. 543–559.
2. *Войников В. В.* Право Европейского союза и Евразийского экономического союза: законодательство и судебная практика. Калининград, 2022.
3. *Девятков А.* Первый пошел. Что означает получение Молдовой статуса наблюдателя при ЕАЭС? URL: <https://eurasia.expert/poluchenie-moldovoy-statusa-nablyudatelya-pri-eaes/> (дата обращения: 10.08.2023).



4. *Договор* о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201501160013> (дата обращения: 10.08.2023).

5. *Замглавы* Минэкономразвития: в молодости ЕАЭС кроется его сила и интеграционная гибкость. URL: <https://tass.ru/interviews/17949057> (дата обращения: 10.08.2023).

6. Кузина Т. А. Вступление Республики Узбекистан в ЕАЭС: проблемы и перспективы // Молодые исследователи о современных проблемах теории и практики таможенного дела : матер. Региональной онлайн науч.-практ. конф. студентов и молодых исследователей, посвященной 60-летию ВСГУТУ. Улан-Удэ, 2022. С. 45–48.

7. Курьлев К. П., Дегтерев Д. А., Смолик Н. Г., Станис Д. В. Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 1. С. 134–156. doi: 10.17323/1996-7845-2018-01-08.

8. *Меморандум* о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Республикой Молдова. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413501/ms_05042017 (дата обращения: 10.08.2023).

9. *Меморандум* о взаимодействии между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Узбекистан. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429204/ms_13052021 (дата обращения: 10.08.2023).

10. *Меморандум* о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Куба. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01418028/ms_06062018 (дата обращения: 10.08.2023).

11. Мисько О. Н., Рубцов Г. Г. Влияние унификации политик стран ЕАЭС и их союзников на долгосрочные социально-экономические процессы внутри Евразийского союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 3. С. 34–46.

12. *О статусе* государства — наблюдателя при Евразийском экономическом союзе. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/o-status-gosudarstva-nablyudatelya.php (дата обращения: 10.08.2023).

13. *Обращение* Президента России к главам государств — членов Евразийского экономического союза. <https://kremlin.ru/events/president/news/56663> (дата обращения: 10.08.2023).

14. Обреновић С. Проширење Евроазијске економске уније — да ли је на реду политика проширења Евроазијске економске уније? // Интеграциони процеси у Евроазији / За издавача: проф. др Бранислав Ђорђевић. Београд, 2019. С. 286–307.

15. *Правительство* Молдавии отказалось финансировать участие страны в качестве наблюдателя в ЕАЭС. URL: <https://www.interfax.by/news/world/1242158> (дата обращения: 10.08.2023).

16. *Принят* пакет поправок в Договор о ЕАЭС. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/prinyat-paket-popravok-v-dogovor-o-eaes/> (дата обращения: 10.08.2023).

17. *Протокол* о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (подписан в г. Москве 25.05.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/c43cb9f74e6a88b991f3eb4297c2e5e98ecd368b/ (дата обращения: 10.08.2023).



18. Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2023 год : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 09.12.2022 г. №17. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01437185/err_12122022_17 (дата обращения: 10.08.2023).

19. Рубцов Г.Г., Мисько О.Н. Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 1) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, №1. С. 50–63. doi: 10.22394/2073-2929-2023-01-50-63.

20. Серегина А.А., Богомолова В.Е., Харланов А.С. Роль статуса страны в ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15, №3. С. 125–134.

21. Спартак А.Н., Воронова Т.А. Перспективы и ограничения евразийской политики соседства // Международная торговля и торговая политика. 2018. №4. С. 5–20.

22. Узбекистан и Куба получили статус наблюдателей при ЕАЭС. URL: <https://ria.ru/20201211/status-1588759710.html> (дата обращения: 10.08.2023).

23. Храмова А.В. Стратегическое развитие Евразийского экономического союза в эпоху коронакризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. №1. С. 124–132

24. Чмырева В.А. ЕАЭС – Куба: институционализация взаимодействия и потенциал современного сотрудничества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, №X. С. 181–190. doi: 10.22394/2073-2929-2023-02-181-190.

25. Busygina I., Filippov M. Russia, Post-Soviet Integration, and the EAEU: The Balance between Domination and Cooperation // Problems of Post-Communism. 2021. Vol. 68, №6. P. 477–486.

26. Ciešlik A., Gurshev O. Trade policies in Central Asia after EAEU enlargement and after Russian WTO accession: regionalism and integration into the world economy revisited // Eurasian Geography and Economics. 2023. Vol. 64, №1. P. 1–23.

27. Dragneva R., Hartwell Ch. A. The Eurasian Economic Union: integration without liberalization? // Post-Communist Economies. 2021. Vol. 33, №2-3. P. 200–221.

28. Furman E., Libman A. Europeanization and the Eurasian Economic Union // Eurasian integration – the view from within / ed. by P. Dutkiewicz and R. Sakwa. L.; N.Y., 2015. P. 173–192.

29. Hartwell Ch. A. Part of the Problem? The Eurasian Economic Union and Environmental Challenges in the Former Soviet Union // Problems of Post-Communism. 2022. №69. P. 317–329.

30. Popescu R. M. European Union vs. Eurasian Union – a brief comparative analysis and perspectives for cooperation // Proceedings of the International Conference on Business Excellence. 2021. Vol. 15, №1. P. 1294–1304. doi: 10.2478/picbe-2021-0119.

31. Sakwa R. Russian Neo-Revisionism and Dilemmas of Eurasian Integration // Power, Politics and Confrontation in Eurasia / ed. by R. E. Kanet, M. Sussex. L., 2015. P. 111–134. doi: 10.1007/978-1-137-52367-9_6.

Об авторе

Ольга Николаевна Радонежская – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ONGovtva@stud.kantiana.ru



O. N. Radonezhskaja

**INTERNATIONAL POLITICAL STATUS OF AN OBSERVER STATE
TO THE EAEU: PROBLEMS AND PROSPECTS
OF INSTITUTIONALIZATION**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 10 November 2023

Accepted 25 December 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-9

113

To cite this article: Radonezhskaja O. N. 2023, International political status of an observer state to the EAEU: problems and prospects of institutionalization, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 96 – 113. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-9.

The issue of the development of the observer state institution within the Eurasian Economic Union (EAEU) has been considered. An attempt has been made to assess the possibilities for the current observer states to acquire full membership and increase the number of observer states within the EAEU. Based on the analysis of regulatory acts and the application of comparative positional analysis, it has been established that the relatively recent institution only took on a more or less complete form by 2023. The main focus of the author's work is on the international-political usefulness of the observer state status and the problems of its actual implementation. A comparison is made between the positioning of Moldova, Cuba, and Uzbekistan as observer states within the EAEU. Special attention is given to ranking the factors hindering and promoting the effective implementation of this specific international-political status. The conclusion is substantiated that among the hindering factors are the weakness of the national economy and domestic political instability, while among the promoting factors are the presence of political will from a consolidated ruling elite and social demand for the integration proposal. The author concludes that there are two fundamentally possible scenarios for the institutional development of the Union: a) deepening integration; b) expanding the integration space through the advancement of contractual policies. The list of potential future observer states within the EAEU is small: China, Vietnam, Iran, Serbia, and Singapore. As Armenian-Azerbaijani relations normalize and Uzbekistan progresses in integration, Azerbaijan and Tajikistan may potentially attain similar status.

Keywords: EAEU, observer state, Eurasian integration, Moldova, Cuba, Uzbekistan, position analysis

The author

Olga N. Radonezhskaja, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ONGovtva@stud.kantiana.ru

С. В. Лонская

Рец. на кн.: *Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства России (XVIII—XX вв.). — М. : Норма, 2023. — 576 с.*

114

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 23.08.2023 г.

Принята к публикации 18.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-10

Для цитирования: Лонская С. В. Рец. на кн.: *Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства России (XVIII—XX вв.). — М. : Норма, 2023. — 576 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 114—117. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-10.*

Опубликованная в 2023 г. в издательстве «Норма» монография омских юристов М. А. Кожевиной и Т. Ф. Ящук «Эволюция науки истории права и государства России (XVIII—XX вв.)» [2] подытожила несколько лет плодотворных исследований авторов, отмеченных помимо прочего и несколькими предшествующими значимыми работами [1; 3]. В новой же монографии мы видим комплексную, целостную картину истории нашей научной дисциплины, сконструированную на крепком методологическом основании и подкрепленную широчайшей источниковой базой.

Отечественная историко-правовая наука давно стояла перед необходимостью отразить несколько веков собственного развития. Накопленный науковедческий и историографический материал к этому только располагает. Особенно такая рефлексия важна, когда историко-правовое знание пытаются «растворить» в отраслевых юридических дисциплинах или смежных гуманитарных науках. Кроме того, потребность в таком знании возрастает в связи с необходимостью сохранения и передачи исторической памяти. Посему задачи, которые поставили перед собой авторы монографии, направлены на решение самых фундаментальных проблем истории науки: установление условий для развития научной дисциплины, анализ уровня развития источниковой базы исследований, широты диапазона проблематики, понимание того, что и как изучалось и как стало достоянием других, и т. д. Исходя из поставленных задач, выбор институционального подхода как методологической основы исследования представляется обоснованным и оправданным. Авторам удалось показать процесс институционализации науки истории права и государства в России на фоне общих тенденций развития юридической науки в целом.



Как и любой исторический процесс, эволюция науки может быть представлена через последовательность стадий. В монографии предложена дуальная картина — стадий процесса развития науки и стадий институционализации науки, которые как бы накладываются друг на друга. Развитие науки проходит стадии: 1) донаучную (протонаучную), 2) генезиса, 3) формирования и развития. Институционализация, в свою очередь, «наиболее полно отражает ее [науки] эволюцию»: на первой стадии наука «зарождается, структурируется, социализируется и формируется в систему», на второй — функционирует как система (подсистема) в рамках социальной системы [2, с. 22]. Такое наложение дает «стереоскопический эффект» и нисколько, полагаем, не нарушает целостности картины, а, напротив, делает ее богаче. Если бы не одно противоречие — авторская оговорка при характеристике стадий развития науки: на стадии формирования и развития наука функционирует «как сложившийся социальный институт, преодолевая стадии эволюции» [2, с. 20]. Означает ли это, что генезис (зарождение) науки не охватывается понятием «эволюция», а вторая стадия процесса институционализации совпадает со стадией формирования и развития? Нам представляется, что генезис — и часть эволюции, и часть институционализации; лишь в таком понимании выявленное противоречие в стадийной структуре процесса истории науки будет снято.

Структура основной части монографии (главы 2–8) следует предложенной периодизации развития науки: главы 2–3 описывают донаучную стадию и стадию генезиса, главы 4–8 посвящены развитию науки истории права и государства в России. В рамках стадий обоснованно выделены этапы, характеризующиеся качественными изменениями в науке в определенных хронологических рамках.

Можно солидаризироваться с авторами в том, что до XVIII столетия нет оснований говорить о юридической науке в России [2, с. 17, 79]. Для этого не сложилось институциональных предпосылок — прежде всего, сообщества ученых, профессионально занимающихся производством смыслов, и университетов, где ученые и студенты объединены в единую корпорацию. Юриспруденция до XVIII в. в России — исключительно прикладная, а не академическая сфера, поэтому и искать истоки науки истории права и государства следует именно тогда, что и делают авторы. Однако, на наш взгляд, суждение о том, что история права формируется в недрах юридической науки [2, с. 17, 32], достаточно спорно. История права — наука, стоящая на двух основаниях — истории и юриспруденции. И возможно, что корнями своими она уходит в историю, а еще точнее — в историко-филологическую науку, поскольку ученый-историк Нового времени — это специалист, работающий прежде всего с текстами как историческими источниками. Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), российский академик, основоположник первой научной теории происхождения древнерусского государства (научной — поскольку она опиралась на источники и логическую аргументацию, а не на миф и откровение), в Кёнигсбергском университете изучал именно языки (восточную филологию) и первоначально сделал себе имя в науке как филолог и лишь после — как историк. А занимался Байер в России проблематикой, непосредственно связанной с историей права и государства.



Нельзя не отметить насыщенность монографии фактическим материалом. Эволюция отечественной истории права и государства предстает не как цепь формализованных стадий, абстрактных факторов и сухой хронологии, а как мир, наполненный событиями, личностями ученых — историков права, их идеями и научными открытиями, творческим процессом получения нового знания и передачи его новым поколениям студентов и исследователей. Мир, находящийся в движении, полном противоречий, столкновений, но в то же время и научного сотрудничества, со своими взлетами, падениями, свершениями и трагедиями. Эта история не оставляет читателя равнодушным, и причиной тому не только литературное мастерство авторов, но и их тщательная, на высочайшем профессиональном уровне работа с источниками.

Источниковедческую компоненту монографии следует удостоить особым вниманием. Авторы не только заполнили пробелы в историографии (по сути — дали первую в нашей науке систематизированную и завершённую историографию научной дисциплины — истории права и государства России), но и осуществили систематизацию и описание комплекса исторических источников по исследуемой проблеме, а также описали особенности методик их источниковедческого исследования. Историографический и источниковедческий параграфы монографии (глава 1) имеют самостоятельную теоретико-методологическую ценность и могут быть полезны всем историкам права, в первую очередь — начинающим.

Поставленная М. А. Кожевиной и Т. Ф. Ящук цель создания комплексной науковедческой картины эволюции истории права и государства в России, безусловно, достигнута. Авторы получили фундаментальные выводы о предпосылках и причинах институционализации нашей науки, периодизации ее истории, эволюции ее предмета, организационных форм. Были подняты проблемы развития научных школ и популяризации научного знания, предложен авторский взгляд на эти проблемы. Монография вносит существенный вклад в развитие понятийного аппарата истории права и государства и юридической науки в целом. Охват вопросов и массив полученных научных результатов столь велики, что их осмысление, критический анализ, дальнейшая разработка очерчивают горизонт новых научных исследований на довольно долгое время, в течение которого монография «Эволюция науки истории права и государства России (XVIII—XX вв.)» будет служить отправной точкой и ориентиром. Мы начали с того, что книга подводит итоги, но, как и у любого большого научного труда, эти итоги — лишь промежуточное звено в непрерывной истории научного поиска, устремленного в будущее.

Список литературы

1. Кожевина М. А. Отечественная юридическая наука в XVIII—XIX вв. : учеб. пособие. Омск, 2017.
2. Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства России (XVIII—XX вв.). М., 2023.
3. Ящук Т. Ф. Юридическое образование в высшей школе : учеб. пособие. Омск, 2014.



Об авторе

Светлана Владимировна Лонская — д-р юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: SLonskaya@kantiana.ru

S. V. Lonskaya

Rev.: Kozhevina M. A., Yashchuk T. F. Evolution of the science of history of law and state of Russia (18th–20th centuries). — Moscow : Norma, 2023. — 576 p.

117

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 23 August 2023

Accepted 18 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-10

To cite this article: Lonskaya S. V. 2023, Rev.: Kozhevina M. A., Yashchuk T. F. Evolution of the science of history of law and state of Russia (18th–20th centuries). — Moscow : Norma, 2023. — 576 p., *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 114–117. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-10.

The author

Prof. Svetlana V. Lonskaya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: SLonskaya@kantiana.ru

**ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА
Серия: Гуманитарные и общественные науки**



Правила публикации статей в журнале

118

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

в) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210×297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информация;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи;

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2023

№ 4

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 05.02.2024 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ 16
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14